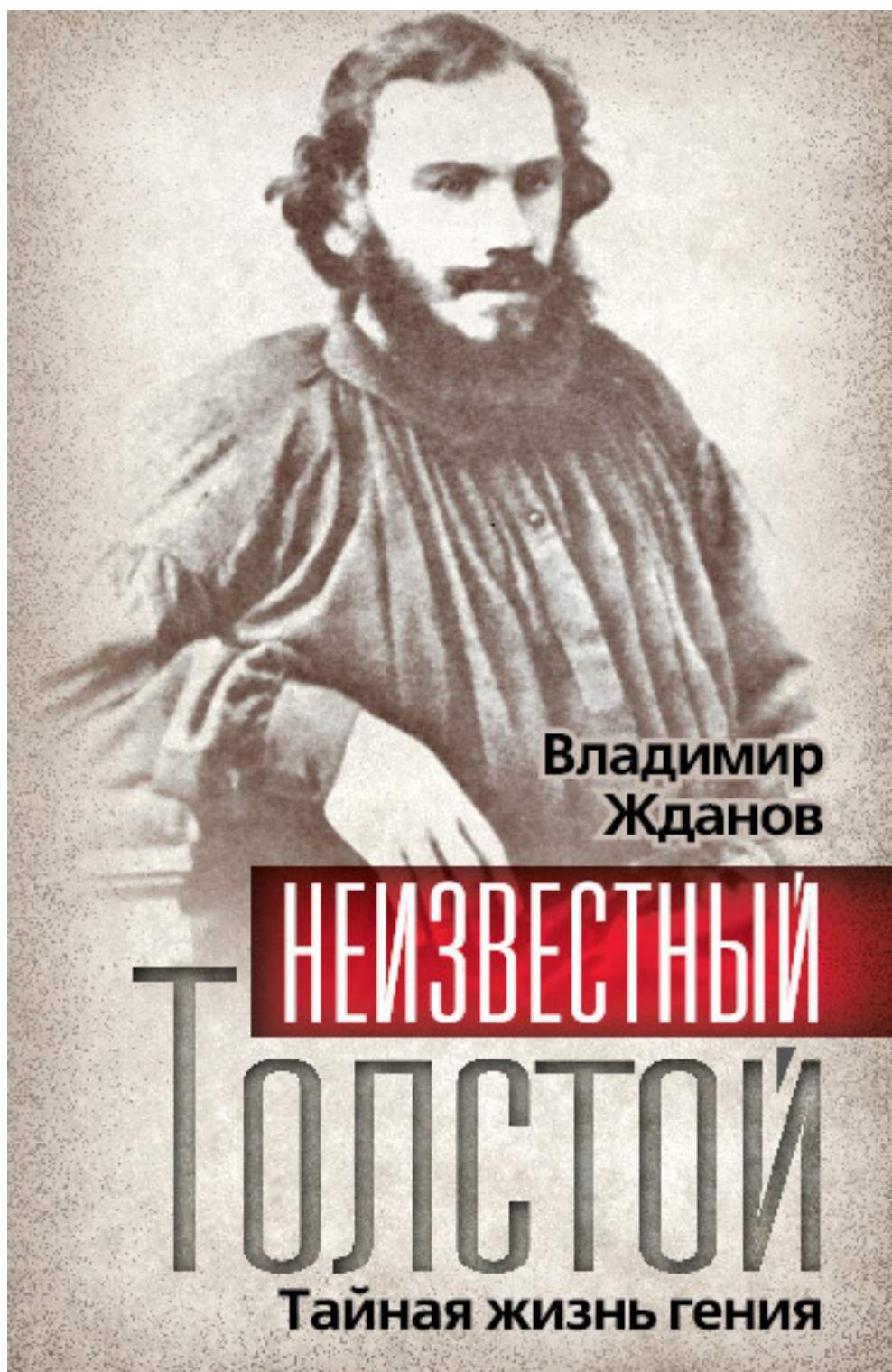

Владимир
Жданов

НЕИЗВЕСТНЫЙ ТОЛСТОЙ

Тайная жизнь гения

Владимир Александрович Жданов
Неизвестный Толстой. Тайная жизнь гения
Серия «Гении и злодеи»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6373153
Неизвестный Толстой. Тайная жизнь гения: Алгоритм; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-46072-4

Аннотация

Эта книга исследователя творчества Льва Толстого В. А. Жданова (1898–1974) затрагивает сложнейшие и интимные стороны жизни русского гения. Впервые изданная в 1928 году с привлечением неопубликованных дневниковых записей писателя, она вызвала немало споров и неприятий. Увлечения и любовь, взаимоотношения с женой, чувственные переживания и борьба с ними... Классик мировой литературы предстает здесь во всей полярности своей непостижимой личности, со всеми метаморфозами души прожитых лет. В конце жизни Толстой, всегда жаждущий идеальной любви, назовет это чувство низменным, а его семейное счастье обернется семейным разладом.

Содержание

От автора	4
Книга первая	5
Часть первая	5
Введение	5
I	7
II	9
III	13
IV	18
V	23
VI	27
Часть вторая	31
I	31
II	35
III	40
IV	47
V	54
VI	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Владимир Александрович Жданов

Неизвестный Толстой.

Тайная жизнь гения

От автора

Рассказать не о внешних событиях жизни, а о современных душевных переживаниях – задача почти невыполнимая для исследователя. Это делает тот биограф, в котором счастливо сочетаются интуиция большого художника с точностью беспристрастного историка.

Но это дело будущего, и мое намерение было много скромнее. Я собирал разбросанные документы и систематизировал их, стараясь, насколько возможно, вести изложение не от своего имени, а словами действующих лиц. Эту книгу следует рассматривать как первую попытку систематизации материалов для будущей биографии, а те выводы, которые я осторожно намечал, занимают второстепенное место. Эта особенность моей работы и дает мне право на ее опубликование.

В архивных материалах особенности правописания и пунктуации подлинников мною не сохранены. Сокращенные слова по возможности приведены полностью. В сомнительных случаях окончания включены в прямые скобки. Иногда, в случаях и не сомнительных, но ради сохранения колорита, эти сокращения оставлены или так же отмечены прямыми скобками.

Многоточие подлинников оговорено в примечании. В нескольких больших цитатах наше многоточие взято в прямые скобки и многоточие подлинников не оговорено.

По вопросу о датировке следует отметить, что даты писем Л. Н. Толстого к жене взяты со второго издания этих писем (М., 1915). Даты писем С. А. Толстой к мужу проставлены были на тех хранящихся в Ясной Поляне собственноручно переписанных Софьей Андреевной копиях, которые использованы для этой работы. В письмах к Т. А. Кузминской и в других приведенных здесь документах из архива Татьяны Андреевны датировка проверена и установлена М. А. Цявловским и мною. Часть этих писем была датирована при их написании. Даты опубликованных писем и писем из архива В. Г. Черткова мною не изменялись.

Письма Толстого к Фету исправлены и дополнены по новым данным, опубликованным Н. Н. Гусевым в журнале «Печать и Революция» (1927, кн. 6). Дневники Л. Н. Толстого по возможности проверены по лучшим, подготовленным к печати копиям. Цитаты из опубликованных ранее дневников исправлены по выверенным копиям. Печатными материалами – книги, журналы, газетные статьи – я пользовался преимущественно из библиотеки Толстовского музея.

Приношу глубокую благодарность всем лицам, содействовавшим моей работе. Особенно же благодарю за просмотр книги в рукописи, ценные указания и внимательное отношение С. А. Стахович, М. М. Чистякову, Г. А. Волкова, М. А. Цявловского и К. С. Шохор-Троцкого.

В. Жданов

Москва, 20 февраля 1928 г.

Книга первая

Часть первая Молодость

Введение

Первая часть этой книги представляет попытку описать интимные переживания Толстого в юности и молодости, переживания «ужасных 20 лет¹, или периода грубой распущенности, служения честолюбию, тщеславию и, главное, похоти»².

Биографические работы о Толстом, более или менее полные, с той или иной точки зрения освещающие отдельные моменты его жизни и ступени его духовного роста, не уделяли этому вопросу достаточного внимания. Одни считали, возможно, эти переживания незначительным явлением жизни, не оказавшим серьезного влияния на жизненный опыт Толстого; другими, вероятно, руководило заслуживающее уважения и вполне понятное чувство деликатности перед памятью великого человека.

«Никакой род преступлений людских против нравственного закона не скрывается с такой тщательностью людьми друг перед другом, как преступления, вызываемые половой похотью; и нет преступления против нравственного закона, которое было бы так обще всем людям, захватывая их в самых разнообразных и ужасных видах; нет преступления против нравственного закона, на которое смотрели бы так несогласно люди, – одни, считая известный поступок страшным грехом, другие – тот же поступок самым обычным удобством или удовольствием; нет преступления, на счет которого было бы выказываемо столько фарисейства; нет преступления, отношение к которому показывало бы так верно нравственный уровень человека, и нет преступления более губительного для отдельных людей и для движения вперед всего человечества»³, – писал в старости Лев Николаевич. И вполне понятно то чувство робости и стесненности, которое охватывает исследователя, когда он доходит до этой интимной стороны жизни Толстого.

Но обойти ее молчанием, общими фразами или краткими цитатами после того, как сам Толстой неоднократно обращал наше внимание на условия его холостой жизни, все же нельзя. В этом вопросе, вызывающем столько различных толков и голословных утверждений, нужна полная ясность – замалчивать его не следует.

За последнее время уделяется серьезное внимание половой проблеме и все больше уясняется значение полового инстинкта в жизни человека. Как же можем мы обходить этот вопрос при изучении жизни и творчества Толстого?

Толстой принадлежит человечеству. Толстой – исключительное по яркости явление, и, проникая в тайны этого явления, мы постигаем скрытые, глубокие законы жизни.

Толстой не нуждается в нашем оправдании. Память его не будет омрачена добросовестным изучением его поступков; не оскорбит ее и нездоровое любопытство случайного читателя.

¹ С 14 лет до женитьбы – до 34 лет.

² «Воспоминания».

³ Мысли Л. Н. Толстого о половом вопросе, собранные В. Г. Чертковым.

Лев Николаевич думал одно время сам написать свою биографию. Об этом он рассказывает в своих «Воспоминаниях»: «Когда я подумал о том, чтобы написать всю истинную правду, не скрывая ничего дурного моей жизни, я ужаснулся перед тем впечатлением, которое должна бы была произвести такая биография... [Но] если писать биографию, то надо писать всю настоящую правду. Только такая биография, как ни стыдно мне будет писать ее, может иметь настоящий и плодотворный интерес для читателей». А в дневнике 1895 г. (27 марта), намечая свое первое завещание, он записывает: «Дневники моей прежней холостой жизни, выбрав из них то, что стоит того, я прошу уничтожить... не потому, что я хотел бы скрыть от людей свою дурную жизнь: жизнь моя была обычная дрянная жизнь *беспринципных молодых* людей, но потому, что эти дневники, в которых я записывал только то, что мучило меня сознанием греха, производят ложно-одностороннее впечатление и представляют... А впрочем, пускай остаются мои дневники, как они есть. Из них видно, по крайней мере, то, что, несмотря на всю пошлость и дрянность моей молодости, я все-таки не был оставлен Богом и хоть под старость стал немного понимать и любить Его».

То же предостережение о возможности ложно-одно стороннего представления о его молодости Лев Николаевич делает в «Воспоминаниях детства»: «В этот период жизнь моя не была сплошным злом, каким она представлялась мне во время болезни, и в этот период во мне пробуждались порывы к добру, хотя и недолго продолжавшиеся и скоро заглушаемые ничем не сдерживаемыми страстями».

Эти свидетельства Толстого особенно важны для нас, так как в первой части этой книги в значительной мере использованы дневники холостой жизни. Мы сознательно ограничили тему и опустили другие не менее интересные и яркие моменты молодости Толстого. Возможно, что биографический материал, подобранный на такую ответственную тему, приведет на мало знакомого с жизнью Толстого читателя ложно-одностороннее впечатление. Такой читатель, желающий ознакомиться с остальными событиями внутренней жизни Льва Николаевича, может обратиться к крупным биографическим работам Н. Н. Гусева и П. И. Бирюкова. Перед нами другая задача: восполнить пробел в жизнеописаниях Толстого и наметить первую предпосылку для разрешения проблемы личной жизни Льва Николаевича, его семейного счастья, семейной трагедии и величественного конца. Мы не сумеем постигнуть психологические причины его переживаний, нам не удастся разгадать смысл такого необычайного явления в истории человечества, каким мы все считаем жизнь Толстого, если мы не учтем ее полностью и не используем выводов, вытекающих из изучения фактов его молодости.

Увлечения и любовь, жажда семейной жизни и чувственное влечение к женщине – вот два основных настроения, держащих в своей власти молодого Толстого, вот содержание первой части нашей книги.

Кроме дневников, использованы письма 1848–1862 гг. и художественные произведения с ярко выраженным автобиографическим содержанием. Однако к последней категории материалов приходится относиться с большой осторожностью, так как несомненно, что автобиографические данные в значительной мере изменены силою художественного творчества. Сам Толстой по поводу «Детства» говорит: «Замысел мой был описать историю не свою, а моих приятелей, оттого вышло нескладное смешение событий их и моего детства».

Подобные же оговорки следует, вероятно, сделать и относительно других произведений, использованных для этой работы. И, тем не менее, мы не допустим ошибки, если будем рассматривать эти произведения не в качестве бесспорных документов, а только как фон, выделяющий ярче отрывистые записи дневников и цитат из писем. Думается, что мы немногим уклонимся от истины, если сочтем переживания героев отчасти совпадающими с переживаниями автора.

Художественными произведениями мы воспользовались только для описания первых лет юности Толстого; факты остальных десяти лет его молодости, до женитьбы, мы полностью берем из дневников, писем и воспоминаний.

Избранная нами тема обязывает к исключительно осторожному подходу, почему интимные записи дневника приведены здесь не все.

В нашу задачу не входит описание внешней картины жизни Толстого. Записями дневника мы пользуемся только как свидетельством внутренних переживаний, дающим возможность со всей тщательностью проследить эти переживания, чтобы расчистить путь для понимания всего Толстого.

I

Наш обзор начинается тем периодом, когда в Толстом половое чувство пробудилось, громко заговорило, впервые предъявило свои права. Новые настроения проникли в детскую душу и произвели в ней смятение. Они были безотчетны и непреодолимы. Они сыграли исключительную роль, послужив гранью между двумя периодами жизни. Через многие годы Толстой с волнением вспоминал этот роковой перелом, и в одном автобиографическом произведении точно определил роковой возраст: 14 лет. Он писал: «Четырнадцати лет, когда я узнал порок телесного наслаждения, и ужаснулся ему. Все существо мое стремилось к нему, и все же существо, казалось, противилось ему»¹. Но в этих словах душевное состояние подростка не совсем верно передано: в них отразилась мысль зрелого человека. А в те, отроческие, годы главное: его занимало неосознанное тяготение к чему-то, и для мучительной рефлексии мало было оснований. Первой ступенью к раскрытию этой новой стороны было для Толстого его изменившееся отношение к горничной, о чем он говорит в «Отрочестве».

«Ни одна из перемен, происшедших в моем взгляде на вещи, не была так разительна для самого меня, как та, вследствие которой в одной из наших горничных я перестал видеть слугу женского пола, а стал видеть *женщину*, от кото¹ «Записки сумасшедшего».

рой могли зависеть в некоторой степени мое спокойствие и счастье.

С тех пор, как помню себя, помню я и Машу в нашем доме, и никогда, до случая, переменявшего совершенно мой взгляд на нее... я не обращал на нее ни малейшего внимания. Маше было лет двадцать пять, когда мне было четырнадцать; она была очень хороша... необыкновенно бела, роскошно развита и была женщина, а мне было четырнадцать лет...

Я по целым часам проводил иногда на площадке без всякой мысли, с напряженным вниманием прислушиваясь к малейшим движениям, происходившим наверху; но никогда не мог принудить себя подражать Володе, несмотря на то, что мне этого хотелось больше всего на свете. Иногда, притаившись за дверью, тяжелым чувством зависти и ревности слушал возню, которая поднималась в девичьей, и мне приходило в голову: каково бы было мое положение, ежели бы я пришел наверх и, так же, как Володя, захотел бы поцеловать Машу? что бы я сказал со своим широким носом и торчавшими вихрами, когда бы она спросила у меня, чего мне нужно? Иногда я слышал, как Маша говорила Володе: «вот наказание! что же вы в самом деле пристали ко мне, идите отсюда, шалун этакий... Отчего Николай Петрович никогда не ходит сюда и не дурачится... Она не знала, что Николай Петрович сидит в эту минуту под лестницей и все на свете готов отдать, чтобы только быть на месте шалуна Володи.

Я был стыдлив от природы, но стыдливость моя еще увеличивалась убеждением в моей уродливости».

Через несколько лет влечение достигло высшего напряжения, оно вполне определилось и требовало удовлетворения. Наступил трагический, переживаемый многими юношами момент, который несет с собой и муки и новые желания. Тело впервые побеждает и

наносит первую глубокую рану. Вот здесь-то все существо стремится к пороку и все существо противится ему. Борется и уступает.

В «Юности» автор так говорит про себя: «Нет, – отвечал я, подвигаясь на диване... я и просто не хочу, а если ты советуешь, то я ни за что не поеду. Нет, – прибавил я потом, – я неправду говорю, что мне не хочется с ними ехать, но я рад, что не поеду».

О первом падении есть намеки в «Записках маркера». Этот рассказ, без сомнения, содержит скрытый автобиографический материал. Он написан с большим подъемом, в три-четыре дня, без поправок и переделок. «Пишу с таким увлечением, что мне тяжело даже: сердце замирает», – тогда же отметил Лев Николаевич в дневнике. А эти строки о трагедии невинного юноши – самые горячие, вырвавшиеся из души.

«Приехали часу в первом... И все Нехлюдова поздравляют, смеются... А он красный сидит, улыбается только... Приходят потом в бильярдную, веселы все, а Нехлюдов на себя не похож: глаза посоловели, губами водит, икает и все уж слова не может сказать хорошенько... Подошел он к бильярду, облокотился, да и говорит:

– Вам... смешно, а мне грустно. Зачем... я это сделал; и тебе... князь, и себе в жизнь свою этого не прощу. – Да как зальется, заплачет»⁴.

Картину эту дополняет трогательное признание, сделанное Львом Николаевичем другу его Марии Александровне Шмидт. «Когда он писал «Воскресенье», жена его, Софья Андреевна, резко напала на него за главу, в которой он описывал обольщение Катюши.

– Ты уже старик, – говорила она, – как тебе не стыдно писать такие гадости.

Лев Николаевич ничего ей не сказал, а когда она ушла, он, обращаясь к бывшей при этом М. А. Шмидт, едва сдерживая рыдания, подступившие ему к горлу, сказал:

– Вот она нападает на меня, а когда меня братья в первый раз привели в публичный дом, и я совершил этот акт, я потом стоял у кровати этой женщины и плакал!»⁵

Но не одну эту жестокую сторону жизни открыла Толстому его молодость. Та же новая сила породила совсем иные настроения. В них не было ничего постыдного, Толстой не только не старался избегать их, но весь отдавался новой мечте. Появилось стремление к личному счастью и противопоставило себя бурному потоку грубой мужской силы. Мечты о «поэтическом, сладостном счастье», которое казалось ему тогда «высшим счастьем жизни», заполонили воображение юноши: «В тот период времени, который я считаю пределом отрочества и началом юности, основой моих мечтаний были четыре чувства [и одно из них –] любовь к *ней*, к воображаемой женщине, о которой я мечтал всегда в одном и том смысле и которую всякую минуту ожидал где-нибудь встретить»⁶.

«После ужина и иногда ночной прогулки с кем-нибудь по саду... я уходил один спать на полу на галерею... Наконец... я оставался совершенно один и, зорко оглядываясь по сторонам, не видно ли где-нибудь подле клумбы или подле моей постели белой женщины, рысью бежал на галерею. И вот тогда я ложился на свою постель... смотрел в сад, слушал звуки ночи и мечтал о любви и счастье».

Тогда все получало для меня другой смысл... смысл слишком большой красоты и какого-то недоконченного счастья. И вот являлась *она* с длинною черною косой, высокой

⁴ «Записки маркера».

⁵ И. Н. Гусев. Биография, т. I, гл. VI. В этой части «Воскресения» очень много автобиографического. В первом наброске, сделанном 26 декабря 1889 г., Нехлюдов выведен под фамилией Валерьяна Юшкина, племянника тетушек Юшкиных. В первый раз фамилия эта была написана в рукописи «Юшков» и тут же исправлена на «Юшкин». Л. Н-ч был племянником П. И. Юшковой. Но здесь, вероятно, описано не первое падение автора, а позднейшая страница его жизни. Молодая девушка («Катюша Маслова») была, кажется, из Ясной Поляны или из другой ближайшей деревни, а его роковой шаг был сделан не там. Но возможно также, что Толстой имел намерение описать в романе свое первое падение, и оно отразилось на этих страницах. – И. И. Старинину он сообщил, что все произошло в Кизическом монастыре под Казанью. А в Казани Толстой жил у Юшковых (И. И. Старинин. Около мудреца // «Русские ведомости», 16 ноября 1911 г.)

⁶ «Юность», гл. III.

грудью, всегда печальная и прекрасная, с обнаженными руками, с сладострастными объятиями. Она любила меня, я жертвовал для одной минуты ее любви всею жизнью. Но луна все выше, выше, светлее и светлее стояла на небе, пышный блеск пруда, равномерно усиливающийся, как звук, становился яснее и яснее, тени становились чернее и чернее, свет прозрачнее и прозрачнее, и, вглядываясь и вслушиваясь во все это, что-то говорила мне, что она с обнаженными руками и пылкими объятиями – еще далеко-далеко не все счастье, что и любовь к ней – далеко-далеко еще не все благо; и чем больше я смотрел на высокий полный месяц, тем истинная красота и благо казались мне выше и выше, чище и чище и ближе и ближе к нему, к источнику всего прекрасного и благого, и слезы какой-то неудовлетворенной, но волнующей радости навертывались мне на глаза»⁷.

Так кончился «чудный... невинный, радостный, поэтический период детства», когда «невинная веселость и беспредельная потребность любви были главными побуждениями в жизни». Раскрылись глаза на новую, доселе не известную сторону человеческих отношений, тело стало предъявлять свои требования, душа стремилась к неизведанному счастью новой любви. Детское неведение сменилось острой борьбой слепого инстинкта, сознания и чувства.

II

72-летним стариком Лев Николаевич записал в дневнике: «Вспомнил свое отрочество, главное – юность и молодость. Мне не было внушено никаких нравственных начал – никаких; а кругом меня большие с уверенностью курили, пили, распутничали (в особенности распутничали), били людей и требовали от них труда. И многое другое я делал, не желая делать, только из подражания большим». – «Можно смотреть на половую потребность как на тяжелую повинность тела (так смотрел всю жизнь) и можно смотреть как на наслаждение (я редко впадал в этот грех)».

Мы видели страдания, следовавшие за первыми проявлениями «половой потребности». Но острая реакция не уменьшила силы влечения, оно оставалось непреодолимым, и «тяжелая повинность тела» захватила юного Толстого. Равнодушное одобрение окружающих, сочувствие и поощрение сверстников помогали работе инстинкта. Но Толстой подчинялся не без борьбы. Он чувствовал, что его юношеские порывы парализованы слепой силой, и чем больше падал, тем сильнее желал освободиться от этого тяжелого гнета.

Перед отъездом из Казани перед Львом Николаевичем, 19-летним юношей, уже встает вопрос об изменении направления всей его жизни. Он заболевает (быть может, беспорядочная жизнь была причиной этой болезни), поступает в клинику и здесь делает первую запись в дневнике: «Вот уже шесть дней, как я поступил в клинику, и вот шесть дней, как я почти доволен собой. *Les petites causes produisent de grands effets...*»⁸ Я стал на ту ступень, на которую я уже давно поставил ногу, но никак не мог перевалить туловище... Главная же польза состоит в том, что я ясно усмотрел, что беспорядочная жизнь, которую большая часть светских людей принимает за следствие молодости, есть ничто иное, как следствие раннего разврата души».

В таком настроении Лев Николаевич оставляет университет и уезжает в Ясную Поляну, полный жизни и увлекательных планов бескорыстного служения народу. Отныне мелкие интересы личной жизни не должны более мешать проявлению высших требований совести. Влечение к женщине поглощало силы и внимание – теперь же, на новой Ступени, это главное препятствие к подлинной радости должно быть безоговорочно устранено.

⁷ «Юность», гл. XXXII.

⁸ Мелочи могут привести к серьезным последствиям... (фр.)

Толстой записывает в дневнике: «Вчера я был в хорошем расположении духа и остался бы, верно, к вечеру доволен собой, ежели бы приезд Дунечки⁹ с мужем не сделал бы на меня рокового большого влияния, что я сам лишил себя счастья быть довольным собою».

На следующий день он вырабатывает новое «правило»: «Я начинаю привыкать к первому правилу, которое я себе назначил. И нынче назначаю себе другое, именно следующее: смотри на общество женщин, как на необходимую неприятность жизни общественной, и, сколько можно, удаляйся от них. – В самом деле: от кого получаем мы сластолюбие, изнеженность, легкомыслие во всем и множество других пороков, как не от женщин? Кто виноват тому, что мы лишаемся врожденных в нас чувств: смелости, твердости, рассудительности, справедливости и других – как не женщины? Женщина восприимчивее мужчины, поэтому в века добродетели женщины были лучше нас. В теперешний же развратный, порочный век – они хуже нас».

Вся жизнь молодого Толстого проходит в выработке строгих «правил» поведения, в стихийном уклонении от них и упорной борьбе с личными недостатками. Временами, под влиянием безудержных порывов молодости, суровые заповеди заменяются практическими нормами, но усиливающаяся страсть заставляет вновь подчеркнуть строгое требование.

Однажды правило: «удаляйся от женщин» уступило место другому, более снисходительному. – «Второй день ленюсь, не исполняю назначенного. Отчего? – Не понимаю. Однако, не отчаиваюсь, буду себя принуждать. Вчера, кроме неисполнения назначенного, еще изменил своему правилу. Теперь уже не изменю тому, чтобы у себя в деревне не иметь ни одной женщины, исключая некоторых случаев, которых не буду искать, но не буду и упускать»... Через два дня – упрек: «Вчерашний [день] прошел довольно хорошо, исполнил почти все: недоволен одним только: не могу преодолеть сладострастия, тем более, что страсть эта слилась у меня с привычкою».

И в дневнике появляется новое правило: «Каждый день моцион. Сообразно закону религии, женщин не иметь».

Как ни сильны были чувственные переживания и борьба с ними Толстого, они не заполняли всецело личной жизни. Другие «затаенные, невыраженные порывы юности» волновали его, и он страдал от избытка какого-то смутного, неопределенного чувства, не находя выражения ему.

«То со всею прелестью неизвестного юное воображение его предоставляло ему сладострастный образ женщины, и ему казалось, что вот оно, невыраженное желание. Но какое-то другое, высшее чувство говорило: *не то*, и заставляло его искать чего-то другого... «Какая глупость все то, что я знал, чему верил и что любил», – говорил он сам себе. «Любовь, самоотвержение – вот одно истинное, независимое от случая счастье!»...

«Со всех сторон прикладывая эту мысль к жизни и находя ей подтверждение в жизни и в том внутреннем голосе, говорившем ему, что это то, он испытывал новое для него чувство радостного волнения и восторга... «И кроме этого, – в то же время думал он, – кто мне мешает самому быть счастливым в любви к женщине, в счастии семейной жизни?» И юное воображение рисовало ему еще более обворожительную будущность. «Я и жена, которую я люблю так, как никто никогда никого не любил на свете, мы всегда живем среди этой спокойной, поэтической деревенской природы, с детьми, может быть, со старухой теткой; у нас есть наша взаимная любовь, любовь к детям, и мы оба знаем, что наше назначение – добро. Мы помогаем друг другу идти к этой цели. Я делаю общие распоряжения, даю общие, справедливые пособия, завожу ферму, сберегательные кассы, мастерские; а она, с

⁹ Дунечка – Темяшева; провела детство в семье Толстых. О ней Л. Н-ч пишет в «Воспоминаниях»: «Она была не умная, но хорошая, простая девочка, а главное, – до такой степени целомудренная, что между нами, мальчиками, и ею никогда не было никаких, кроме братских отношений».

своею хорошенькою головкой, в простом белом платье, поднимая его над стройною ножкой, идет по грязи в крестьянскую школу, в лазарет, к несчастному мужику, по справедливости не заслуживающему помощи, и везде утешает, помогает... Дети, старики, бабы обожают ее и смотрят на нее, как на какого-то ангела, на провидение. Потом она возвращается и скрывает от меня, что ходила к несчастному мужику и дала ему денег, но я все знаю и крепко обнимаю ее и крепко и нежно целую ее прелестные глаза, стыдливо краснеющие щеки и улыбающиеся румяные губы». Мечты Толстого о семейной жизни не находили своего воплощения, и порою он начинает думать о женитьбе как о прозаическом, деловом шаге: «Приехал я в Москву с тремя целями: 1) играть, 2) жениться, 3) получить место... Второе, благодаря умным советам брата Ник[оленьки], оставил до тех пор, пока принудит к тому или любовь или рассудок, или даже судьба, которой нельзя во всем противодействовать!»

Но любовь, рассудок и судьба еще на долгие годы лишают Толстого счастья семейной жизни, а «тяжелая повинность тела» предъявляет свои требования, более реальные и непреодолимые. Борьба с ними продолжается непрерывно. Дневник помогает в этой борьбе. Каждое падение, каждое влечение Толстой добросовестно отмечает в своих записях, «себе в наказание»: «Нахожу для дневника, кроме определения будущих действий, полезную цель – отчет каждого дня с точки зрения тех слабостей, от которых хочешь исправиться». «Приходила за паспортом Марья... Поэтому отмечу *сладострастие*»... «После обеда и весь вечер шлялся и имел *сладострастные возжелания*». Через день новая запись: «Мучает меня сладострастие, не столько сладострастие, сколько сила привычки». На другой день: «Не мог удержаться, подал знак чему-то розовому, которое в отдалении казалось мне очень хорошим, и отворил сзади дверь. Она пришла. Я ее видеть не могу, противно, гадко, даже ненавижу, что от нее изменяю правилам. Вообще, чувствую очень похожее на ненависть, которую питаешь к тем людям, которым не можешь показать, что не любишь, и которые имеют право полагать в вас к себе хорошее расположение. – Чувство долга и отвращение говорили против, похоть и [страсть]¹⁰ говорили за. Последние одолели. Ужасное раскаяние; никогда я не чувствовал его так сильно. Это шаг вперед».

«Вчера я почти всю ночь не спал; пописавши дневник, я стал молиться богу. Сладость чувства, которую я испытал на молитве, передать невозможно... Я желал чего-то высочайшего и хорошего, но чего, я передать не могу, хотя и ясно сознавал, чего я желаю. – Мне хотелось слиться с существом всеобъемлющим, я просил его простить преступления мои, но нет, я не просил этого, ибо я чувствовал, что ежели оно дало мне эту блаженную минуту, то оно простило меня. Я просил, и вместе с тем чувствовал, что мне нечего просить, и что я не могу и не умею просить. Я благодарил его, но не словами, не мыслями. Я в одном чувстве соединил все, и мольбу и благодарность. Чувство страха совершенно исчезло... Нет, вот оно чувство, которое испытал я вчера, – это любовь к Богу – любовь высокую, соединяющую в себе все хорошее, отрицающее все дурное. – Как страшно было мне смотреть на всю мелочную, порочную сторону жизни. Я не мог постигнуть, как она могла завлекать меня. Как от чистого сердца просил я Бога принять меня в лоно свое. Я не чувствовал плоти... но нет, плотская, мелочная сторона опять взяла свое, и не прошло часу, я почти сознательно слышал голос порока, тщеславия, пустой стороны жизни; знал откуда этот голос, знал, что он погубит мое блаженство, боролся – и поддался ему. Я заснул, мечтая о славе, о женщинах; но я не виноват, я не могу». Религиозный подъем влечет за собой стремление к нравственной чистоте; в то же время и другое чувство – возвышенная любовь к женщине – помогает Толстому освобождаться от чувственных порывов тела. «Чем сильнее я был влюблен, тем бестелеснее становилась для меня она», – вспоминает Лев Николаевич в рассказе «После

¹⁰ В подлиннике описка: «совесть».

бала». «В моей душе любовь к Вареньке освободила всю скрытую в моей душе способность любви. Я обнимал в то время весь мир своей любовью»¹¹.

Жажда идеальной, бесплотной любви к женщине, такой любви, которая устранила бы все низшие стремления и дала бы душевную радость, духовный подъем и нравственное удовлетворение, неотступно преследует молодого Толстого. Движение сердца, легкое увлечение он возводит в своем воображении на степень серьезной, глубокой любви. Встреча с девушкой дает лишь толчок идеальным порывам. Переживания эти на время заполняют жизнь и устраняют низшие страсти. Любимая женщина теряет свой облик, и Толстого занимает не столько эта женщина и ее судьба, сколько собственные мечты и сердечные переживания.

Так было с Зинаидой Модестовной Молоствовой.

Лев Николаевич познакомился с нею еще студентом в Казани у начальницы Родионовского института Е. Д. Загоскиной (Молостова была воспитанницей этого института). По дороге на Кавказ он заезжает в Казань и снова видится с Молостовой. «Ей было 21–22 года и она была почти невестой Н. В. Тиле. Несмотря на это, она почти все мазурки танцевала со Львом Николаевичем и, видимо, интересовалась им»¹². Встреча эта производит на Толстого большое впечатление, и мысль о любви не покидает его. Через два месяца он записывает в дневнике:

«Любовь и религия, вот два чувства чистые, высокие. Не знаю, что называют любовью. Ежели любовь то, что я про нее читал и слышал, то я ее никогда не испытывал. Я видал прежде Зинаиду институточкой, она мне нравилась, но я мало знал ее (фу, какая грубая вещь слово, как площадно, глупо выходят переданные чувства). Я жил в Казани неделю. Ежели бы у меня спросили, зачем я жил в Казани, что мне было так приятно? Отчего я был так счастлив? Я не сказал бы, что это потому, что я влюблен. Я не знал этого. Мне кажется, что это незнание и есть главная черта любви и составляет всю прелесть ее. *Как морально легко мне было в это время! Я не чувствовал этой тяжести всех мелких страстей, которая портит все наслаждения жизни.* Я ни слова не сказал ей о любви, но я так уверен, что она знает мои чувства, что ежели она меня любит, то я приписываю это только тому, что она меня поняла. Все порывы души чисты, возвышенны в своем начале. Действительность уничтожает невинность и прелесть всех порывов.

Мои отношения с Зинаидой остались на ступени чистого стремления двух душ друг к другу.

– Но, может быть, ты сомневаешься, что я тебя люблю, Зинаида? Прости меня, ежели это так, я виновен, одним словом мог бы и тебя уверить.

«Неужели никогда я не увижу ее? Неужели узнаю когда-нибудь, что она вышла замуж за какого-нибудь Бекетова? Или, что еще жалче, увижу ее в чепце, веселенькой и с тем же умным, открытым, веселым и влюбленным глазом? Я не оставлю своих планов, чтобы ехать жениться на ней, *я недоволю убежден, что она может составить мое счастье, но все-таки я влюблен.* Иначе, что же эти отрадные воспоминания, которые оживляют меня, что этот взгляд, в который я всегда смотрю, когда только я вижу, чувствую что-нибудь прекрасное. Не написать ли ей письмо? Не знаю ее отчества и от этого, может быть, лишусь счастья... Теперь Бог знает, что меня ждет... Предаюсь в волю его! Я сам не знаю, что нужно для моего счастья, и что такое счастье?

¹¹ В подтверждение автобиографичности этого рассказа приводим выдержку из дневника от 18 июня 1903 г.: «В еврейский сборник. Веселый бал в Казани, влюблен в красавицу, дочь воинского начальника-поляка; танцую с нею, ее красавец старик-отец ласково берет ее и идет на мазурку. И на утро, после влюбленной бессонной ночи, звуки барабана и сквозь строй гонят татарина, и воинский начальник велит больше бить».

¹² Сведения заимствуем из письма дочери Молоствовой Ел. Ник. Тиле к Ел. Вл. Молостовой от 4 ноября 1914 г. Зин. Модест, родилась 21 ноября 1828 г., скончалась 10 февраля 1897 г. в Казани. Она всю жизнь мечтала о встрече с Л. Н. Толстым, всей душой увлекалась его учением. О Молостовой более подробно в статье А. П. Мертваго («Утро России», 12 июня 1911 г.) и в комментариях к I тому «Дневника Молодости», с. 211–214.

– Помнишь Архиерейский сад, Зинаида, боковую дорожку? На языке висело у меня признание, и у тебя тоже. Мое дело было начать; но, знаешь, отчего мне кажется, я ничего не сказал? Я был так счастлив, что мне нечего было желать, я боялся испортить свое... не свое, а наше счастье.

Лучшим воспоминанием в жизни останется навсегда это милое время. А какое пустое и тщеславное создание – человек. Когда у меня спрашивают про время, проведенное мною в Казани, я небрежным тоном отвечаю: «Да, для губернского города очень порядочное общество, и я довольно весело провел несколько дней там».

«Подлец! Все осмеяли люди! Смеются над тем, что с милым рай и в шалаше, и говорят, что это неправда. Разумеется, правда; не только в шалаше – в Крапивне, в Старом Юрте – везде. С милым рай и в шалаше, и это правда, правда, сто раз правда!»

И после этой восторженной записи в дневнике нет больше упоминаний о Молоствовой. Трудно предположить, что только случайность или застенчивость Толстого помешали этим «веселым, почти детским отношениям» принять более серьезный характер. Скорее можно допустить, что со стороны Льва Николаевича было только минутное увлечение, а неудовлетворенная жажда поэтической, «высокой» любви, мечта о чистой девушке, освобождающей от тяжести «всех мелочных страстей», воспитали это чувство и на время овладели вниманием.

Через год Толстой записывает в дневнике: «Зинаида выходит замуж за Тиле. Мне досадно, и еще более то, что это мало встревожило меня».

Жизнь на Кавказе, новые впечатления, литературные интересы и бурные устремления молодости скоро рассеяли впечатление от встречи с Молостровой, но вытеснить мечты о любви и семейной жизни они не могли.

III

Кавказ оставил в Толстом самые дорогие воспоминания. Он считал это время «одним из лучших периодов своей жизни, несмотря на все отклонения от смутно сознаваемого им идеала»¹³.

«Хотя все это время я о себе очень мало думал, но мысль о том, что я стал гораздо лучше прежнего, как-то закралась в мою душу и даже сделалась убеждением», – отмечает Толстой в дневнике и о том же пишет в Ясную Поляну: «Мне кажется, что сумасбродная мысль поехать на Кавказ внушена мне свыше. Эта рука Божия ведет меня, и я непрестанно благодарю его. Я чувствую, что здесь я стал лучше (это еще немного, потому что я был очень дурен), и я твердо уверен, что все, что может со мной случиться здесь, будет мне на пользу, потому что сам Бог этого хочет»¹⁴. И он, «видящий сокровенную глубину моей души и направляющий ее, знает, что благодаря Ему я никогда не жил более безупречно и не чувствовал себя нравственно более удовлетворенным, чем за эти восемь месяцев»¹⁵.

Спустя семь лет в одном из писем к А. А. Толстой Лев Николаевич так описывает это время: «Я не мог понять, чтобы человек мог дойти до такой степени умственной экзальтации, до которой я дошел тогда... Никогда, ни прежде, ни после, я не доходил до такой высоты мысли, не заглядывал туда, как в это время, продолжавшееся два года. И все, что я нашел тогда, навсегда останется моим убеждением... Из двух лет умственной работы я нашел простую, старую вещь... я нашел, что есть бессмертие, что есть любовь и что жить надо для другого, для того, чтобы быть счастливым вечно».

¹³ П. И. Бирюков. Биография, т. I, гл. VII.

¹⁴ Письмо Т. А. Ергольской, 12 января 1852 г. (перев. с фр.).

¹⁵ Письмо Т. А. Ергольской, 26 июня 1852 г. (перев. с фр.).

Мечты о семейной жизни вполне отвечают общему настроению и умственным запросам. Напряженная работа интеллекта не вытеснила их. Наоборот, Толстому кажется, что только личная любовь даст полноту радости и нравственного удовлетворения. Тяготение к созданию семьи не покидает его, и в одну из своих поездок по Кавказу, на станции Моздок, в письме к «тетушке» Т. А. Ергольской, Лев Николаевич рисует увлекательную картину близкого счастья.

«После некоторого количества лет, не молодой, не старый я в Ясной Поляне, дела мои в порядке, у меня нет ни беспокойства, ни неприятностей. Вы также живете в Ясной. Вы немного постарели, но еще свежи и здоровы. Мы ведем жизнь, которую вели раньше, – я работаю по утрам, но мы видимся почти целый день... Я женат, моя жена тихая, добрая, любящая; вас она любит так же, как и я; у нас дети, которые вас зовут бабушкой; вы живете в большом доме наверху, в той же комнате, которую прежде занимала бабушка. Весь дом содержится в том же порядке, какой был при отце, и мы начинаем ту же жизнь, только переименившись ролями. Вы заменяете бабушку, но вы еще лучше ее, я заменяю отца, хотя и не надеюсь никогда заслужить эту честь. Жена моя заменяет мать, дети – нас... Будет три новых лица, которые будут иногда появляться среди нас – это братья, особенно один, который часто будет с нами, Николенька, старый холостяк, лысый, в отставке, всегда такой же добрый, благородный.

Я воображаю, как он будет, как в старину, рассказывать детям своего сочинения сказки, как дети будут у него целовать сальные руки (но которые стоят того), как он будет с ними играть, как жена моя будет хлопотать, чтобы сделать ему любимое кушанье, как мы с ним будем перебирать общие воспоминания о давно прошедшем времени, как вы будете сидеть на своем обыкновенном месте и с удовольствием слушать нас; как вы нас, старых, будете называть по-прежнему «Левочка, Николенька» и будете бранить меня за то, что я руками ем, а его за то, что у него руки не чисты.

Если бы меня сделали русским императором, если бы мне дали Перу, одним словом, если бы волшебница пришла ко мне со своей палочкой и спросила меня, чего я желаю, я, положив руку на сердце, ответил бы, что желаю, чтобы эти мечты могли стать действительностью».

Однако в действительности, насколько ее можно проследить по дневнику, продолжается настойчиво все та же борьба человека с низшими страстями. Каждая уступка телу вызывает острую реакцию и ряд новых самоограничений. Временами волна сладострастия уничтожает сопротивление, и Толстой сознательно отдается стихийному влечению, находя себе оправдание в условиях ненормальной бивуачной жизни. Но вслед за тем раздаются новые призывы к перерождению.

«Сладострастие сильно начинает разыгрываться – надо быть осторожным», – замечает Толстой в дневнике. И через день там же записывает составленную им новую молитву:

«Отче, Богородица (помянуть родных живых и усопших – потом). Избави меня, Господи, от тщеславия, нерешительности, лени, сладострастия, болезней и беспокойства душевного; дай мне, Господи, жить без греха и страданий и умереть без отчаяния и страху – с верой, надеждой и любовью. Предаюсь воле твоей. Матерь Божия и Ангел-хранитель, помолите обо мне Господа».

«С некоторого времени меня сильно начинает мучить раскаяние в утрате лучших годов жизни. И это с тех пор, как я начал чувствовать, что я бы мог сделать что-нибудь хорошее... Меня мучит мелочность моей жизни, – я чувствую, что это потому, что я сам мелочен, а все-таки имею силу презирать и себя, и свою жизнь».

На другой день – предписание: «*Нужно стараться как можно меньше возбуждать сладострастие...* Презираю все страсти и жизнь, а увлекаюсь страстишками и тешусь жизнью».

И дальше, каждое уклонение от нормальной жизни и малейший успех в преодолении страсти он отмечает в своих записях.

«О, срам! Ходил стучаться под окна К. К счастью моему, она меня не пустила». «Ходил стучаться к К., но, к моему счастью, мне помешал прохожий». «Я чувствовал себя нынче лучше, но морально слаб и похоть сильная». – «Застал в кухне молодую хозяйку и сказал с ней несколько слов. – Она решительно со мной кокетничает; перевязывает цветы под окошком, караулит рой, поет песенки, и все эти любезности нарушают покой моего сердца. Благодарю Бога за стыдливость, которую он дал мне; она спасает меня от разврата».

Эти записи относятся к 1852 году. В следующем, 1853 году в настроении замечается некоторая перемена. Сладострастие с еще большей силой захватывает Толстого. Подчинение страсти производит обычное угнетенное состояние. Но чувственное влечение достигает иногда такого напряжения, что Толстой уступает ему и удовлетворение «половой потребности» вносит в список срочных дел, наравне с литературными заданиями и практическими работами.

«Мне необходимо иметь женщину. Сладострастие не дает мне минуты покоя». Следующая запись: «Хочу приняться и вступить опять в колею порядочной жизни – чтение, писание и порядок, и воздержание. Из-за девок, которых не имею, и креста, которого не получу, живу здесь и убиваю лучшие годы своей жизни. Глупо!»

После новых падений, через месяц, он снова записывает в дневнике: «Мне вдруг непонятно стало, как мог я все это время так дурно вести себя. Ежели я буду ожидать *обстоятельства*, в *котором* я легко буду добродетелен и счастлив, я никогда не дождусь; в этом я убежден. Д[евки] сбили меня с толку. Постараюсь делать добро, сколько могу, быть деятельным и уж наверное не поступать легкомысленно и не делать зла. Благодарю Бога за такое настроение и прошу тебя, поддержи его. Я много делал дурного за это время: подговаривал девок, тратил деньги на пустяки и время, которое бы мог употребить с пользой, тщеславился, спорил, ссорился».

«Воздерживайся от вина и женщин. Наслаждение так мало, неясно, а раскаяние так велико!» На другой день запись иного характера: «Это насильственное воздержание, мне кажется, не дает мне покоя и мешает занятиям, а греха мало, ибо он извиняется неестественным положением, в которое меня поставила судьба... После обеда ленился. Мог бы, ежели не писать, то обдумать. Девки мешают. Завтра утром обдумаю «Отрочество» и буду писать его до обеда. Ежели не будет мыслей, то буду писать правила. После обеда искать доброе дело и писать». Через 2 дня: «После ужина ходил ко всем девкам и везде неудачно. Завтра писать с утра до вечера и употребить все средства, чтобы иметь девку». – «Завтра пересилить свой стыд и решительно действовать насчет Ф. Писать «Отрочество» утро и вечер».

Подчиненность физиологическим требованиям организма не останавливает работу мысли Толстого. Он обуреваем чувственными вожделениями, но в более спокойные минуты ум занят разрешением сложнейших отвлеченных вопросов. 7 июля он отмечает: «Завтра писать и непременно решить дело с Ф.» А на другой день выступает недовольство «бесцельной, беспорядочной жизнью», и в дневнике появляется серьезная запись. «Не могу доказать себе существования Бога, не нахожу ни одного дельного доказательства и нахожу, что понятие не необходимо. Легче и проще понять вечное существование всего мира с его непостижимо прекрасным порядком, чем существо, сотворившее его. Влечение плоти и душа человека к счастью есть единственный путь к понятию тайн жизни. Когда влечение души приходит в столкновение с влечением плоти, то первое должно брать верх, ибо душа бессмертна так же, как и счастье, которое она приобретает. Достижение счастья есть ход развития ее... Не понимаю необходимости существования Бога, а верю в него и прошу помочь мне понять его».

Причины особо повышенной чувственной устремленности Толстого этого периода заключаются преимущественно в ненормальных условиях военной жизни на Кавказе. Но были другие причины, и одна из главных – отсутствие объекта любви. Мы уже видели, как страстно мечтает Толстой о любви к женщине, о семейном уюте, какой восторг и нравственный подъем вызывает в нем воображаемое увлечение Молоствовой. В записной книжке 1853 года есть запись: «Когда человек бывает искренно влюблен», то испытывает «чуждое состояние души». Но стремления Толстого к целомудренной любви не находят своего применения в жизни и не освобождают его от «тяжести мелочных страстей».

В литературе установился взгляд на увлечение Оленина Марьяной, как на эпизод из личной жизни Толстого. Сам Лев Николаевич упоминает об этой любви в одном из писем к П. И. Бирюкову. И, тем не менее, трудно согласиться с этим.

В дневнике молодости Толстой отмечает все события своей жизни, но там нет ни одного намека, ни одного упоминания об этой любви. В дневнике встречается ряд женских имен, скрытых за инициалами, но записи эти имеют один и тот же определенный смысл, не оставляющий никаких сомнений. Первые очерки о Кавказе задуманы в 1852 году, и 19 октября этого года Лев Николаевич записывает программу: «1) Нравы народа: а) история Сол[омониды?] в) рассказ Балты, с) поездка в Мамакай Юрт».

Если правильна наша расшифровка этой записи, если за сокращенным словом действительно скрывается женское имя, то у нас есть основание допустить, что именно Соломону Толстой первоначально предполагал описать в «Казаках». В дневнике за два года есть ряд записей, касающихся Соломониды и его отношения к ней. Но эти отношения лишены всяких поэтических прикрас, и настроения Оленина далеко не совпадают с переживаниями автора.

«Пьяный Епишка вчера сказал, что с Соломонидой дело на лад идет. Хотелось бы мне ее взять». – «После обеда был у Епишки и говорил с Соломонидой. Грудь у нее подурнели, однако мне еще очень нравится. Впрочем, весна [?] сильно действует на меня. Каждая женская голая нога, мне кажется, принадлежит красавице». – «Ходил несколько раз к Епишке. Насчет Соломониды дело не подвигается вперед, а Мих. уже намер[евается], кажется, подкарауливать. Я решился во что бы то ни стало иметь ее». «Непоследователен насчет Соломониды. Епишка, кажется, надует меня. Завтра... после обеда, что бы ни было, пойти искать д[оброе] д[ело] и о Соломониде».

По некоторым данным, «Марьяна» была родственницей «Ерошки» – Епишки¹⁶. В дневнике все записи о Соломониде связаны с Епишкой, – это еще раз подтверждает, что прообразом Марьяны, возможно, и была Соломонида.

В неизданной статье «Внук дяди Ерошки у Льва Толстого» есть интересные сведения об этой казачке. «Образ ее в повести «Казаки» в общем не представляет из себя определенного точного портрета, – говорится в этой статье, – Толстой намеренно сделал из нее положительный, собирательный тип гребенской девушки»¹⁷.

¹⁶ «Внук дяди Ерошки у Льва Толстого», запись А. П. Кулебякина со слов Д. М. Сехина, внука «дяди Ерошки».

¹⁷ Приводим из цитированной статьи характерные воспоминания «Марьяны» о ее знакомстве с Л. Н-чем: «Я ему все-таки много тогда кое-чего промеж разговоров других сказала. Там сама словечко брошу, там жду, что он скажет. Не дождусь, в огороде убегу или дома по хозяйству мотаюсь, как бешеная: сердце отгуливает. Иной раз обидным какое слово его покажется, али просто не понравится, – всплакну тайком, а ему и виду не покажу. А то и сама, бывало, ожгу его по-нашему – по гребенскому, больней прутины таловой, чтоб не выламывался: бары-то эти, фазаны (наезжие на Кавказ дворяне. – Примеч. Кулебякина) все один на одного похожи были, а он из них же, только лучше других. А вижу – напрасно взъелась, и жалко станет, а то еще хуже: досадно и на самое себя и на всех. Отвернусь, али кошка подвернется – кочергой хвачу, да к соседке побегу семечки лузгать на завалинке. А он потом один, аль с товарищем, идет – посматривает боком, да к нам, к нам, ровно ничего и не было. А мы наших ребят позовем, да другие девки еще понаберутся, и пошли шутки, смех, пословицы. Офицеры-то видят – компания не ихняя – и уйдут, а мы про них же им вслед зубоскалим. Сердцу-то я своему воли не давала – не наш он был все-таки, боялась. А потом у меня свое пошло, а его и вовсе из думки выронила. А что ты меня про Лев Николаича спрашивал – любила ли я его, али он меня или других кого, – не знаю, право. Что было, то сказала тебе. Почитай, и ничего такого, чтобы любовью настоящей назвать, и не было. А кого он еще у нас полюбил – не

Настоящее имя Марьяны скрыто от нас. Выше были изложены предположения относительно Соломонида. Но, чтобы рассмотреть этот вопрос до конца, приводим другие выдержки, отчасти намекающие на историю любви Оленина.

«С. при мне сказал Ок., что я ее люблю. Я убежал и совсем потерялся».

– Два раза имел Кае. Дурно. Я очень опустился». – «Ходил к К., хорошо, что она не пустила».

«С[оломонида?] уехала совсем, а Ф[едосья], в которую я, к[ак] б[удто] влюблен, не соглашается под предлогом, что я уезжаю... Завтра пересилить свой стыд и решительно действовать насчет Ф.» – «Зовут в Пятигорск. Кажется, поеду, однако, это решит Ф[едосья], к[оторая] уехала в Кизляр». – «Ничего не говорил с Федос[ьей], несмотря на представлявшиеся случаи. У нее рожа разбита». – «Решить во что бы то ни стало дело с Ф[едосьей]».

Хотя в этих записях и имеются выражения, заслуживающие нашего внимания, но весь тон отношения Толстого к этим лицам настолько определен, что предположения биографов и даже свидетельства самого Льва Николаевича о полном отражении в «Казаках» личных переживаний автора невольно вызывают большие сомнения. Повесть эта закончена в 1862 году, через много лет после ее первоначального замысла. Кавказская жизнь, собственные настроения той эпохи оставили в Толстом лучшие воспоминания. Время сгладило шероховатости и впечатлениям придало грустный, поэтический тон. В то время, когда Лев Николаевич писал «Казаков», все существо его искало личного счастья, и, быть может, под влиянием этих настроений одна из случайных связей холостого юнкера была претворена художником в глубокую всепоглощающую страсть¹⁸.

Последние месяцы пребывания Толстого на Кавказе и на Дунае, т. е. около полутора лет, исключаются из поля нашего наблюдения; в дневнике отсутствуют записи интимного характера. Отсутствие записей не может указывать на отсутствие событий и переживаний. Но с несомненностью говорит это о том, что определенные интересы и влечения играют теперь меньшую роль.

Толстой занят разрешением отвлеченных вопросов, увлекается историей, ежедневно в дневнике резюмирует прочитанное, по-прежнему настойчиво вырабатывает «правила» жизни, с обычным для него упорством отмечая все отклонения от них. Здесь мы видим переходы от удовлетворения и радости к самоосуждению и отчаянию.

«Я был бы счастлив все это время!» – пишет Лев Николаевич по поводу своего приезда в Ясную Поляну перед отправкой в Дунайскую армию. А через несколько месяцев он отмечает: «Ровно... три месяца праздности и жизни, которой я не могу быть доволен... В последний раз говорю себе: ежели пройдет три дня, во время которых я ничего не сделаю для пользы людей, я убью себя. Помогите мне, Господи!» Еще через месяц: «Я очень весел, и дай Бог, как мне кажется, чтобы веселье это происходило от самого меня; от желаний всем быть приятным, скромности, необходимости и внимательности за вспышками. Тогда бы я всегда был весел и почти всегда счастлив». И после этого, в течение нескольких месяцев, почти в ежедневных записях он ставит себе задачей «исправление от трех пороков: раздражительности, бесхарактерности и лени».

Но такая жизнь, полная умственных интересов и порывов к самосовершенствованию, не вытеснила окончательно чувственных влечений. Они остались, но временно изменилось

спрашивала ни его, ни других. Кабы люди знали что-нибудь, сказали бы. Може и полюбил, да не долюбил видно: уехал и след простыл, може оно и к лучшему вышло» (Архив К. С. Шохор-Троцкого).

¹⁸ Мы не предполагаем полностью отрицать автобиографичность повести. Без сомнения, Оленин во многом походит на автора. В дневнике имеются подтверждения тому; например, запись 20 мая 1851 года, – по приезде на Кавказ: «Последнее время, проведенное мною в Москве, интересно тем направлением и презрением к обществу и беспрестанной борьбой внутренней» – вполне совпадает с настроением Оленина. А вот параллель между дневником и повестью. Дневник 13 ноября 1852 г.: «Прекрасно сказал Епишка, что я какой-то нелюбимый. Именно так я чувствую, что не могу никому быть приятен, и все тяжелы для меня». «Казаки», гл. XXVIII: «Нелюбимы мы с тобой, сироты, – вдруг сказал дядя Ерошка и опять заплакал».

отношение к ним. В этом периоде сладострастие играет незначительную роль, оно не мешает жизни, и сопротивление ему не входит в перечень «правил». – «Упрекаю себя за лень и в последний раз. Ежели завтра я ничего не сделаю, я застрелюсь. Еще упрекаю за непростительную нерешительность с девками».

И эта «непростительная» нерешительность с точки зрения морали не оценивается, и нет стремления к преодолению примитивного влечения к женщине. Толстой не осуждает его; наоборот, его огорчают недостатки, которые мешают проявлению инстинкта: «Я дурен собой, неловок, нечистоплотен и светски необразован. Я раздражителен, скучен для других; нескромен, нетерпим (intolerant) и стыдлив, как ребенок». – «Хозяйская прехорошенькая замужняя дочь, которая без памяти, глупо кокетничала со мной, подействовала на меня – как я ни принуждал себя – как и в старину, т. е. я страдал ужасно от стыдливости».

В то же время и другая сторона личной жизни – жажда семейного счастья – не оставляет Толстого. В дневнике нет записей о любви, другие интересы занимают внимание, но в письме к брату Сергею он жалуется: «Одно беспокоит меня: я четвертый год живу без женского общества, я могу совсем загрубеть и не быть способным к семейной жизни, которую я так люблю». В этом же году Лев Николаевич пишет «Роман русского помещика»¹⁹ и в жизни филантропа-помещика любви к жене уделяет первое место.

Пребывание в осажденном Севастополе вызывает новую волну чувственности с такими же проявлениями, с такими же переживаниями, как и прежде. Состояние это не покидает Толстого до конца военной службы, и с этим «настроением он уезжает в Петербург в ноябре 1855 года.

IV

В Петербурге Лев Николаевич встречается с Александрой Алексеевной Дьяковой, сестрой своего друга. Еще в юности он был увлечен ею, но до нас не дошло никаких свидетельств об этой любви. Уже три года, как Александра Алексеевна замужем за А. В. Оболенским, но при встрече чувство вновь захватывает Толстого. В дневнике есть об этом несколько упоминаний.

«Обедал у Дьяковой. Не узнал А. О.²⁰, так она переменялась. Я не ожидал ее видеть, поэтому чувство, которое она возбудила во мне, было ужасно сильно. От них ездил к Аксакову²¹, слушал 4-й отрывок²². Хорош, но старика захвалили. Вернулся к Д[ьяковым], там танцевали немного, и выехал оттуда с А. Сухотиным²³, страстно влюбленным человеком. Да и теперь мне ужасно больно вспоминать о том счастье, которое могло быть мое и которое досталось отличному человеку Андрею Оболенскому. Сухотину рассказал свое чувство, он понял его, тем более, что его, кажется, разделяет»²⁴.

– «У А. больна дочь. Она сказала А. Сухотину²⁵ при мне, что когда она была невестой, не было влюбленных. Мужа ее тут не было. Неужели она хотела сказать мне, что она не была влюблена в него. Потом, прощаясь со мной, она дала мне *вдруг руку*, и у нее были слезы на глазах от того, что она только что плакала об болезни пиндигашки; но мне было ужасно

¹⁹ «Утро помещика».

²⁰ А. А. Оболенская, урожд. Дьякова. Род. в 1831 (1830?) г., ум. 8 декабря 1890 г. в Петербурге. С 7 января 1853 г. замужем за кн. Андр. Вас. Оболенским (1825–1875).

²¹ Сергей Тимофеевич Аксаков.

²² «Семейная хроника».

²³ Александр Михайлович Сухотин (1827–1905), участник Крымской кампании.

²⁴ Дневник, 22 мая 1856 г.

²⁵ Сергей Михайлович Сухотин (1818–1886). Был женат на сестре А. А. Оболенской, Марии Алексеевне Дьяковой (ум. 1889).

хорошо. Потом она нечаянно проводила меня до дверей. Положительно, со времен Сонечки²⁶ у меня не было такого чистого, сильного и хорошего чувства. Я говорю, «хорошего», потому что, несмотря на то, что оно безнадежно, мне отрадно расшевеливать его. Писать ужасно хочется «*Юность*», кажется, от того, что с этим чувством она пережита». «Звали к Дьяковым, и я был у них и три часа проговорил с А., то один на один, то с мужем. Я убежден, что она знает мое чувство, и что оно ей приятно. Я был счастлив ужасно». «Оболенский заезжал, и я бы мог пробыть еще вечер с А. Кто знает, не было ли бы это к худшему».

Но Толстого не могла удовлетворить сложная любовь к замужней женщине, и он прошел мимо нее²⁷. Лев Николаевич ждет счастья семейной жизни и вполне созвучных отношений. «Любовь к женщине он [Левин-Толстой] не только не мог себе представить без брака, но он прежде представлял себе семью, а потом уже ту женщину, которая даст ему семью. Его понятия о женитьбе поэтому не были похожи на понятия большинства его знакомых, для которых женитьба была одним из многих общежитейских дел; для [него] это было главным делом жизни, от которого зависело все ее счастье»²⁸.

Окончание военной службы с возвращением к нормальной жизни в мирной обстановке дает, наконец, возможность осуществить лелеянную с юности мечту. Толстой записывает: «Четыре чувства с необыкновенной силой овладели мной: любовь, тоска, раскаяние (однако, приятное), желание жениться». С некоторого времени я серьезно думаю о браке, и на всех барышень, которых вижу, смотрю невольно с точки зрения брака». «Решаюсь ехать в деревню, поскорей жениться».

28 мая 1856 года Лев Николаевич выезжает в Ясную Поляну. В деревне он возобновляет знакомство с семьей Арсеньевых. Встреча с Валерией Владимировной Арсеньевой ставит перед Толстым практически вопрос о женитьбе. Он часто посещает имение Судаково, Арсеньевы приезжают в Ясную Поляну. Мысль о Валерии, как о будущей жене, серьезно занимает Льва Николаевича. «Мечты о семейной жизни, о любви к жене не оставляли меня всю мою молодость, с 15 лет», – писал Толстой в первоначальной редакции «Исповеди». Но только на 28-м году мечты эти обещают стать действительностью.

Роман с Арсеньевой – одна из самых любопытных страниц жизни Толстого²⁹. В завязке его нет никаких элементов стихийности. Лев Николаевич ставит перед собой неотложную задачу – женитьбу – и объектом выбирает Арсеньеву. «Шлялись с Дьяковым³⁰. Много советовал мне дельного об устройстве флигеля, а, главное, советовал жениться на В[алерии]. Слушая его, мне кажется, тоже, что это лучшее, что я могу сделать».

После такого решения Толстой в течение трех с половиной месяцев изучает девушку, а свои впечатления и сомнения заносит в дневник. Приводим здесь в последовательности и без комментария выдержки из дневника за это время.

«16 июня. – В[алерия] мила.

18 июня. – В. болтала про наряды и коронацию. Фриivolность есть у нее, кажется, не преходящая, но постоянная страсть.

²⁶ Софья Павловна Колошина (1828–1911(7)), дочь декабриста П. И. Колошина. Детская любовь Л. Н. Толстого. Описана в «Детстве» под именем Сонечки Валахиной.

²⁷ Однако он не забыл Оболенскую. И позднее новые встречи опять волновали его. 6 ноября 1857 года Толстой отметил в дневнике: «А. прелесть. Положительно женщина более всех других прельщающая меня. Говорил с ней о женитьбе. Зачем я не сказал ей все». Через день (8 ноября): «Отличная». 1 декабря: «А. держит меня на ниточке, и я благодарен ей за то. Однако по вечерам я страстно влюблен в нее, и возвращаюсь домой полон чем-то, счастьем или грустью, – не знаю». В дни увлечения С. А. Берс он записал: «Влюблен как в С[оничку] К[олошину] и в А.» (Дневн., 30 авг. 1862 г.).

²⁸ «Анна Каренина», I, гл. XXVII.

²⁹ Валерия Владимировна Арсеньева родилась 23 февраля 1836 г. в им. Судаково, недалеко от Ясной Поляны, 8 января 1858 г. вышла замуж за А. А. Талызина (1820–1894), которого с четырьмя детьми после нескольких лет супружества оставила, выйдя вторично за Н. Н. Волкова. Скончалась 24 января ст. ст. 1909 г. в Базеле, где и погребена.

³⁰ Дмитрий Алексеевич Дьяков (1823–1891), друг молодости Л. Н. ч.

21 июня. – Я с ней мало говорил, тем более, она на меня подействовала.

26 июня. – В. в белом платье. Очень мила. Провел один из самых приятных дней в жизни. Люблю ли я ее серьезно? И может ли она любить долго? Вот два вопроса, которые я желал бы и не умею решить себе.

28 июня. – В. ужасно дурно воспитана, невежественна, ежели не глупа.

30 июня. – В. славная девочка, но решительно мне не нравится. А ежели этак часто видется, как раз женишься.

1 июля. – Провел весь день с В. Она была в белом платье с открытыми руками, которые у ней нехороши. Это меня расстроило. Я стал щипать ее морально и до того жестоко, что она улыбалась недокончено. В улыбке слезы. Потом она играла. Мне было хорошо, но она уже была расстроена. Все это я узнаю.

2 июля. – Опять в гадком, франтовском капоте... Я сделал ей серьезно больно вчера, но она откровенно высказалась, и после маленькой грусти, которую я испытал, все прошло... Очень мила.

10 июля. – В. очень мила, и наши отношения легки и приятны.

12 июля. – В. была лучше, чем когда-нибудь, но фривольность и отсутствие внимания ко всему серьезному – ужасающие. Я боюсь, это такой характер, который даже детей не может любить. Провел день, однако, очень, очень приятно.

25 июля. – В первый раз застал ее *без платьев*, как говорит Сережа. Она в десять раз лучше, главное, естественна... Кажется, она деятельно-любящая натура. Провел вечер *счастливо*.

28 июля. – Странно, что В. начинает мне нравиться как женщина, тогда как прежде, как женщина именно, она была мне отвратительна.

30 июля. – В. совсем в неглиже. Не понравилась очень.

31 июля. – В., кажется, просто глупа.

1 августа. – В. была в конфузном состоянии духа и жестоко аффектирована и глупа.

10 августа. – Мы с В. говорили о женитьбе, она не глупа и необыкновенно добра.

12 августа. – Она была необыкновенно проста и мила. Желал бы я знать, вл[юблен] ли или н[ет].

16 августа. – Все эти дни больше и больше подумываю о Валериньке.

4 сентября. – О В. думаю очень приятно.

24 сентября. – В. мне противна.

26 сентября. – Мила, но ограничена и фютильна невозможно.

28 сентября. – Нравилась мне вечером.

29 сентября. – В. неспособна ни к практической, ни к умственной жизни... В первый раз я испытал к ней что-то вроде чувства.

1 октября. – Ничего не делал, но, слава Богу, меньше думал о В. Я не влюблен, но эта связь будет навсегда играть большую роль в моей жизни. А что, ежели я не знал еще любви, тогда, судя по тому маленькому началу, которое я чувствую теперь, я испытаю с ужасной силой. Не дай Бог, чтоб это было к В. Она страшно пуста, без правил и холодна как лед.

8 октября. – Не могу не колоть В. Это уж привычка, но не чувство. Она только для меня неприятное воспоминание.

19 октября. – Я решительно не имею к ней никакого [чувства].

24 октября. – В. была прелестна, я почти влюблен в нее.

25 октября. – Говорил с ней. Очень хорошо. Чувствовал даже слезливое расположение духа.

27 октября. – Не слишком мне нравилась, но она милая, милая девушка, честна и откровенна.

28 октября. – Она была *для меня* в какой-то ужасной прическе и порфире. Мне было больно, стыдно, и день провел грустно, беседа не шла. Однако я совершенно невольно сделался что-то вроде жениха. Это меня злит.

31 октября. – Она не хороша. Невольность моя злит меня больше и больше. Поехал на бал, и опять была очень мила... Они меня проводили, я был почти вл[юблен]».

Чтобы разобраться в своем отношении к Арсеньевой, посмотреть со стороны на создавшееся положение и спокойно обдумать его, Толстой покидает Валерию и уезжает в Петербург. Отсюда он пишет ей пространные письма, рисует их будущую жизнь, излагает свой взгляд на значение брака, дает советы о поведении, словом, подготавливает ее к новой, совместной жизни. Но за это время для него становится очевидной полная невозможность этого брака. Переписка их после объяснений прерывается, и Лев Николаевич, не возвращаясь в Ясную Поляну, уезжает за границу.

Можно выставить много причин неудачи первой попытки женитьбы Толстого. Несомненно, он и Арсеньева были люди с совершенно различным отношением к жизни. Валерия Владимировна – провинциальная девушка, увлекавшаяся блеском света, флигель-адъютантами и коронацией, тогда как перед Толстым стояли неразрешенные вопросы совести, его преследовала ответственность перед жизнью. И возможно, что отсутствие согласия в главном – в стремлении к добру – послужило основанием разрыва. Но эти основания, вернее, заключаются не в различии взглядов и интересов, а в полном отсутствии живой любви со стороны Толстого.

Встреча произошла в то время, когда внешняя жизнь изменилась и на очередь встал практически вопрос о браке. В своем воображении Лев Николаевич давно уже составил идеальный образ будущей жены³¹, и, решаясь жениться на Арсеньевой, он начинает воспитывать ее, пытается создать воплощение идеала. В письмах он дает ей самые подробные советы, определяет каждый ее шаг.

«Занятия ваши радуют меня, но мало, ей-богу, мало, вечера пропадают, принуждайте себя... Точки означают разные нежные имена, которые я даю вам мысленно, умоляя вас больше работать». – «Вечера, пожалуйста, не теряйте. Возьмите на себя. Не столько для того, что вам полезны будут вечерние занятия, сколько для того, чтобы приучить себя преодолевать дурные наклонности и лень... Ваш главный недостаток – это слабость характера, и от него происходят все другие мелкие недостатки. Выработывайте силу воли. Возьмите на себя и воюйте упорно с своими дурными привычками... Ради Бога, гуляйте и не сидите вечером долго, берегите свое здоровье».

Всякая непосредственность близких отношений Толстым строго изгоняется, и порывы любящего сердца он стремится заменить благонамеренными отношениями.

«Ваш фаворит, глупый человек, во все время дороги совершенно вышел из повиновения, рассуждал такой вздор и делал такие нелепые, хотя и милые планы, что я начинал бояться его. Он дошел до того, что хотел ехать назад с тем, чтобы вернуться в Судаково, наговорить вам глупостей и никогда больше не расставаться с вами. К счастью, я давно привык презирать его рассуждения и не обращать на него никакого внимания... Глупый человек говорил, что глупо рисковать будущим, искушать себя и терять хоть минуту счастья. «Ведь ты счастлив, когда ты с ней, смотришь на нее, слушаешь, говоришь?» – говорил глупый человек. – Так зачем же ты лишаешь себя этого счастья, может, тебе только день, только час впереди; может быть, ты так устроен, что ты не можешь любить долго, а все-таки это

³¹ «Левин едва помнил свою мать. Понятие о ней было для него священным воспоминанием, и будущая жена его должна была быть в его воображении повторением того прелестного, святого идеала женщины, каким была его мать» («Анна Каренина», I, гл. XXVII).

самая сильная любовь, которую ты в состоянии испытывать, ежели бы ты только свободно предался ей. Потом, не гадко ли с твоей стороны отвечать таким холодным, рассудительным чувством на ее чистую, преданную любовь». – Все это говорил глупый человек, но хороший человек, хотя и растерялся немного сначала, на все это отвечал вот как: «Во-первых, ты врешь, что я с ней счастлив; правда, я испытываю наслаждение слушать ее, смотреть ей в глаза, но это не счастье и даже не хорошее наслаждение... Потом, часто даже мне тяжело бывает с ней, а главное, что я нисколько не теряю счастья, как ты говоришь, я теперь счастлив ею, хотя не вижу ее. Насчет того, что ты называешь моим холодным чувством, я скажу тебе, что оно в 1000 раз сильнее и лучше твоего, хотя я и удерживаю его. Ты любишь ее для своего счастья, а я люблю ее для ее счастья»... Я уже люблю в вас вашу красоту, но я начинаю только любить в вас то, что вечно и всегда драгоценно – ваше сердце, вашу душу. Красоту можно узнать и полюбить в час и разлюбить так же скоро, но душу надо узнать. Поверьте, ничто в мире не дается без труда – даже любовь, самое прекрасное и естественное чувство».

В другом месте Лев Николаевич пишет: «Вы говорите, что за письмо от меня готовы жертвовать *всем*. Избави Бог, чтобы вы так думали, да и говорить не надо. В числе этого *всего* есть *добродетель*, которой нельзя жертвовать не только для такой дряни, как я, – но ни для чего на свете. Подумайте об этом. Без уважения, выше всего, к добру нельзя прожить хорошо на свете... работайте над собой, крепитесь, мужайтесь, учитесь и любите меня все так же, только немножко поспокойнее». «Помогай вам Бог, мой голубчик, идите вперед, любите, любите не одного меня, а весь мир Божий, людей, природу, музыку, поэзию и все, что в нем есть прелестного, и развивайтесь умом, чтобы уметь понимать вещи, которые достойны любви на свете. Любовь – главное назначение и счастье на свете». Она не в том, чтобы у пупунчика целовать руки (даже мерзко выговорить), а в том, чтоб друг другу открывать душу, поверять свои мысли по мыслям другого, вместе думать, вместе чувствовать». – Вы гневаетесь, что я *только умею читать нотации*... Это все мысли и чувства самые дорогие для меня, которые я пишу чуть не с слезами на глазах (верьте этому), а для вас это *нотации* и *скука*... Смотря по развитию, человек и выражает любовь. Оленькин жених выражал ей любовь, говоря о том, как они будут целоваться, вы выражаете любовь, говоря о высокой любви; но меня хоть убейте, я не могу говорить об этих вздорах».

Та же особенность увлечения Толстого – его «программность» – помогает ему заранее определить их будущие отношения. «Я не в состоянии дать вам того же чувства, которое ваша хорошая натура готова дать мне». «Нам надо помириться вот с чем: мне – с тем, что большая часть моих умственных, главных в моей жизни интересов останутся чужды для вас, несмотря на всю вашу любовь, вам – надо помириться с мыслью, что той полноты чувства, которое вы будете давать мне, вы никогда не найдете во мне... Одно, что может прочно соединить нас, это истинная любовь к добру, до которой я дошел умом, а вы дойдете сердцем».

Однако правдивая натура Толстого не позволила ему долго обманывать себя. Вскоре он понял, что не было любви, что он «увлекся нехорошим желанием внушить любовь».

«Я бы желал и очень желал мочь сказать, что я влюблен или просто люблю ее, но этого нет». «Я мог делать опыты с собой, не увлекая вас, – писал Лев Николаевич Арсеньевой из Парижа, – но в этом я отдал дань своей неопытности и каюсь в этом, прошу у вас прощенья, и это мучает меня; но не только бесчестного, но даже в скрытности меня упрекать не следует».

Толстому было не легко расстаться со своей мечтой. Все силы, все упования он возлагал на любовь к женщине – своей помощнице³², на полную, счастливую семейную жизнь.

³² «Я воображаю ее в виде маленького провиденья для крестьян, как она в каком-нибудь попелиновом платье с своей черной головкой будет ходить к ним (крестьянам) в избы и каждый день ворочаться с сознанием, что она сделала доброе дело, и просыпаться ночью с довольством собой и желанием, чтобы поскорее рассвело, чтобы опять жить и делать добро» (из письма к Арсеньевой, 19 нояб. 1856 г.). Сравн. «Утро помещика», гл. XVIII.

«Ежели я не найду совершенного счастья, то я погублю все, свой талант, свое сердце, сопьюсь, картежником сделаюсь, красть буду, ежели не достанет духу зарезаться», – писал Лев Николаевич в одном из писем к Арсеньевой. Но любви нет, «поправить дело невозможно, и теперь ничто не может возобновить этого»³³.

Оборвавшиеся отношения с Арсеньевой возвращают Льва Николаевича в круг прежних соблазнов. Но они не оставляли его и в то время, когда он мечтал о счастливой семейной жизни с понравившейся ему девушкой.

Из Севастополя Толстой вернулся полный чувственных вожделений. «Это уже не темперамент, а привычка разврата», – записал он по приезде. – «Похоть ужасная, доходящая до физической болезни». – «Шлялся по саду со смутной, сладострастной надеждой поймать кого-то в кусту. Ничто мне так не мешает работать. Поэтому решился, где бы то и как бы то ни было, завести на эти два месяца любовницу». – «Очень хорошенькая крестьянка, весьма приятной красоты. Я невыносимо гадок этим бессильным поползновением к пороку. Лучше бы был самый порок».

А в тот самый день, когда он разговаривал с Дьяковым об устройстве флигеля и о возможности женитьбы на Арсеньевой, вечер провел он в Судакове, «был в духе», а потом «приехал домой и послал к С[олдатке?]. С. не пришла».

И затем в течение месяцев, когда Толстой почти ежедневно виделся с Арсеньевой, увлекался ею и строил планы новой жизни, чистой и радостной, иногда в дневнике он записывал: «Пробыл целый день один дома, и вечером б[ыла] С. Отвратительно». – «Вечером была С. Наверно, последний раз». – «Ездил со сладострастными] целями верхом, – безуспешно». – «Наткнулся на хорошенькую бабу и сконфузился».

Это обстоятельство еще раз убеждает, что в романе с Арсеньевой не было всепоглощающей силы влечения, которая уничтожает примитивное сладострастие и требование инстинкта представляет в виде поэтического влечения к избранному объекту.

Толстой не любил, но искал любви и не нашел ее.

V

После неудачной попытки жениться, Толстой отдается светским увлечением. – «Тютчева³⁴, Свербеева, Щербатова³⁵, Чичерина³⁶, Олсуфьева, Ребиндер – я во всех был влюблен», – записывает Лев Николаевич через год после разрыва с Арсеньевен³⁷. К этому списку следует прибавить баронессу Е. И. Менгден³⁸ и сестер Львовых!

³³ Письмо Ергольской, 17 апреля 1857 г. В первый год замужества С. А. Толстая записала в дневнике: «Перечитывала его письма к В. А. Еще молодо было, любил не ее, а любовь и жизнь семейную. А как хорошо узнаю я его везде, его правила, его чудное стремление ко всему, что хорошо, что добро. Ужасно он милый человек. И, прочтя его письма, я как-то не ревновала, точно это был не он и никак не В., а женщина, которую он должен был любить, скорее я, чем В. Перенеслась я в их мир. Она хорошенькая, пустая в сущности, и милая только молодостью, конечно, в нравственном смысле, а он все тот же, как и теперь, без любви к В., а с любовью к любви и добру. Ясно стало мне и Судаково... и фортепиано, сонаты, хорошенькая, черненькая головка, доверчивая и не злая. Потом молодость, природа, деревенское уединение. Все понятно и не грустно, потом читала я его планы на семейную жизнь. Бедный, он еще слишком молод был и не понимал, что если прежде сочинишь счастье, то послехватишься, что не так его понимал и ожидал. А милые, отличные мечты»... (10 апреля 1863 г.) Роман с Арсеньевой нашел отражение в повести Толстого «Семейное счастье». Об этом см. в биографиях (Бирюков, т. I, гл. XVI; Гусев, т. I, гл. XIII), а также в статье П. С. Попова «Роман Л. Н. Толстого с В. В. Арсеньевой и повесть «Семейное счастье» («Огонек», 1928, № 7).

³⁴ Тютчева Екатерина Федоровна (1835–1882), дочь Федора Ивановича Тютчева (1803–1873).

³⁵ Кн. Щербатова Прасковья Сергеевна (1840–1924). С 1859 г. замужем за гр. Уваровым Алексеем Сергеевичем (1825–1884).

³⁶ Чичерина Александра Николаевна (1839–1918). С 1871 г. замужем за Нарышкиным Эм. Дм.

³⁷ Дневник, 25 января 1858 г.

³⁸ Бар. Менгден Елизавета Ивановна, урожд. Бибикина (ум. 1902 г.). Первый муж кн. Оболенский Дм. Ник. (1820–1844). Затем замужем за бар. Менгден Вл. Мих. (1826–1910).

«Менгден замечательная женщина», – отмечает Толстой в дневнике 25 января 1857 года. Спустя несколько дней: «С Менгден неловко наедине». 3 февраля: «Она прелесть, и какие могут быть отрадные отношения. Отчего с сестрой я не нахожу такого наслаждения? Может, вся прелесть состоит в том, чтобы стоять на пороге любви».

С кн. Екатериной Владимировной Львовой³⁹ Толстой знакомится в Дрездене. «Она мне очень нравится, – записывает он в дневнике, – и, кажется, я дурак, что не попробую жениться на ней. Ежели бы она вышла замуж за очень хорошего человека, и они были бы счастливы, я могу придти в отчаяние». Через несколько месяцев он делится своими переживаниями с А. А. Толстой: «Я был в наиудобнейшем настроении духа для того, чтобы влюбиться... К[атерина] Львова красивая, умная, честная и милая натура; я изо всех сил желал влюбиться, виделся с нею много и никакого!.. Что это, ради Бога? Что я за урод такой? Видно, у меня недостает чего-то?»⁴⁰

Следующие отрывистые записи, вероятно, уже относятся к младшей сестре, Александре Владимировне⁴¹. 1 марта 1858 г.: «Глупости наговорил Львовой, зачем она ездит». 9 апреля 1859 г.: «В Москве опять два раза видел Львову. Поднялось, но не с такой силой». 9 октября того же года: «Был у Львовых, и как вспомню этот визит – вою. Я решился, было, что это последняя попытка женитьбы, но и то ребячество»⁴².

В дневнике мы встречаем еще новые имена, например, имя кн. Е. Н. Трубецкой⁴³, но лица эти не производили, должно быть, большого впечатления; о них нет почти никаких подробностей. Только на Екатерине Федоровне Тютчевой (дочери поэта) внимание Толстого задерживается на несколько месяцев.

Краткие записи дневника восстанавливают полную картину.

«29–31 декабря 1857 г. – Тютчева начинает спокойно нравиться мне.

1 января 1858 г. – К[атерина] очень мила.

7 января. – Тютчева вздор!

8 января. – Нет, не вздор. Потихоньку, но захватывает меня серьезно и всего.

19 января. – Т. занимает меня, неотступно. Досадно даже, тем более, что это не любовь, не имеет ее прелести.

³⁹ Кн. Львова Екатерина Владимировна (1834–1912). С 1858(?) г. замужем за кн. Гагариным Ал. Григ.

⁴⁰ Письмо А. А. Толстой, 18 августа 1857 г. Второе многоточие подлинника. На следующий день Л. Н-ч отмечает в дневнике: «Вчера написал нежное письмо Толстой». Александра Андреевна в ответ на него сообщает: «По странной случайности, я все это время думала о семействе Львовых, с которым папа и сестра Соня познакомились в Москве и были им очарованы. Я сказала себе, что вы должны взять себе жену оттуда. Вот где роскошь не имела расслабляющего влияния на воспитание... До тех пор, пока вы хоть немножко находитесь под влиянием вашей старой тетки, я никогда не позволю вам, дорогой Лев, остаться старым холостяком и прошу вас не строить относительно этого никаких планов» (29 авг. 1857 г., перевод с фр.).

⁴¹ Кн. Львова Александра Владимировна (1835–1915). Начальник Моск. Ал-дровского и Ник-ского институтов.

⁴² В семье Львовых сохранились воспоминания об этом увлечении Толстого. Л. Н-ч бывал у Львовых в Москве и в их имении Спасском Клинск. у. С Александрой Владимировной дело, видимо, шло к сближению. Но однажды в словах Л. Н-ча Львовой что-то показалось неприятным, и она резко дала ему это почувствовать. Тут же все оборвалось, и на следующее утро Л. Н-ч уехал из Спасского. С его отъездом связана такая подробность. В это утро сестра Ал. Вл. – ны, Мария Вл., комната которой находилась под террасой, услышала какую-то возню на террасе и, взглянув, увидела, что Толстой связывал два стула друг с другом. Он оставил их, так и уехал на станцию не простясь. По другому семейному преданию, это сближение прекратилось после того, как Л. Н-ч попытался однажды начать объяснение (происходило это между двух дверей). Ал. Вл., застигнутая врасплох, не дала его договорить и Л. Н-ч уехал. Когда Ал. Вл. через три года узнала о помолвке Толстого, ей стало дурно. Львовы находили некоторое сходство между объяснением Л. Н-ча с Ал. Вл. Львовой и объяснением брата Левина с Варенькой. (Сообщено нам племянницей Львовой, М. С. Волковой). Возможно, что рассказанный здесь эпизод совпадает по времени с записью дневника Л. Н-ча от 9 октября 1859 г. Судя по этой записи, Л. Н-ч был у Львовых в августе.

⁴³ Кн. Трубецкая Екатерина Николаевна (1840–1885). Вышла замуж за кн. Орлова Н. А. (1827–1885).

20 января. – М. Сухотину⁴⁴ с язвительностью говорил про К. Т. И не перестаю думать о ней. Что за дрянь! Все-таки я знаю, что я только страстно желаю ее любви, а жалости к ней нет.

21 января. – К. Т. любит людей только потому, что ей Бог приказал. Вообще она плоха. Но мне это не все равно, а досадно.

26 января. – Шел с готовой любовью к Тютчевой. Холодна, мелка, аристократична. Вздор! Чичерина мила, очень неразвита, кажется.

1 февраля. – Бал в Собрании. Чичерина мила. С Тютчевой уже есть невольность привычки⁴⁵.

8 февраля. – Т. Очень я проврался... про удобство жены не аристократки, г Она навела речь на П. Щ[ербатову]. За чем стоит дело, не знаю⁴⁶.

8-10 марта. – Был у Тютчевой. Ни то ни се, она дичится. В концерте видел Щерб[атову] и говорил с ней. Она мила, но меньше.

28 марта. – Увы, холоден к Т. Все другое даже вовсе противно.

31 марта. – Тютчева положительно не нравится».

И затем, спустя 5 месяцев: «Я страшно постарел, устал жить в это лето. Часто с ужасом случается мне спрашивать себя: что я люблю? – Ничего, положительно ничего. Такое положение бедно. Нет возможности жизненного счастья, но зато легче быть вполне человеком духом, «жителем земли, но чуждым физических потребностей». Я в Москве. Дело задержит меня с неделю. Виделся... с Тютчевой. Я почти был готов без любви спокойно жениться на ней; но она старательно холодно приняла меня».

Еще через полгода он пишет А. А. Толстой: «К. Тютчева была бы хорошая, ежели бы не скверная пыль и какая-то сухость и неаппетитность в уме и чувстве... Иногда я езжу к ним и примериваю свое 30-летнее спокойствие к тому самому, что тревожило меня прежде, и радуюсь своим успехам».

Стремление Толстого к личному счастью всякий раз, как приближается оно к осуществлению, не вызывает живого непосредственного отклика в сердце. На своем пути также не встречает он женщины, которая дала бы ему иллюзию любви, благодаря совпадению жизненных целей. И это различное мировосприятие помогает Толстому разобраться в его отношении к Е. Ф. Тютчевой. Она «слишком оранжерейное растение, слишком воспитана на «безобязательном наслаждении», чтобы не только разделять, но и сочувствовать моим трудам. Она привыкла печь моральные конфетки, а я вожусь с землей, с навозом. Ей это грубо и чуждо, как для меня чужды и ничтожны стали моральные конфетки», – через несколько лет написал о ней Лев Николаевич.

Раньше, чем перейти к описанию новой страницы жизни, необходимо отметить, что после разрыва с Арсеньевой чувственные проявления инстинкта некоторое время остаются такими, как и прежде. Даже впечатления от первого путешествия за границей не вытесняют вожделений, и в записях о поездке по Швейцарии Толстой подчеркивает свое особое внимание к женщине.

В Кларане записывает: «Служанка тревожит меня. Спасибо стыдливости». – «Сл[адо-страстие] мучает ужасно меня».

В другом месте: «Красавицы везде с белой грудью». – «Еще красавицы... Доехал до Берна». – «Красавица с веснушками. Женщину хочу – ужасно. Хорошую». – «Несмотря на головную боль, пошел ходить. Жалкое создание... И я скотина!» – «Красавица на гулянье –

⁴⁴ Михаил Михайлович Сухотин (1825–1881).

⁴⁵ «Правда ли, что Толстой женится на дочери Тютчева? Если это правда, я душевно за него радуюсь», – 24 февраля 1858 г. из Рима писал Фету Тургенев. («Щук. сб.», т. 8, стр. 435. – Гусев Н. Биограф., т. II, с. 279).

⁴⁶ В дневнике 30 января 1858 г.: «П. Щербатова прелесть. Свежее этого не было давно». Об этом увлечении Л. Н-ч писал П. И. Бирюкову (24 ноября 1903 г.). «Едва ли она знала что-нибудь. Я был всегда очень робок».

толстенная». – «Поехал верхом. Души сена, круглые фруктовые деревья; на деревьях женщины и мужчины рвут вишни и поют по-тирольски, небо все обстоятельное, лазурь разлита повсюду. Зугское озеро сине. Дома любовался хозяйской дочерью, даже было что-то легкое, сладкое воспоминание о ней, когда я вернулся в комнату. У нее милая физиономия и улыбка, и она умна, даже рефлектерка немножко». Через день: «Пошел пешком, кретины. Милый народ, шутиливо кретинически добродушный. Старушка с зонтиком. *Девочки. Две девочки* из Штанца заигрывали, и у одной чудные глаза. Я дурно подумал и тотчас же был наказан застенчивостью. Славная церковь с органом, полная *хорошеньких*. Пропасть *общительных* и *полухорошеньких*... Пошел пешком по ореховой аллее до Бекенрида. Встреча с молодым красивым немцем у старого дома на перекрестке, где *две хорошенькие*». Еще спустя день: «Встал в 3. Грязная постель с клопами. Тот же глупый вид на природу и на людей... Ай! когда солнце показалось! Вчера, впрочем, была одна поэтическая минута, когда среди беспредельного моря тумана остановился зачем-то тут, а не там огненный шар солнца. Чудные виды внизу. Доехали на лодочке. *Хозяйская дочь* вертится. Слишком величественна... Спал, выкупался и поехал в Люцерн на лодке. Англичанка вычистилась и мила, прелесть. Потом встретил *маленькую*, но убежал от нее. Ужинал с пастором и его семейством. Славный человек».

Через несколько месяцев по возвращении из-за границы, в период своих светских увлечений, Толстой вступает в связь с замужней крестьянкой Аксиньей А. Связь эта продолжается долго и оставляет в Толстом большой след. Через многие годы она находит отражение в «Дьяволе» – в одном из самых страстных художественных произведений Льва Николаевича. Отдельные записи дневника дают представление о характере этой связи.

«Чудный Троицын день. Вянущая черемуха в корявых рабочих руках; захлебывающийся голос Вас[илия] Дав[ыдкина]. Видел мельком А[ксинью]. Очень хороша. Все эти дни ждал тщетно. Нынче в большом старом лесу. Сноха. Я дурак, скотина. Красный загар, глаза... Я влюблен, как никогда в жизни. Нет другой мысли. Мучаюсь. *Завтра все силы*».

Через месяц: «Она мне постыла».

Через год после этого: «Об А. вспоминаю только с отвращением, о плечах».

Еще через полгода: «А. продолжаю видать *исключительно*». После этого спустя полгода: «Ее не видал. Но вчера... мне даже страшно становится, как она мне близка». «Ее нигде нет – искал. Уже не чувство оленя, а мужа к жене. Странно, стараюсь возобновить бывшее чувство пресыщения и не могу. Равнодушие трудовое, непреодолимое – больше всего возбуждает это чувство».

Последняя запись очень интересна. Она указывает на большую перемену, происшедшую в настроениях Толстого. Прежде желание распространялось на многих женщин, которых случайно встречал он, и, несмотря на упорную мысль о близком, полном духовного смысла браке, несмотря на возвышенный идеал будущей жены, оно доходило иногда до физической боли. Теперь же обычная безответственная связь помещика с крестьянкой постепенно достигает такой силы, что начинает поглощать все внимание, сосредоточивать всю силу страсти на одном объекте, не вызывая прежнего негодования и протеста совести. Раньше сознание пыталось осуществить идеал целомудренной любви, а непосредственные проявления инстинкта были в полном противоречии с этим стремлением. На этот раз сознание не ставит перед собой больших задач. Оно готово рассматривать случившееся как один из эпизодов холостой жизни, но сама природа, помимо сознания, придает этой связи повышенную ценность и теплоту.

Инстинкт проявляется в этом периоде не как «чувство оленя», а как отношение «мужа к жене». Прекратилось мучительное разделение инстинкта на две силы: силу любви и силу чувственности. Наконец, и в непосредственном проявлении, а не только в сознании сладострастие потеряло свое преобладающее значение.

Силы половой жизни перегруппировались таким образом, что главенствующим *непосредственным* переживанием стало *чувство* любви к жене, а не «сладострастие». Сама природа подготовила близкую женитьбу Толстого.

Мы знаем, как страстно, с 15 лет, мечтает Лев Николаевич о браке. Все попытки в этом направлении были неудачны, а ушедшие годы для счастья не вернутся. «Уж у меня мог бы быть такой сын», – записывает он, увидав у знакомых мальчика. Известия о свадьбах возбуждают в нем «грусть». Ему завидно и радостно «смотреть на... семейное счастье» Фета. И не один раз он окончательно решает: «жениться надо, надо и жить в своем уголке», «надо жениться в нынешнем году, или никогда». Но любовь не приходит, не «вяжет его по рукам и ногам», «любви нет», и «холостая жизнь, т. е. отсутствие жены, и мысль, что уж становится поздно», мучает его.

VI

Однажды Лев Николаевич сказал своей сестре Марии Николаевне:

«– Машенька, семья Берс мне особенно симпатична, и если бы я когда-нибудь женился, то только в их семье»⁴⁷.

Сестры Берс давно уже обращали на себя внимание Толстого. По возвращении из Севастополя он посещает их семью и в дневнике записывает: «Обедали у Люб [очки] Берс⁴⁸. Дети нам прислуживали. Что за милые, веселые девочки»⁴⁹. Через два года, в день именин Л. А. Берс, он обедает у них и снова отмечает: «Милые девочки!»⁵⁰ Позднее их дом «стал посещать Лев Николаевич всякий раз, как он приезжал в Москву». Его «частые посещения... вызывали в Москве толки, что он женится на старшей сестре Лизе⁵¹. Пошли намеки, сплетни, которые доходили и до нее... Лиза сначала равнодушно относилась к сплетням, но понемногу и в ней заговорило не то женское самолюбие, не то как будто и сердце», – пишет ее сестра Т. А. Кузминская. Она утверждает, что эти намеки и сплетни воспитали в Елизавете Андреевне любовь к Толстому, и опускает вопрос, – был ли он сам увлечен ею.

«Лев Николаевич ни на кого из нас не обращал исключительного внимания и ко всем относился равно. С Лизой он говорил о литературе, даже привлек ее к своему журналу «Ясная Поляна», – сообщает Т. А. Кузминская. Но еще за год до женитьбы Толстой заносит в дневник: «Не писал дней 10... Забыл день у Берсов, приятный, но на Лизе не смею жениться». Через несколько месяцев: «Л[иза] Б[ерс] искушает меня; но этого не будет. Один расчет недостаточен, а чувства нет». Я «почти влюбился», – пишет он А. А. Толстой в начале 1862 года, а в мае месяце записывает: «У Берсов свободнее – меня немного отпустили на волю».

И позднее, когда определилось его отношение к Софье Андреевне, Лев Николаевич несколько раз отмечает в дневнике о натянутых отношениях со старшей сестрой: «Бедная Лиза!» «Боже мой! Как бы она была красиво несчастлива, ежели бы была моей женой. Вечером она долго не давала мне нот. Во мне все кипело». Ее «я начинаю ненавидеть вместе с жалостью». «Лиза жалка и тяжела, она должна бы меня ненавидеть».

В воспоминаниях Т. А. Кузминской есть много подробностей того исключительного расположения, которое оказывала Толстому Елизавета Андреевна. Вероятнее предположить, что перемена в нем самом вызывала эту стесненность.

⁴⁷ Т. А. Кузминская. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Ч. I. С. 75.

⁴⁸ Любовь Александровна Берс, урожд. Иславина (1826–1886), мать сестер Берс, подруга М. Н. Толстой.

⁴⁹ Дневник, 26 мая 1856 г.

⁵⁰ Дневник, 17 сентября 1858 г.

⁵¹ Елизавета Андреевна Берс (1843–1919). В 1868 г. вышла замуж за Гавриила Емельяновича Павленкова (ум. 1892). В 80-х гг. вышла за своего двоюродного брата Александра Александровича Берса (1844–1921).

Весною 1862 года Лев Николаевич едет лечиться на кумыс, к башкирам. В августе возвращается в Москву и тут впервые обращает внимание на среднюю из сестер Берс – Софью Андреевну. О ней первая запись в дневнике – *23 августа 1862 г.*: «Ночевал у Берсов. Ребенок! Похоже! А путаница большая. О, коли бы выбраться на ясное и честное кресло!.. Я боюсь себя; что ежели и это желанье любви, а не любовь? Я стараюсь глядеть только на ее слабые стороны и все-таки оно. Ребенок! Похоже».

16 сентября – предложение.

23 сентября – свадьба.

Не будем описывать историю женитьбы Толстого. Его роман с С. А. Берс подробно освещен в биографиях и особенно – в воспоминаниях С. А. Толстой и ее сестры Т. А. Кузминской. Цель нашей работы другая: проследить, насколько отличается эта любовь от других увлечений Льва Николаевича; попытаться выяснить, действительно ли была это любовь, закономерно завершившаяся браком, или только «желание любви», причем особые качества Софьи Андреевны и минутная слабость 34-летнего холостяка понудили его на роковой шаг.

При оценке этого события, равно и других эпизодов личной жизни молодого Толстого, следует остерегаться большого соблазна – строить доказательства на основе тех настроений, которые были у него в старости. Возможно, что исследователь совершенно бессознательно перенесет характерные для этой эпохи черты на другой период жизни или, зная отношение Толстого к определенному вопросу в старости, разрешит проблему в соответствии с этим отношением. Для иллюстрации приводим выдержку из дневника 1893 г. (23 мая; курсив мой): «*Вспоминал: что мне дал брак? Страшно сказать*». И вот, сознательно или бессознательно подчиняясь такому настроению, мы стали бы утверждать, что брак Льва Николаевича был только недоразумением, что еще в самом начале была ясна его нелепость и что определенные цитаты и события вполне подтверждают наше положение. Учтя эти выводы, мы прекратили бы объективное изучение фактов и допустили бы не отвечающую действительности тенденциозность. Чтобы избежать ошибки, мы не принимаем теперь в расчет последствия этого брака, тяжелую семейную обстановку последних лет и отношение Льва Николаевича к его женитьбе и к Софье Андреевне в последующие годы. Рассмотрим непосредственные переживания Толстого, которые нашли отражение в дневнике того периода, и по этим бесспорным свидетельствам сделаем наши заключения.

Прежде всего поражает темп, в котором развиваются события. Шесть лет тому назад, когда Лев Николаевич собирался жениться на Арсеньевой, он несколько месяцев потратил на изучение ее характера и предъявлял к ней самые высокие требования. Теперь же все произошло в несколько недель.

Ни Арсеньева, ни Тютчева, ни Львова, ни другие не дали Толстому ощущения живой радости. Беспощадный анализ оттенял отрицательные стороны и указывал на полную невозможность осуществления планов женитьбы. На этот раз он мало анализирует, но непосредственно чувствует, что выбор вполне совпадает с его общим настроением. «Накануне я не спал ночь, так ясно представлялось счастье». «Никогда так ясно, радостно и спокойно не представлялось мне будущее с женой... Главное, кажется, так бы просто, в пору, ни страсти, ни страху, ни секунды раскаяния».

Но Льву Николаевичу уже 34 года, а Софье Андреевне только 18 лет. Он некрасив, «безобразен», она – «преlestна, во всех отношениях». Разница в возрасте мучает его, и минутами он думает, что личное счастье ему недоступно. «Скверная рожа, не думай о браке, твое призванье другое и дано зато много». «Дурак, не про тебя писано, а все-таки влюблен, как в С[оничку] К[олошину] и в А.»⁵². «Крепко сидит 3-я и последняя. Не про тебя, старый черт,

⁵² Дневник, 30 августа 1862 г. Ал-дра Ал-евна Дьякова-Оболенская.

пиши критические статьи!»⁵³ «Ныне один дома, и как-то просторно обдумывается собственное положение. Дублицкий⁵⁴, не суйся там, где молодость, поэзия, красота, любовь... Монастырь, труд, – вот твоё дело, с высоты которого можешь спокойно и радостно смотреть на чужую любовь и счастье, – и я был в этом монастыре и опять вернусь».

Подготавливая свою будущую жизнь с Арсеньевой, Лев Николаевич определял каждый шаг, изгонял всякую непосредственность отношений, считал преступлением необдуманное движение сердца, и брак рассматривал как один из самых сознательных поступков жизни.

При встрече с С. А. Берс он также пытается изучать свою будущую жену, анализировать создавшееся положение, но все эти попытки теряются, исчезают под напором непреодолимой силы стихийного влечения. «Ничего нет в ней для меня того, что всегда было и есть в других – условно-поэтического и привлекательного, а неотразимо тянет».

Толстой не задаётся больше мыслью, насколько выбор отвечает его запросам и тому идеалу, который он давно уже создал себе. Он не обдумывает, не критикует, он чувствует себя во власти непонятной силы, сознаёт своё бессилие бороться с ней и понимает, что только взаимная любовь избавит его от страданий и приведет к душевному успокоению.

«Надо было прежде беречься. Теперь уже я не могу остановиться». «Уехать из Москвы не могу, не могу... До 3-х часов не спал. Как 16-летний мальчик мечтал и мучился». «Господи! помоги мне, научи меня. Опять бессонная и мучительная ночь, я чувствую, я, который смеюсь над страданиями влюбленных. Чему посмеёшься, тому и послужишь... Господи, помоги мне, научи меня. Матерь Божия, помоги мне». «Каждый день я думаю, что нельзя больше страдать и вместе быть счастливым, и каждый день я становлюсь безумнее... Боже мой, как я боюсь умереть. Счастье, и такое, мне кажется, невозможно. Боже мой, помоги мне». «Никто не может помочь мне, кроме Бога». «Но надо, необходимо надо разрубить этот узел». «Я сумасшедший, я застрелюсь, ежели это так продолжится».

После объяснения с Софьей Андреевной Лев Николаевич настаивал, чтобы свадьба была через неделю, и настаивал так упорно, что ему уступили, и свадьба была назначена на 23 сентября. В этот день он не спал ночь, мучился сомнениями и был полон «страха, недоверия и желания бегства».

Какая разница настроений при встрече с В. В. Арсеньевой и при встрече с С. А. Берс! Здесь впервые контролирующее сознание уступает место безотчетному стремлению. Действие развивается вне зависимости от личной воли. Личные интересы подчиняются требованию неосознанного закона.

Внимание Толстого было обращено на двух сестер Берс. Если Арсеньева и Тютчева оттолкнули своей духовной бедностью, то почему старшая Берс точно так же не могла удерживать его расположения? У нее были повышенные требования к жизни, она стремилась к образованию, сотрудничала в журнале «Ясная Поляна», могла бы, вероятно, отвечать на многие запросы Льва Николаевича, но все же он оставляет ее и все силы стремления переносит на Софью Андреевну, в сущности, ничем не выделявшуюся над общим уровнем и, наверное, далеко не удовлетворявшую всем требованиям, которые предъявляло к жене сознание Толстого.

Нам известны факты личной жизни Льва Николаевича, его представления о любви, его требования к жене. Мы, казалось, имели основание утверждать, что он женится только в том случае, если его будущая жена удовлетворит тем-то и тем-то условиям, и что выбор его никогда не остановится на той женщине, которая не будет отвечать таким-то его запросам. Опыт с Арсеньевой мог бы, казалось, убедить нас, что воля Толстого руководит всей

⁵³ Дневник, 31 августа 1862 г.

⁵⁴ «Лицо в повести С. А. Берс, напоминавшее Льва Николаевича». (Примечание С. А. Толстой к «Письмам графа Л. Н. Толстого к жене».)

его жизнью, не исключая области сексуальной. Мы видели, что увлечения его не находили своего завершения и, видимо, потому, что объекты не удовлетворяли основным требованиям его сознания. Но холостая жизнь закончилась совершенно неожиданным образом. Выработанные нормы были забыты, воля бессильна выставить свои требования и отстаивать свои желания. Вернее, она отсутствовала здесь и, в этом вопросе личной жизни, быть может, в первый раз.

Такой конец может навести на мысль, что Толстой поддался минутному настроению и настолько был захвачен страстью, что духовные силы его ослабели, и он, ослепленный вниманием молодой девушки, потерял руководящую нить разума и совершил один из самых необдуманных, ничем не обоснованных и внутренне не оправданных поступков своей жизни. Недаром же, в последнюю минуту хотел он бежать, но было поздно; Софья Андреевна плакала, разрыв компрометировал молодую девушку, и Лев Николаевич, как бы начиная сознавать нелепость своего поступка, волей-неволей пошел на роковой шаг.

Разделив эту точку зрения, мы допустили бы большую ошибку. Трудно предположить, что Толстой, с каждым днем увеличивавший свое духовное содержание, вдруг на 34-м году жизни проявил полную несостоятельность. К тому же Лев Николаевич, со свойственной ему откровенностью и прямолинейностью, не стал бы долго обманывать себя, скоро признал свою ошибку и стремился бы так или иначе исправить ее. Но не сбежал он и на другой день после свадьбы, а через три месяца записал в дневнике, что счастья «такого не было и не будет ни у кого».

Необычное поведение Толстого будет понятным, если допустить разделение человеческой энергии на два отличных друг от друга вида энергии – индивидуальную и родовую. Последняя недоступными нашему сознанию путями осуществляет непрерывность органической жизни. Она не укладывается в рамки логики индивидуума, и ее отличительный признак – ее иррациональность.

Двадцать лет мечтал Толстой о любви к женщине, о семейной жизни. Он чувствовал и понимал, что жизнь его не будет содержательной, если эта сторона ее не будет заполнена. Он искал, строил планы, пытался осуществить их, но был бессильн их выполнить, ибо на помощь его непосредственному желанию приходило только сознание, а любви не было. Мы видели, как пришла любовь. Она все устранила с своего пути и одна, без всякой помощи разума, осуществила свое назначение.

Часть вторая

Семейное счастье

I

После свадьбы, не останавливаясь в Москве, Толстые уезжают в Ясную Поляну.

Свои первые впечатления от новой жизни Лев Николаевич отмечает в дневнике и в восторженных письмах к друзьям. На другой день по приезде он записывает: «В Ясной. Утро, кофе, неловко. Студенты озадачены. Гулял с ней и Сережей. Обед. Она слишком рас-смелилась. После обеда спал, она писала. Неимоверное счастье! И опять она пишет подле меня. Не может быть, чтоб это все кончилось только жизнью».

Еще через два дня он делится своими впечатлениями с А. А. Толстой: «Любезный, дорогой друг и бабушка! Пишу из деревни, пишу и слышу наверху голос жены, которая говорит с братом и которую я люблю больше всего на свете. Я дожил до 34 лет и не знал, что можно так любить и быть так счастливым. Когда буду спокойнее, напишу вам длинное письмо – не то, что спокойнее, – я теперь спокоен и ясен, как никогда не бывал в жизни, – но когда буду привычнее. Теперь у меня постоянно чувство, как будто я украл незаслуженное, незаконное, не мне назначенное счастье. Вот она идет, я ее слышу, и так хорошо».

Извещая Фета о женитьбе, Толстой пишет в том же приподнятом, радостном тоне: «Фетушка, дяденька и просто милый друг Афанасий Афанасьевич! Я две недели женат и счастлив, и новый, совсем новый человек. Хотел я сам быть у вас, но не удастся. Когда я вас увижу? Опомнившись, я дорожу вами очень и очень, и между нами слишком много близкого, незабываемого – Николенька, да и кроме того. Заезжайте познакомиться со мной».

И еще письмо к А. А. Толстой, – через неделю после первого: «Ваше письмо... приходится в тон того счастливого, нового счастливого положения, в котором я живу теперь два месяца. Куда это идет? Не знаю, только с каждым днем мне спокойнее и лучше. Я было уже устал делать счеты с собою, начинать новые жизни (помните), было примирился с своей гадостью, стал себя считать, хоть не положительно, но сравнительно хорошим, теперь же я отрекся от своего прошедшего, как никогда не отрекался, чувствую всю свою мерзость, всякую секунду примериваясь к ней, к Соне, «но строк печальных не смываю». Вот 2 недели и я как будто чувствую себя чистым еще и всякую секунду дрожу за себя: вот-вот спотыкнешься. Так страшно ответственно жить вдвоем. – Я вам все это пишу от того, что я вас всей душой люблю. Это святая правда. Ужасно страшно мне жить теперь, так чувствуешь жизнь, чувствуешь, что всякая секунда жизни в правду, а не такая, как прежде была – так покамест».

Чтобы дополнить эту картину радости от осуществленной любви и внутреннего обновления, приведем еще несколько выдержек из дневника. Записи сделаны в разное время: в ноябре и в январе.

«Еще месяц счастья... Теперь период спокойствия в отношении моего чувства к ней... Черты теперешней жизни – полнота, отсутствие мечтаний, надежд, самосознания, зато страх, раскаяние в эгоизме».

«Часто мне приходит в голову, что счастье и все особенные черты его уходят, а никто его не знает и не будет знать, а такого не было и не будет ни у кого, и я сознаю его... Люблю я ее, когда ночью или утром я проснусь и вижу: она смотрит на меня и любит. И никто, – главное, я не мешаю ей любить, как она знает, по-своему. Люблю я, когда она сидит близко ко мне, и мы знаем, что любим друг друга, как можем, и она скажет: «Левочка», и остановится – «отчего трубы в камине проведены прямо?», или: «лошади не умирают долго?» и т. п. Люблю, когда мы долго одни и я говорю: «что нам делать? Соня, что н[ам] д[елать]?».

Она смеется. Люблю, когда она рассердится на меня, и вдруг, в мгновение ока у ней и мысль и слово иногда резкое: «оставь, скучно». Через минуту она уже робко улыбается мне. Люблю я, когда она меня не видит и не знает, и я ее люблю по-своему. Люблю, когда она девочка в желтом платье и выставит нижнюю челюсть и язык. Люблю, когда я вижу ее голову, закинутую назад, и серьезное, и испуганное, и детское, и страстное лицо. Люблю, когда...»

Но все это только фон, на котором разворачивается совместная жизнь Толстых в первые месяцы. В действительности она не всегда так радостна и бодра: случайные недомолвки, серьезные несогласия, разочарования, мучительная ревность врезаются в нее.

Для иллюстрации воспользуемся материалом из художественного творчества Толстого. Как известно, в характере Левина много автобиографического. А Левин «был счастлив, но совсем не так, как ожидал. На каждом шагу он находил разочарование в прежних мечтах и новое неожиданное очарование. Он был счастлив, но, вступив в семейную жизнь, на каждом шагу видел, что это было совсем не то, что он воображал... Бывало холостым, глядя на чужую супружескую жизнь, на мелочные заботы, ссоры, ревность, он только презрительно улыбался в душе. В его будущей супружеской жизни не только не могло быть, по его убеждению, ничего подобного, но даже все внешние формы, казалось ему, должны были быть во всем совершенно не похожи на жизнь других. И вдруг вместо этого жизнь его с женой не только не сложилась особенно, а, напротив, вся сложилась из тех самых ничтожных мелочей, которые он так презирал прежде, но которые теперь, против его воли, получали необыкновенную и неопровержимую значительность. И Левин видел, что устройство всех этих мелочей совсем не так легко было, как ему казалось прежде. Несмотря на то, что Левин полагал, что он имеет самые точные понятия о семейной жизни, он, как и все мужчины, представлял себе невольно семейную жизнь только как наслаждение любви, которой ничто не должно было препятствовать и от которой не должны были отвлекать мелкие заботы... [Он] никогда не мог себе представить, чтобы между ним и женой могли быть другие отношения, кроме нежных, уважительных, любовных, и вдруг с первых же дней они поссорились, так, что она сказала ему, что он не любит ее, любит себя одного, заплакала и замахала руками»⁵⁵.

Эта первая ссора, ярко описанная в романе, видимо, взята из жизни. В дневнике Толстого есть запись, сделанная через неделю после свадьбы: «Я себя не узнаю. Все мои ошибки мне ясны. Ее люблю все так же, ежели не больше. Работать не могу. Нынче была сцена. Мне грустно было, что у нас все, как у других. Сказал ей, она оскорбила меня в моем чувстве к ней. Я заплакал. Она еще нежнее. Прелесть. Я люблю ее еще больше. Но нет ли фальши?»

Впечатление от первой размолвки подробно изложено в «Анне Карениной»: «Тут только в первый раз он ясно понял то, чего он не понимал, когда после венца повел ее из церкви. Он понял, что она не только близка ему, но что он теперь не знает, где кончается она и начинается он. Он понял это по тому мучительному чувству раздвоения, которое он испытывал в эту минуту. Он оскорбился в первую минуту, но в ту же секунду он почувствовал, что он не может быть оскорблен ею, что она была он сам. Он испытал в первую минуту чувство, подобное тому, какое испытывает человек, когда, получив сильный удар сзади, с досадой и желанием мести оборачивается, чтобы найти виновного, и убеждается, что это он сам нечаянно ударил себя, что сердиться не на кого и надо перенести и утешить боль. Никогда он с такою силой после уже не чувствовал этого, но в этот, первый раз он долго не мог опомниться... Они помирились. Она, сознав свою вину, но не высказав ее, стала нежнее к нему, и они испытали новое удвоенное счастье любви».

В самом деле, легко представить себе удивление и испуг Толстого. В течение многих лет мечтал он о совершенной супружеской жизни, об ее идеальных формах, которые не вкла-

⁵⁵ «Анна Каренина», V, гл. XIV

дываются в шаблонные рамки, и вдруг – в ближайшие же дни – жизнь вносит свой жестокий корректив. Неожиданное открытие порождает сомнение, и Толстой спрашивает себя, несмотря на всю трогательность примирения: «нет ли фальши?».

Документы не дают прямого ответа на этот вопрос, но фон, который мы осветили выше, и сделанный автором анализ переживаний Левина позволяют утверждать, что это – одно из временных, преходящих настроений и что из него нельзя делать обобщающих заключений.

«Сцена» эта – не последняя. Их было много, особенно в первое время. Записи дневника говорят о них: «Было у нас еще два столкновенья: 1) за то, что я был груб, и 2) за ее в[?]. Я еще больше и больше люблю, хотя другой любовью. Были тяжелые минуты. Нынче пишу от того, что дух захватывает, как счастлив».

«Мы в Москве. Как всегда, я отдал дань нездоровьем и дурным расположением. Я очень был недоволен ей, сравнивал ее с другими, чуть не раскаивался, но знал, что это временно, и выжидал, и прошло».

Дневник Софьи Андреевны, который она возобновила вскоре после замужества, также освещает многие, скрытые от постороннего взгляда переживания супругов, только что вступивших в новую жизнь. Если судить только по письмам Льва Николаевича и Софьи Андреевны, то можно подумать, что безоблачное, спокойное счастье воцарилось в Ясной Поляне. Но было далеко не так. В письмах подводились итоги, а в самом процессе жизни настроения были переменчивы, появлялись шероховатости, рождались недоумения, и жизнь шла с перебоями.

Дневник Софьи Андреевны, подчас детски-наивный (ей в то время было 18 лет), все же дает богатый биографический материал и своими подробными записями дополняет краткие заметки Льва Николаевича.

В этом дневнике также видны постоянные переходы от одного настроения к другому, ему противоположному, душевная неуравновешенность, наивность, порою и ребячество молодой женщины. Мы не стесняемся давать обширные выписки, так как записи Софьи Андреевны полны интересных подробностей, вводящих нас в живой круг ее печалей и радостей.

«Ужасно, ужасно грустно. Все более и более в себя ухожу. Муж болен, не в духе, меня не любит. Ждала и этого, да не думала, что так ужасно. Кто это думает о моем огромном счастье. Никто не знает, что я его не умею создавать ни для себя, ни для него. Бывало, когда очень грустно, думаешь: так зачем жить, когда самой дурно и другим нехорошо. И теперь страшно: все приходит мне эта мысль. С каждым днем он делается холоднее, холоднее, а я, напротив, все больше и больше люблю его. Скоро мне станет невыносимо, если он будет так холоден. А он честный, обманывать не станет. Не любит, так притворяться не станет, а любит, так в каждом движении видно. И все меня волнует... А Левочка отличный какой, я чувствую, что я во всем кругом виновата, и я боюсь показать ему, что я грустная, знаю я, как это глупой тоскою мужьям надоедают. Бывало утешаешься, все пройдет, обойдется, а теперь нет, ничего не обойдется, а будет хуже. Папа пишет: муж тебя страстно любит. – Да, правда, любил, *страстно*, да страсть-то проходит, этого никто не рассудил, только я поняла, что увлекся он, а не любил. Как я не рассудила, что за это увлечение он же поплатится, потому что каково жить долго, всю жизнь, с женою, которую не любишь. За что я его, милого, которого все так любят, погубила; эгоистически поступила я на этот раз, что вышла за него замуж. Смотрю я на него и думаю то, что он про меня думал: хотел бы я ее любить, да не могу больше».

Вот уже прошло как сон это все время. Подразнили меня, сказали: видишь, как бывает хорошо, да и не думай об этом. И все, что сначала было у меня энергии на занятия, жизнь, хозяйство, – все пропало. Сидела бы себе целый день, сложа руки, молчала бы, да думала

горькие думы. Работать хотела, да не могла, ну что рядиться в глупый чепчик, который только давит меня. Ужасно хочется поиграть, да тут так неудобно, наверху со всех сторон слышно, а внизу фортепьяно плохо. Сегодня предложил остаться, а он в Никольское поедет. Надо бы было согласиться, избавить его от своей особы, а у меня не хватило сил. Он, кажется, наверху играет с Ольгой⁵⁶ в 4 руки. Бедный, везде ищет развлечения, чтобы как-нибудь от меня избавиться. Зачем я только на свете живу».

Эта запись сделана спустя несколько недель после свадьбы. А вот запись совсем иного характера, через три месяца: «Никогда в жизни я не была так несчастлива сознанием своей вины. Никогда не воображала, что могу быть виновата до такой степени. Мне так тяжело, что целый день слезы меня душат. Я боюсь говорить с ним, боюсь глядеть на него. Никогда он не был мне так мил и дорог, и никогда я не казалась себе так ничтожна и гадка. И он не сердится, он все любит меня, и такой у него кроткий, святой взгляд. Можно умереть от счастья и от унижения с таким человеком. Мне очень дурно. От причины нравственной я больна физически... Я стала как сумасшедшая. Я целый день молюсь, как будто от этого легче будет моя вина и как будто этим я могу возвернуть то, что я сделала. Мне легче, когда его нет. Я могу и плакать и любить его, а когда он тут, меня мучает совесть, мучает его милый взгляд и лицо его, на которое я уже не смотрела со вчерашнего вечера и которое так мне мило. И как я могу только делать ему что-нибудь неприятное. Все думала я, как бы мне загладить, или не загладить, это глупое слово, и как бы мне сделаться лучше для него. Любить его я не могу больше, потому что люблю его до последней крайности, всеми силами, так что нет ни одной мысли другой, нет никаких желаний, ничего нет во мне, кроме любви к нему. И в нем ничего нет дурного, ничего, в чем я хоть подумать бы могла упрекнуть его. Он мне все не верит, думает, что мне нужны развлечения, а мне ничего не нужно, кроме его. Если б он только знал, как я радостно думаю о будущем, не с развлечениями, а с ним и со всем тем, что он любит. Я так стараюсь полюбить даже все то, что мне и не нравилось, как Ауэрбах⁵⁷. А вчера я была в ударе капризничать, прежде этого не было до такой степени. Неужели у меня такой отвратительный характер, или это пошлые нервы и беременность? Пускай так лучше будет, потому что я знаю, что теперь буду *беречь наше счастье*, если я еще не очень испортила его. Это ужасно, могло бы быть так весело и хорошо. Он теперь здоров; что я наделала... Как я жду его. Господи, если он ко мне охладит? Ну все, решительно, теперь держится на нем. А я какая ничтожная, как тяжело это нравственное ничтожество. Он спохватится, наверное, какая я перед ним жалкая и гадкая».

Новая ссора. Записи Софьи Андреевны и Льва Николаевича.

«Я опять одна, и скучно опять. Но между нами все опять уладилось. Не знаю, на чем он помирился и на чем – я. Устроилось само собой. Только я одно знаю, что счастье опять воротилось ко мне. Мне хочется домой. У меня такие планы иногда, мечты, как я буду жить в Ясной с ним...⁵⁸ Живу вся в нем и для него, а часто тяжело, когда чувствуешь, что я-то не *все* для него, и что, если теперь меня не стало бы, он утешился бы чем-нибудь, потому что в нем самом много *ressources*⁵⁹, а я очень бедная натура: отдалась одному чему-нибудь и никогда бы не сумела найти себе, помимо этого, другой мир».

Запись Льва Николаевича: «Мы дружны. Последний раздор оставил маленькие следы (незаметные) или, может быть, – время. Каждый такой раздор, как ни ничтожен, есть надраз любви. Минутное чувство увлечения, досады, самолюбия, гордости – пройдет, а хоть маленький надраз останется навсегда и в лучшем, что есть на свете, – в любви».

⁵⁶ Ольга Александровна Исленьева (1845–1909), тетка С. А-ны.

⁵⁷ Герман Андреевич и Юлия Федоровна Ауэрбах. Жили близ Тулы, в имении Горячкино.

⁵⁸ Толстые гостили в Москве.

⁵⁹ Дневник С. А-ны, 14 января 1863 г.

Но и надрез забывается: 8 февраля Лев Николаевич отмечает в дневнике: «Мне так хорошо, так хорошо, я так ее люблю...»

Чтобы дополнить картину этой интересной страницы жизни Толстого, позволяем себе еще раз сослаться на роман Левина. Анализируя семейные неурядицы, автор дает объяснения их причин:

«[Первое примирение] не помешало тому, чтобы столкновения эти не повторялись, и даже особенно часто, по самым неожиданным и ничтожным поводам. Столкновения эти происходили часто и от того, что они не знали еще, что друг для друга важно, и от того, что все это первое время они оба часто бывали в дурном расположении духа. Когда один был в хорошем, а другой в дурном, то мир не нарушался, но когда оба случались в дурном расположении, то столкновения происходили из таких непонятных, по ничтожности причин, что они потом никак не могли вспомнить, о чем они ссорились. Правда, когда они оба были в хорошем расположении духа, радость жизни их удвоилась. Но все-таки это первое время было тяжелое для них время.

Во все первое время особенно живо чувствовалась натянутость, как бы подергиванье в ту и другую сторону той цепи, которою они были связаны. Вообще тот медовый месяц, т. е. месяц после свадьбы, от которого, по преданию, ждал Левин столь многого, был не только не медовым, но остался в воспоминании их обоих самым тяжелым и унижительным временем их жизни. Они оба одинаково старались в последующей жизни вычеркнуть из своей памяти все уродливые, постыдные обстоятельства этого нездорового времени, когда оба они редко бывали в нормальном настроении духа, редко бывали сами собой.

Только на третий месяц супружества... жизнь их стала ровнее»⁶⁰.

Насколько можно судить по документам, особенно по дневникам, Толстой, при описании первых месяцев супружеской жизни Левиных, широко пользовался своим личным опытом. Но рамки художественного произведения заставляли автора давать лишь общие определения, ограничиться несколькими деталями и опустить остальные, не менее существенные, но которые не соответствовали бы общему ходу развития романа, загромождали бы его построение или, наконец, составляли семейную тайну.

И мы, обращаясь с литературным материалом, всегда должны помнить об этом и пользоваться им лишь при помощи исправлений и дополнений по «личным» документам.

II

«Личные» документы дополняют страницы, посвященные в «Анне Карениной» описанию переживаний Левина и его молодой жены.

Были особые причины, вызывавшие грустные перебои в настроениях Льва Николаевича и Софьи Андреевны. Мы их рассмотрим, продолжая опираться на свидетельства самих действующих лиц.

Софья Андреевна вышла замуж 18 лет. Юность свою она провела в родительском доме, в интеллигентной хорошей семье. Сестра ее, Т. А. Кузминская, — в воспоминаниях — светлыми, радостными красками описывает эту среду. Беспечное веселье царствует среди детей Берс, все низкое, режущее глаз, устранено от них, «проклятые вопросы» не доходят, интересы сосредоточены в личной, сердечной области, дом полон любовью, мечтой о ней. Эти мечты создают в воображении девушки представление о грядущем безоблачном счастье, о женихе идеально чистом. Действительность больно поразила ее.

⁶⁰ «Анна Каренина», V, гл. XIV

Перед свадьбой Софья Андреевна ознакомилась с дневником своего будущего мужа. В нем он добросовестно записывал свои интимные переживания, свою борьбу и падения. И неожиданное открытие произвело на Софью Андреевну угнетающее впечатление.

Вспомним Левина и Кити. «Левин не без внутренней борьбы передал ей свой дневник. Он знал, что между ним и ею не может и не должно быть тайн, и потому он решил, что так должно; но он не дал себе отчета о том, как это может подействовать, он не перенесся в нее. Только когда в этот вечер он приехал к ним перед театром, вошел в ее комнату и увидел заплаканное, несчастное от непоправимого, им произведенного горя жалкое и милое лицо, он понял ту пучину, которая отделяла его позорное прошлое от ее голубиной чистоты, и ужаснулся тому, что он сделал».

Софья Андреевна, как и Кити, старалась простить и принять прошлое мужа, но не могла сразу пережить его, острота боли не заглушалась любовью. Сам Лев Николаевич вполне сознавал свою вину и ответственность перед юною женой за свою холостую жизнь. Порою он отказывался верить, что она может теперь любить его. «С тех пор он еще более считал себя недостойным ее, еще ниже нравственно склонялся перед нею и еще выше ценил свое незаслуженное счастье».

В одну из тяжелых минут, когда прошлое затемняло настоящее, Софья Андреевна возобновила дневник – на 16-й день после свадьбы. Он с точностью передает ее настроение и отражает настроение Льва Николаевича.

«Эти две недели я с ним, мужем, мне так казалось, была в простых отношениях, по крайней мере, мне легко было, он был мой дневник, мне нечего было скрывать от него. А со вчерашнего дня, с тех пор, как сказал, что не верит любви моей, мне стало серьезно страшно. Но я знаю, отчего он не верит. Мне кажется, я не сумею ни рассказать, ни написать, что я думаю. Всегда, с давних пор, я мечтала о человеке, которого я буду любить, как о совершенно целом, новом, *чистом* человеке. Я воображала себе, это были детские мечты, с которыми до сих пор трудно расстаться, что этот человек будет всегда у меня на глазах, что я буду знать малейшую его мысль, чувство, что он будет во всю жизнь любить меня одну, что, не в пример прочим, мы оба, и он и я, не будем перебешиваться, как все перебешаются и делаются *солидными* людьми. Мне так милы были все эти мечты... Теперь, когда я вышла замуж, я должна была все свои прежние мечты признать глупыми, отречься от них, а я не могу. Все его (мужа) прошлое так ужасно для меня, что я, кажется, никогда не помирюсь с ним. Разве когда будут другие цели в жизни, дети, которых я так желаю, чтоб у меня было целое будущее, чтоб я в детях своих могла видеть эту чистоту, без прошлого, без гадостей, без всего, что теперь так горько видеть в муже. Он не понимает, что его прошлое – целая жизнь с тысячами разных чувств, хороших и дурных, которые мне уж принадлежать не могут, точно так же, как не будет мне принадлежать его молодость, потраченная Бог знает на кого и на что. И не понимает он еще того, что я ему отдаю все, что во мне ничего не потрачено, что ему не принадлежало только детство. Но и то принадлежало ему. Лучшие воспоминания, мое детское, но первое чувство к нему, которое я не виновата, что уничтожили; за что? Разве оно дурно было? Он потратил свою жизнь, свои силы и дошел до этого чувства, пройдя столько дурного; оно ему кажется так сильно, так хорошо, потому что давно, давно прошла та пора, когда он сразу мог стать на это хорошее, как стала я теперь. И у меня в прошлом есть дурное, но не столько».

Ему весело мучить меня, видеть, как я плачу оттого, что он мне не верит. Ему бы хотелось, чтоб и я прошла такую жизнь и испытала столько же дурного, сколько он, для того, чтоб и я поняла лучше хорошее. Ему инстинктивно досадно, что мне счастье легко далось, что я взяла его, не подумав, не протрадав. А я не буду плакать из самолюбия. Не хочу, чтоб

он видел, как я мучаюсь, пусть думает, что мне всегда легко. Вчера, у дедушки⁶¹ я пришла сверху нарочно, чтоб его увидеть, и, когда я увидела его, меня обхватило какое-то особенное чувство силы и любви. Я так любила его в ту минуту, хотела подойти к нему, но мне показалось, что если до него дотронусь, то мне уж так хорошо не будет, что это будет святотатство. Но я никогда не покажу и не могу показать, что во мне делается. У меня столько глупого самолюбия, что если я увижу малейшее недоверие или непонимание меня, то все пропало. Я злюсь. И что он делает со мной; мало-помалу я вся уйду в себя и ему же буду отравлять жизнь. И как жаль мне его в те минуты, когда он не верит мне, и слезы на глазах и такой кроткий, но грустный взгляд. Я бы его задушила от любви в ту минуту, а так и преследует мысль: *не верит, не верит*. И стала я сегодня вдруг чувствовать, что он и я делаемся как-то больше и больше сами по себе, что я начну создавать себе свой печальный мир, а он свой – недоверчивый, деловой. И в самом деле показались мне пошлы наши отношения. И я стала не верить в его любовь. Он целует меня, а я думаю: «не в первый раз ему увлекаться». И так оскорбительно, больно станет за свое чувство, которым он не довольствуется, а которое так мне дорого, потому что оно последнее и первое. Я тоже увлекалась, но воображением, а он – женщинами, живыми, хорошенькими, с чертами характера, лица и души, которые он любил, которыми он любовался, как и мной пока любит. Пошло, правда, но не от меня, а от его прошедшего. Что же мне делать, а я не могу простить Богу, что он так устроил, что все должны прежде, чем сделаться порядочными людьми, *перебеситься*. И что же мне делать; когда мне горько, больно, что мой муж попал под эту общую категорию. А он еще думает, что я не люблю его; так что же бы мне за дело было, если бы я не любила его, кто и что занимало его прежде, теперь, или будет занимать когда-нибудь потом. Дурно, безвыходное положение; как доказать любовь человеку, который с тем женился, что я иначе не могу, а она меня не любит. А есть ли минутка в моей жизни теперь, где бы я вызвала что-нибудь из прошедшего, чтоб я пожалела о чем-нибудь, или есть ли минутка, когда бы я не только не любила его, но могла бы подумать о возможности разлюбить его? И неужели, в самом деле, хорошо ему, когда я плачу и начинаю чувствовать сильнее, что у нас есть что-то очень не простое в отношениях, – которое нас постепенно совсем разлучит в нравственном отношении? Вот, кошке – игрушки, а мышке – слезки. Да игрушка-то эта не прочна, ломает, сам будет плакать. А я не могу выносить того, что он меня будет понемножку пилить, пилить. А он славный, милый. Его самого возмущает все дурное, и он не может переносить его. Я, бывало, как любила все хорошее, всей душой восхищалась, а теперь все как-то замерло; только что станет весело, пристукнет он меня».

На другой день Софья Андреевна продолжает писать на ту же тему:

«Вчера объяснились, легче стало, совсем даже весело... Муж, кажется, покоен, верит, дай Бог. Я вижу, это правда, что я ему даю мало счастья. Я вся как-то сплю, и не могу проснуться. Если б я проснулась, я стала бы другим человеком. А что надо для этого, не знаю. Тогда бы он видел, как я люблю его, тогда я могла бы говорить, рассказывать ему, как я его люблю, увидела бы, как бывало, ясно, что у него на душе, и знала бы, как сделать его совсем счастливым. Надо, надо скорее проснуться».

Помимо призраков прошлого, омрачавших жизнь Софьи Андреевны, ее сильно мучило чувство ревности. В автобиографическом «Дьяволе», касаясь семейной жизни героя, Толстой говорит, что «одно, что не то, что отравляло, но угрожало их счастьем, была ее ревность, – ревность, которую она сдерживала, не показывала, но от которой она часто страдала».

⁶¹ Александр Михайлович Исленьев (1794–1882), дед С. А-ны по матери.

Софья Андреевна ревновала Льва Николаевича ко всему окружающему. Она вся была полна своею любовью к мужу и его отношением к ней. Как увидим ниже, она не допускала в Льве Николаевиче никаких интересов, кроме тех, которые непосредственно и явно служили во благо этой любви. Она ревновала его даже к духовной работе, боясь, что в ней он почерпнет силы прожить без ее любви.

Софья Андреевна ревновала мужа ко всем женщинам и к своей любимой младшей сестре. Эту ревность к сестре она старательно скрывала, но иногда проговаривалась⁶².

Это свойство характера Софьи Андреевны повлияло на ее особое отношение к прошлому мужа. Ей неожиданно пришлось болезненно столкнуться с отзвуками этого прошлого.

В последние годы холостой жизни Толстой имел длительную связь с яснополянской крестьянкой и, кажется, имел от нее сына. Выше мы подробно коснулись этого эпизода и отметили, между прочим, серьезность чувства Льва Николаевича. Перед женитьбой связь была прервана навсегда.

Спустя несколько месяцев после свадьбы эта женщина вместе с другой крестьянкой была прислана в барский дом мыть полы. Софье Андреевне ее показали. Мучительная ревность поднялась в жене Льва Николаевича, она вспомнила записи его дневника и долгое время не могла освободиться от этого тяжелого чувства.

Первая встреча произошла, вероятно, в декабре, 16 декабря 1862 г. есть такая запись в дневнике Софьи Андреевны:

«Мне кажется, я когда-нибудь себя хвачу от ревности. «Влюблен, как никогда»⁶³. И просто баба, толстая, белая, – ужасно. Я с таким удовольствием смотрела на кинжал, ружья. Один удар – легко. Пока нет ребенка. И он тут, в нескольких шагах. Я просто как сумасшедшая. Ему кататься. Могу ее сейчас же увидеть. Так вот как он любил ее. Хоть бы сжечь журнал его и все его прошедшее.

Приехала – хуже, голова болит, расстроена, а душу давит, давит. Так хорошо, привольно было на воздухе, широко. И думать хочется широко, и дышать широко, и жить. А жизнь такая мелочная. Любить трудно, а любишь так, что дух захватывает, что всю жизнь бы душу положила, чтоб не прошла она ни с чьей стороны. И тесен, мал тот мирок, в котором я живу, если исключить его. А соединить нам мирки наши в один нельзя. Он так умен, деятелен, способен, и потом это ужасное, длинное прошедшее. А у меня оно маленькое, ничтожное... Читала начала его сочинений, и везде, где любовь, где женщины, мне гадко, тяжело, я бы все, все сожгла. Пусть нигде мне не напомнимся его прошедшее. И не жаль бы мне было

⁶² В письмах ко Л. Н-чу есть несколько намеков. В одном письме С. А-на говорит: «Левочка, друг милый, не приходит ли тебе иногда в голову, что лучше бы было на ней жениться? Нет, это я пишу глупости. Это вычеркни из моего письма» (8 декабря 1864 г.). Из дневника С. А-ны: «На Таню сердита, она втирается слишком в жизнь Левочки. В Никольское, на охоту, верхом, пешком. Вчера прорвалась в первый раз ревность. Нынче от нее больно. Я ей уступаю лошадь и считаю это хорошо с моей стороны... Они на тяге, в лесу, одни. Мне приходит в голову Бог знает что» (3 мая 1865 г.). Приводим еще одну иллюстрацию ревнивого отношения С. А-ны к женщинам. – В детски наивном письме к сестре С. А-на раскрывает свое тревожное настроение. Написано оно вскоре после ее приезда в Ясную Поляну, 12 октября 1862 г. «Милая Татьяна, не могу не писать тебе, слишком хочется, а писать пока не в состоянии, потому что думаю Бог знает о чем. Сейчас мы пришли из школы. Ходили туда с Ольгой. Ты знаешь, я очень ее люблю. Но не мила она мне теперь. Ты знаешь, какая я ревнивая всегда была. Ну, злит меня все; что она с ним играет, что она ему нравится. Ты знаешь, что я же не могу думать, что он меня не любит, но так неприятно. Я рада, что она уезжает в воскресенье утром. Я теперь все собираюсь серьезно музыкой заняться, да жду отъезда деда и Ольги. Так мне хочется во всем решительно ему быть приятной, да плохо удастся. Он все хочет, чтобы я гуляла, а мне лень. Да это легко, сегодня я уже много ходила. А музыка, это трудно... Так мне завидно, голубчик Таня, что Ольга играет с ним, и вот когда воистину раскаялась, что ленилась учиться музыке... Я люблю его больше, а он уже остановился. Верно, больше любить не может». С. А. сама иногда сознавала неосновательность своей ревности, но не могла преодолеть ее. В дневнике есть упоминания об этом. О ревности к А. А. Оболенской-Дьяковой есть указание у Т. А. Кузминской («Моя жизнь дома и в Ясной Поляне», ч. I, с. 152, 159).

⁶³ Здесь С. А-на цитирует дневник Л. Н-ча от 10–13 мая 1858 г.

его трудов, потому что от ревности я делаюсь страшная эгоистка. Если б я могла и его убить, а потом создать нового, точно такого же, я и то сделала бы с удовольствием».

Своим горем Софья Андреевна не делилась ни с кем из близких, по крайней мере, в письмах. Но она сама позднее признавалась, что никогда не забыла его, и, конечно, в первые месяцы оно сильно отражалось на всем тоне семейной жизни.

Софья Андреевна вскоре еще раз затрагивает эту тему в дневнике.

«Я сегодня видела такой неприятный сон. Пришли к нам в какой-то огромный сад наши ясенские деревенские девушки и бабы, а одеты они все как барыни. Выходит откуда-то одна за другой, последняя вышла А. в черном шелковом платье. Я с ней заговорила, и такая меня злость взяла, что я откуда-то достала ее ребенка и стала рвать его на клочки. И ноги, голову – все оторвала, а сама в страшном бешенстве. Пришел Левочка, я говорю ему, что меня в Сибирь сошлют, а он собрал ноги, руки, все части и говорит, что ничего, это кукла. Я посмотрела, и, в самом деле, вместо тела все хлопки и лайка. И так мне досадно стало. Я часто мучаюсь, когда думаю о ней, даже здесь, в Москве. Прошедшее мучает меня, а не настоящая ревность. Не может он мне отжаться вполне, как я ему, потому что прошедшее полно, велико и так разнообразно, что если бы он теперь умер, то жизнь его была наполнена достаточно. Только не испытал он еще отцовского чувства. А мне теперь вдруг жизнь столько дала, чего я прежде не знала и не испытала, что я хватаюсь за свое счастье и боюсь потерять его, потому что не верю в него, не верю, что оно продолжится, благо, не знала его прежде. Я все думаю, что это случайное, проходящее, а то слишком хорошо. Это ужасно странно, что только один человек своею личностью, безо всякой другой причины, исключая своих личных свойств, мог бы так вдруг взять меня в руки и сделать полное счастье».

Здесь уместным будет коснуться другого вопроса, хотя это и нарушит ход нашего изложения.

О первой встрече с Аксиной Софья Андреевна впоследствии рассказывала своим близким знакомым, и сообщенный ею эпизод во многих деталях совпадает с тем, который дан Толстым в «Дьяволе». Софья Андреевна познакомилась с этой повестью только в 1909 году, через двадцать лет после того, как она была написана⁶⁴; следовательно, на рассказ Софьи Андреевны повесть повлиять не могла. Это обстоятельство подтверждает исключительную автобиографичность «Дьявола». Без сомнения, Лев Николаевич взял за основу повести свою первую после женитьбы встречу с этой крестьянкой и свое последующее душевное состояние. Но и здесь, при обсуждении этого вопроса, следует проявить особую осторожность. Повесть написана в тоне горячего самобичевания, «залпом», в несколько дней, как раз в тот год, 1889-й, когда некоторые стороны человеческих отношений были сознанием Толстого впервые подвергнуты исключительно строгому осуждению. И будет уместным поставить теперь вопрос, не является ли эта своеобразная исповедь скорее материалом для позднейшей эпохи, нежели автобиографическим документом для изучаемого периода.

Не будем излагать содержания «Дьявола», всем хорошо известного, а только отметим, что весь тон, в котором Толстой описывает связь героя с крестьянкой, характер их отно-

⁶⁴ С. А. Стахович сообщила нам некоторые подробности. Это случилось в день ее приезда в Ясную Поляну. Софья Андреевна только что окончила разборку бумаг Л. Н-ча и передала для прочтения Софье Александровне несколько последних рукописей, в том числе рукопись «Дьявола», объяснив ей, что это, вероятно, рукопись какого-нибудь неизвестного автора, присланная Л. Н-чу для просмотра. Сама Софья Андреевна ее не читала. Софья Александровна с первых же строк узнала писание Толстого, тут же сказала об этом Софье Андреевне, но та отвергла ее предположения, так как ей хорошо было известно, что Л. Н-ч никогда никакой повести под таким названием не писал. Но она взяла рукопись и, прочитав ее, поняла все. В тот же день у нее был тяжелый разговор с мужем. Софья Андреевна была до крайности возбуждена, и Л. Н-ч тогда же отметил в дневнике, что Софья Андреевна нашла «Дьявола», и «в ней поднялись старые дрожжи». (Дневн., 13 мая 1909 г.)

шений, противоречит тому настроению Льва Николаевича, которое нашло отражение в его дневнике.

Приведем примеры: «Евгению и в голову не приходило, чтобы эти отношения его имели какое-нибудь для него значение. Об ней же он и не думал... Сношения же – он даже не называл это связью – с Степанидой было нечто совсем незаметное. Правда, что когда приступало желание видеть ее, оно приступало с такой силой, что он ни о чем другом не мог думать. Но это продолжалось недолго: устраивалось свидание, и он опять забывал ее на недели, иногда на месяц». «Так у него решено было, что это было нужно для здоровья, он платил деньги, и больше ничего; связи какой-нибудь между ним и ею нет, не было, не может и не должно быть».

Эти определения плохо согласуются с теми намеками, которые даны в дневнике Толстого того времени. Он писал тогда: «Влюблен, как никогда в жизни. Нет другой мысли». «Уже не чувство оленя, а мужа к жене. Странно, стараюсь возобновить бывшее чувство пресыщения и не могу».

За отсутствием данных нельзя в дальнейшем провести такой же параллели между художественным произведением и личными документами. Но достаточно сказанного, чтобы подвергнуть сомнению, в смысле автобиографичности, переживания Иртенева после встречи со Степанидой.

Толстой представляет их, как дьявольское сладострастие, повторившееся похотливое влечение к этой женщине. Но мы знаем, что таким оно не было, а под конец скорее походило на любовь. Может быть, и теперь возобновилось именно это чувство. Нет доказательств, но по одному намеку можно допустить, что увлечение Толстого крестьянкой было настолько сильно, что внешний разрыв не совпал сразу с внутренним и что в первое время после женитьбы воспоминания были живы в нем. На другой день после свадьбы Лев Николаевич отметил в дневнике: «Ночь[ю] тяжелый сон. Не она». Быть может, то была Аксинья.

А спустя несколько месяцев, когда любимая жена при болезненной беременности потеряла часть своего обаяния, случайная встреча могла всколыхнуть старое и на некоторое время занять внимание Льва Николаевича. Но его прямолинейная натура, вероятно, тут же осудила это незаконное чувство, а позднее, в старости, под влиянием установившегося мировоззрения, Толстой вынес ему свой окончательный приговор⁶⁵.

Мы не можем разрешить наши сомнения, но все же склонны полагать, что затронутая в «Дьяволе» тема скорее отображает настроения Толстого в конце восьмидесятых годов, нежели является точной иллюстрацией его переживаний в первые дни семейной жизни.

III

Женитьба сразу изменила весь строй жизни Толстого. В последние годы холостой жизни большая часть его внимания сосредоточилась на общественных интересах: посредничество, школа, педагогический журнал. Теперь же все это отходит на задний план или заменяется новыми увлечениями. Хотя Лев Николаевич и возобновляет школу, но занимается далеко не с таким воодушевлением, как прежде, и вскоре школа совсем закрывается. Издание журнала тяготит Толстого, и он решается приостановить его. На первый план выступают личные интересы, хозяйство, «заботы об увеличении средств жизни». Даже художественное творчество, на первых порах, теряет свое прежнее значение.

⁶⁵ Возможно, что в «Дьяволе» нашло отражение также и другое событие, имевшее место в начале восьмидесятых годов. Л. Н-ч обратил внимание на одну крестьянку (прислугу) и готов был идти к ней на свидание. Он уже отправился, но сын окликнул его, спрашивая об уроках. Л. Н-ч опомнился, вскоре рассказал обо всем В. Н. Алексею и просил Алексея следить за ним и не давать ему возможности оставаться одному. (Об этом в «Воспоминаниях» В. Н. Алексея и в письме Толстого В. Г. Черткову от 25 июня 1884 г.)

«С студентами и с народом распростился», – записывает Толстой в дневнике через неделю после женитьбы. «Я пристально работаю и кажется пустяки. Кончил «Кзаков» 1-ю часть», – отмечает он в конце 1862 года. В мае месяце следующего года в письмах к Фету Лев Николаевич подробно описывает свое новое состояние.

«Я живу в мире столь далеком от литературы и ее критики, что, получая такое письмо, как ваше, первое чувство мое – удивление. Да кто же такое написал «Кзаков» и «Поликушку»? Да и что рассуждать о них? Бумага все терпит, а редактор за все платит и печатает. Но это только первое впечатление; а потом вникнешь в смысл речей, покопаясь в голове и найдешь там, где-нибудь в углу, между старым забытым хламом, найдешь что-то такое неопределенное, под заглавием *художественное*. И, сличая с тем, что вы говорите, согласишься, что вы правы, и даже удовольствие найдешь покопаться в этом старом хламе и в этом когда-то любимом запахе. И даже писать захочется. Вы правы, разумеется. Да ведь таких читателей, как вы, мало. «Поликушка» – болтовня на первую попавшуюся тему человека, который «и владеет пером», а «Кзаки» – «с сукровицей», хотя и плохо. Теперь я пишу историю пегого мерина; к осени, я думаю, напечатаю. Впрочем, теперь как писать – теперь незримые усилия, даже зримые, и притом я в юхванстве опять по уши. И Соня со мной. Управляющего у нас нет, есть помощники по полевому хозяйству и постройкам, а она одна ведет контору и кассу... И все идет понемножку, хотя, разумеется, плохо сравнительно с идеалом».

В другом письме: «*Мы юхванствуем* понемножку. Я сделал важное открытие, которое спешу вам сообщить. Приказчики и управляющие и старосты есть только помеха в хозяйстве. Попробуйте прогнать все начальство и спать до десяти часов, и все пойдет, наверное, *не хуже*. Я сделал этот опыт и остался им вполне доволен».

Но эта перемена проходит далеко не гладко. Когда отброшено старое и не оформлены новые стремления, неизбежны бездействие, апатия, и они омрачают настроение Толстого. Некоторые его записи носят следы грусти и раздражения.

Меньше, чем через месяц после свадьбы, Лев Николаевич записывает: «Все это время я занимаюсь теми делами, которые называются практическими только. Но мне становится тяжела эта праздность. Я себя не могу уважать. И потому собой не доволен и не ясен в отношениях с другими. Журнал решил кончить, школы тоже, кажется. Мне все досадно, – и на мою жизнь и даже на нее. *Необходимо работать*».

И во многих других записях мы находим отражение этого состояния. Через несколько месяцев – в январе 1863 г. – он отмечает: «Я просто холоден и с жаром хватаюсь за всякое дело». Спустя неделю: «Также недоволен часто собой и также твердо верю в себя и жду от себя... Еще бы я не был счастлив! Все условия счастья, моего счастья, совпали для меня. Одного часто мне не достает (все это время): сознания, что я сделал все, что *должен был*, для того, чтобы вполне наслаждаться тем, что мне дано и отдать[ся] другим *всему*, своим трудом за то, что они [крестьяне?] мне дали».

С 11 апреля по 2 июня 1863 г. Лев Николаевич не делает никаких записей в дневнике. Но в дневнике его жены от 24 апреля мы читаем:

«... Лева или стар, или несчастлив. Неужели, кроме дел денежных, хозяйственных, винокуренных, ничего и ничто его не занимает. Если он не ест, не спит и не молчит, он рыскает по хозяйству, ходит, ходит, все один. А мне скучно – я одна, совсем одна. Любовь его ко мне выражается машинальным целованием рук и тем, что он мне делает добро, а не зло».

Возобновляя дневник, Лев Николаевич пишет: «Все это время было тяжелое для меня время физического и оттого ли, или самого собой нравственного тяжелого и безнадежного сна. Я думал и то, что нет у меня сильных интересов] или страсти (как не быть? отчего не быть?). Я думал и что стареюсь и что умираю, думал, что страшно, что я не люблю. Я ужасался над собой, что интересы мои – деньги, или пошлое благосостояние. Это было

периодическое засыпание. Я проснулся, мне кажется. Люблю ее и будущее, и себя, и свою жизнь. Ничего не сделаешь против сложившегося. В чем кажется слабость, в том может быть источник силы».

Такой крутой перелом, резкий разрыв с былыми увлечениями не может не смутить нас. А те намеки, которые мы находим в личных документах – глухой протест против новых условий жизни, против сужения масштаба ее, – могут поставить перед нами вопрос о той роли, какую сыграла здесь молодая жена Толстого.

Известно, как резко расходились взгляды Толстых в старости, как твердо противопоставляла Софья Андреевна свои эгоистически-семейные обязанности духовным запросам мужа. Мы не можем этого забыть и часто готовы все более ранние события объяснять в строгом соответствии с конечным результатом семейного опыта Толстых.

А разница во взглядах обнаруживается, как будто, с первых же шагов. В дневнике Софьи Андреевны, в заметке, которую она делает спустя месяц после свадьбы, мы читаем: «Он мне гадок со своим народом. Я чувствую, что или я, т. е. я пока представительница семьи, или народ, с горячей любовью к нему Л[евочки]. Это эгоизм. Пускай. Я для него живу, им живу, хочу того же, а то мне тесно и душно здесь, и я сегодня убежала, потому что мне все и все стало гадко. И тетенька⁶⁶, и студенты, и Н[атаалья] П[етровна]⁶⁷, и стены, и жизнь, и я чуть не хохотала от радости, когда убежала одна тихонько из дому. Л[евочка] мне не был гадок, но я вдруг почувствовала, что он и я по разным сторонам, т. е., что его народ не может меня занимать *всю*, как его, а что его не может занимать *всего* я, как занимает меня он. Очень просто. А если я его не занимаю, если я кукла, если я только *жена, а не человек*, так я жить так не могу и не хочу. Конечно, я бездельная, да я не по природе такая, а еще не знаю, главное, не убедилась, в чем и где дело. Он нетерпелив и злится. Бог с ним, мне сегодня так хорошо, свободно, потому что я сама по себе, а он, слава богу, был мрачен, но меня не трогал. Я знаю, он богатая натура, в нем много разных сил, он поэтический, умный, а меня сердит, что это все занимает его с мрачной стороны».

Эти документы могут склонить к резко отрицательной оценке влияния Софьи Андреевны на развитие и духовный рост Толстого. Но правильна ли такая оценка?

Разобраться в скрытом ходе развития духовного организма Толстого очень трудно, и еще более трудно по отдельным цитатам, случайно и не случайно брошенным фразам делать какие-либо категорические заключения. Но несомненным остается одно: отношение Льва Николаевича к жизни, к окружающему резко изменилось. Можно ли это объяснить тем, что присутствие жены, ее интересы отрицательно повлияли на Толстого и он, оберегая свой семейный уют, желая сохранить свое «семейное счастье», бессознательно стал сторониться той деятельности, которой прежде посвящал все внимание, весь пыл своей души.

В «Исповеди», где Лев Николаевич так резко осуждает годы своей женатой жизни, мы находим объяснение этой внезапной перемене.

«В продолжение года я занимался посредничеством, школами и журналом и так измучился, от того особенно, что запутался, так мне тяжела стала борьба по посредничеству, так смутно проявлялась моя деятельность в школах, так противно мне стало мое влияние в журнале, состоявшее все в одном и том же – в желании учить всех и скрыть то, что я не знаю, чему учить, что я заболел более духовно, чем физически, бросил все и поехал в степь к башкирам – дышать воздухом, пить кумыс и жить животного жизнью».

Вернувшись оттуда, я женился. Новые условия счастливой семейной жизни совершенно уже отвлекли меня от всякого искания общего смысла жизни. Вся жизнь моя сосредоточилась за это время в семье, в жене, в детях и потому в заботах об увеличении средств

⁶⁶ Татьяна Александровна Ергольская.

⁶⁷ Наталья Петровна Охотницкая, бедная дворянка, старушка, проживавшая у Толстых.

жизни. Стремление к усовершенствованию, подмененное уже прежде стремлением к усовершенствованию вообще, к прогрессу, теперь подменилось уже прямо стремлением к тому, чтобы мне с семьей было как можно лучше».

В «Исповеди» Толстой отрицает свою прежнюю жизнь, отвергает ее положительное значение, объясняя все стремления эгоистическими побуждениями. Эта оценка служит иллюстрацией другого периода, и мы не будем основываться на текстах «Исповеди». Но здесь есть одно чрезвычайно важное свидетельство. – Лев Николаевич еще раньше женитьбы разочаровался в общественной деятельности и в педагогике. Не интересы семьи, не личные свойства Софьи Андреевны заставили его отказаться от прежних увлечений. Наоборот, женитьба вывела Толстого из тупика, направив энергию в другое русло. «Я бы тогда [до женитьбы], может быть, пришел к тому отчаянию, к которому я пришел через пятнадцать лет, если бы у меня не было еще одной стороны жизни, неизведанной еще мною и обещавшей мне спасение, – это была семейная жизнь», – писал Толстой в «Исповеди».

Всякие переоценки, перегруппировки влекут за собой мучительные сомнения, рефлексию и временный упадок сил; новые настроения постепенно занимают первый план. Все это мы видели в Толстом. Но перемена произошла не под влиянием *несчастливого брака*, а в результате логического развития сознания Толстого. И бессознательное участие его жены в этом процессе было не только не отрицательным, но, может быть, и положительным, – по крайней мере, в оценке самого Толстого.

Он понимал, конечно, что 18-летней женщине чужды все те волнения и сомнения, которые владели им, мало интересны *главные* вопросы жизни, что она оценивает все со своей узкой, *женской* точки зрения. Но ее присутствие, участие в личной жизни создавали необходимое ему настроение для выработки тех форм жизни, которые ему неизбежно надо было пройти.

Очень интересен в этом отношении конец уже цитированного письма Льва Николаевича к А. А. Толстой.

«Главный вопрос, интересующий вас во мне, увь, – еще не тронут, но я чувствую себя мягким, восприимчивым на все. Пишите мне, пожалуйста, по-старому. Прощайте».

«Она читает это письмо и ничего не понимает и не хочет понимать, и не нужно ей понимать; то самое, до чего наш брат доходит целым трудовым, болезненным кругом сомнений, страданий, для этих счастливых иначе не может быть».

[Приписка С. А-ны]:

«Я не могу, милая тетенька, оставить все это так. Он ошибается, я все понимаю, все решительно, что до него касается, а письмо его так мрачно оттого, что у него болит голова, и он не в духе».

[Приписка Л. Н-ча]:

«Ну вот видите».

В дневнике Толстого от 8 февраля 1863 года находим новое подтверждение нашему положению: «Хозяйство и дела журнала хороши. Студенты только тяготят неестественностью отношений и невольной завистью, в которой я их не упрекаю. Как мне все ясно теперь. Это было увлечение молодости – фарисейство почти, которое я не могу продолжать, выросши большой. Все она. Она не знает и не поймет, как она преобразовывает меня без сравнения больше, чем я ее. Только не сознательно. Сознательно и я и она бессильны».

В чем же состоит эта перемена? – Тема очень большая и требует специального исследования. Но мы коснемся ее в нескольких словах.

Можно выставить предположение о некоторой зависимости между тем конфликтом чувственности и любви, который тяготел над Толстым все годы его холостой жизни, и той нервностью его духовных исканий, которые всегда были окрашены тоном глубокой неудовлетворенности, общим душевным беспокойством. Этот конфликт, возможно, отражался в

тоне страстного самобичевания, недовольства своею жизнью, в жажде собственного обновления, в поисках новых путей.

В те годы у Толстого не было вполне установившегося религиозно-философского мировоззрения, и на его попытки общественной деятельности можно смотреть, как на инстинктивное стремление к активному добру и, быть может, как на неосознанную потребность использовать весь тот огромный запас любви, который скопился в нем и требовал своего применения.

Практическая деятельность дает удовлетворение только тогда, когда она есть следствие определенных убеждений. В деятельности же Толстого не было такой предпосылки, он брался за одно дело, оставлял его и увлекался другим, но не мог ничего довести до конца, так как в нем не было безусловной веры в правильность взятого пути. Он разочаровался в практической деятельности, а жизненная энергия звала к ней, и Толстой готов был прийти к полному отчаянию. Чтобы разрешить этот кризис, нужны были два условия: дать, хотя бы временно, новое применение этой энергии, освободить внимание и поставить на очередь чисто теоретические общие вопросы жизни, создав благоприятную обстановку для их изучения. Толстой нашел ее в новых условиях семейной жизни.

Потребность в сердечных переживаниях была впервые удовлетворена, и под влиянием этих настроений перегруппировка душевных сил стала быстро осуществляться.

«Главная перемена во мне за это время, что я начинаю любить слегка людей, – записывает Толстой в дневнике 23 января 1863 года. – Прежде все или ничего, а теперь настоящее место любви занято и отношения проще».

«Доказывает ли это слабость характера или силу – я иногда думаю – и то и другое, но я должен признаться, – пишет он А. А. Толстой осенью того же года, – что взгляд мой на жизнь, на *народ* и на *общество* теперь совсем другой, чем тот, который у меня был в последний раз, как мы с вами виделись. Их можно жалеть, но любить, мне трудно понять, как я мог так сильно. Все-таки я рад, что прошел через эту школу; эта последняя моя любовница меня очень формировала. – Детей и педагогику я люблю, но мне трудно понять себя таким, каким я был год тому назад. Дети ходят ко мне по вечерам и приносят с собой для меня воспоминания о том учителе, который был во мне и которого уже не будет... Я не копаюсь в своем положении (*grübeln* – размышлять) и в своих чувствах и только чувствую, а не думаю, в своих семейных отношениях. Это состояние дает мне ужасно много умственного простора. Я никогда не чувствовал свои умственные и даже все нравственные силы столько свободными и столько способными к работе. И работа эта есть у меня... Я теперь писателем всеми силами своей души, и пишу и обдумываю, как я еще никогда не писал и [не] обдумывал. Я счастливый и спокойный муж и отец, не имеющий ни перед кем тайны и никакого желания, кроме того, чтоб все шло по-прежнему»⁶⁸.

Мы имели возможность проследить, как не ровно, не спокойно проходило это разграничение, сколько тревог и сомнений испытал Толстой, отдаваясь новому течению жизни. Перемена произошла не сразу. Отбросив старое, он не нашел, где применить свои силы, и вынужденное бездействие порою раздражало его. Он не всегда мог примириться с ограниченным кругом чисто семейных интересов, и контраст с прежним размахом не мог не беспокоить его. Софья Андреевна, создавая семью, не понимала его запросов, ревниво относилась к общественным склонностям мужа, его интеллектуальным запросам. По этому поводу Лев Николаевич записал в дневнике 23 января 1863 г.: «С ж[еной] самые лучшие отноше-

⁶⁸ Письмо А. А. Т-ой, осень 1863 г. Здесь уместным будет привести утверждение Л. Н. о значении эмоциональных переживаний, которое на 4-м месяце женатой жизни так было сформулировано им: «Прежде я думал и теперь женатый еще больше убеждаюсь, что в жизни, во всех отношениях людских, основа всему работа – драма чувства, а рассуждение – мысль, не только не руководит чувством и делом, а подделывается под чувство. Даже обстоятельства не руководят чувствами, а чувство руководит обстоятельствами, т. е. дает выбор из тысячи фактов». (Дневник, 25 января 1863 г.)

ния. Приливы и отливы не удивляют и не пугают меня. Изредка и нынче все страх, что она молода и многого не понимает и не любит во мне и что многое в себе она задушает для меня и все эти жертвы инстинктивно заносит мне на счет».

Но, преодолевая сомнения и временное бездействие, Толстой принял всю совокупность семейных интересов, инстинктивно направив свою энергию на те следствия, которые вытекали из самого факта его женитьбы. На первых порах он не только оставил общественную деятельность, но и потерял вкус к художественному творчеству. Все его внимание было сосредоточено на личных переживаниях, а творческая сила не выходила за пределы семьи, распространив свою деятельность на хозяйство, на создание «гнезда». Но и здесь Толстой был верен своей природе. Он не остался помещиком-рутинером, а сразу же стал искать новых путей, усложнять хозяйство новыми планами и затеями, стремясь во всем достигнуть совершенства. «Все идет понемножку, хотя, разумеется, плохо сравнительно с идеалом», – писал Толстой Фету в начале 1863 года по поводу своих хозяйственных успехов.

Но даже «идеал» в этой области не мог бы удовлетворить Толстого: в нем уже шла работа, о которой он намекал в письме к А. А. Толстой. 23 января 1863 года он отмечает в дневнике: «Правду сказал мне кто-то, что я дурно делаю, пропуская время писать. Давно я не помню в себе такого сильного желания и спокойно-самоуверенного желания писать. Сюжетов нет, т. е. никакой не просится особо, но заблуждение или нет, кажется, что всякой сумел бы сделать».

Эмоциональные порывы локализовались, благополучно разрешился конфликт между чувственностью и любовью, жизненная энергия нашла применение все в том же кругу семейных интересов, и мысль освободилась для творчества. Скоро наметилось первое отслоение, и быстро проходит все последующее развитие. К концу первого года женатой жизни вполне определился характер будущей работы.

«Эпический род мне становится один естественен», – записывает Толстой в дневнике 3 января 1863 года.

«Читаю Гёте, и роятся мысли», – там же отмечает он в июне.

К созданию «Войны и мира» Толстой был внутренне вполне готов.

Дальнейшее размежевание не прекращалось, и спустя два года, в эпоху расцвета его творческих сил, он писал Фету, что перепрег хозяйство «из оглобель на пристяжку, а мысль и художество... в корень... и гораздо покойнее поехал».

Наша задача – не только дать обзор семейной жизни Толстого, но по возможности показать связь между творчеством и этой жизнью. Установив, что отсутствие стройного мирозерцания едва не было роковым для холостого Толстого, мы должны теперь, хотя это и нарушит ход нашего изложения, коснуться тех положительных результатов, к которым Лев Николаевич пришел через несколько лет после женитьбы. Эти результаты даны в «Войне и мире». Вся мощь Толстого, мыслителя и художника, выявилась в этой грандиозной эпопее.

Беспристрастно, спокойно, как классический философ-систематик, наблюдает он события, изучает основные законы истории, делает логические заключения.

Здесь он прежде всего философ, а художественная форма избрана потому, что, согласно убеждению Толстого, только художнику доступен настоящий смысл, настоящая правда дела; «историки же по самому свойству своих приемов и исследований могут изображать события только в ложном и превратном виде»⁶⁹.

⁶⁹ Н. Н. Страхов («Критические статьи»), у которого заимствуем резюме взглядов Толстого, выраженных им в статье «Несколько слов! по поводу книги «Война и мир», называет этот взгляд «наивностью, которую по всей справедливости можно назвать гениальной».

Толстой создает свою философию истории, и все содержание романа является художественной иллюстрацией к его философской теории. Но ему мало одних художественных образов, и он дополняет их отвлеченными рассуждениями.

Толстой ставит вопрос о Высшей Воле и, как вывод отсюда, вопрос о человеческой воле. Он признает свободу воли, как радостное приятие и следование общим законам жизни, и решительно осуждает всякое своеволие. Все, что совпадает с естественным ходом жизни, описано с особенной любовью, и, напротив, чем дальше от природы, фальшивее, искусственное, тем противнее такая жизнь и такие люди автору «Войны и мира». Толстой показывает несколько ослепительных примеров неожиданного просветления некоторых действующих лиц романа, которые под влиянием исключительных обстоятельств узнают истинное направление жизни и обретают счастье от слияния с общим ее процессом. – Кн. Андрей в Аустерлице и на Бородинском поле; Пьер в плену, и даже «один из этих живых мертвецов – самый худший из них»⁷⁰, кн. Василий, в минуту просветления чувствует весь ужас, всю бессмысленность жизни, оторванной от вечности. – «Сколько мы грешим, сколько мы обманываем и все для чего?... Все кончится смертью, все. Смерть ужасна».

Толстой дает философскую систему, но приемы его мышления решительно отличаются от тех, которые установились у него впоследствии. Он только художник-философ, он ищет для того, чтобы знать, мало заботясь о применении этих знаний, – не так, как впоследствии, когда знание играет служебную роль в единственно важной работе – борьбе со смертью.

Толстой изобразил немало темных сторон человеческих отношений, на страницах романа разбросан целый ряд убийственных оценок войны, но все это не имеет строго обличительного характера и не выходит из рамок эпического повествования.

В «Войне и мире» можно подобрать большое количество ясно сформулированных положений, почти тождественных с теми, которые Толстой вырабатывал в последний период, но он ни к чему здесь не призывает, и религиозный взгляд на жизнь, пронизывающий все сочинение, не есть взгляд проповедника-апостола, а только настроение созерцающего законы жизни художника-философа.

Создавая свой крупный литературный труд, он ни на одну минуту не становится литератором-профессионалом. Еще по приезде из Крыма он не захотел сойтись с писательским миром, держится от него в стороне и теперь, когда все его умственные силы направлены на художественное творчество. Его главная цель – философская, и ради нее он сознательно пренебрегает успехом. В статье по поводу критики на «Войну и мир» (оставшейся непечатанной), он писал: «Все, что я высказываю, не есть плод фантазии или желания получить известность посредством смелых парадоксов (историческая теория моя только может уменьшить, а никак не увеличить мою известность), а необходимый, *неизбежный вывод*, к которому я, *напрягая все свои умственные усилия*, пришел после долгих трудов».

Перед Толстым одна цель – «познание истины». Он ищет ее, и его размышления принимают формы философской системы. В романе приведены теоретические положения, а вслед за этим даны практические выводы. В цитированной статье Толстой излагает «некоторые соображения о приложении» его теории «к религии и этике, то есть к вопросам о Божестве и душе, о свободе и ответственности».

Здесь Л. Н. Толстой впервые дает законченную систему мировоззрения. Она во многом сходна с его будущими взглядами, но существенно отличается от них и, главным образом, тем, что остается на ступени чистого умозрения, даже самый способ выражения напоминает терминологию школьной философии.

⁷⁰ Роллан Р. Жизнь Толстого.

IV

Новые условия жизни, новые обязанности, новые интересы застали врасплох не только Льва Николаевича, но и его жену. Они не могли сразу найти для себя устойчивое положение, и неопределенность тяготила их. Каждый по-своему примеривался к жизни, старался в меру своих сил заполнить досуг, выработать житейский план и не прощал себе праздности.

Мы познакомились достаточно подробно со сложной гаммой настроений Толстого. Проследим теперь по дневнику Софьи Андреевны, как переживалось ею стремление к деятельности.

«Хочется изо всех сил хозяйничать и делать *дело*. Не умею и не знаю, как взяться. Все придет. А хлопотать и обманывать себя и других, что *занимаюсь*, – гадко. Да и кого обманывать, для чего? Иногда так мне делается ясно, что делать, как полезно время проводить, а потом забудешь, рассеешься. Как мне стало легко, просто жить. Так чувствую, что тут *мой долг*, моя жизнь, что мне ничего не нужно. И когда делается тесно, то и тогда, если б спросили, чего тебе надо – я не знала бы, что отвечать».

«Дело найти не трудно, его много, но надо прежде увлечься этими мелочными делами, а потом заводить кур, брянчать на фортепьяно, читать много глупостей и очень мало хороших вещей и солить огурцы. Все это придет, я знаю, когда я забуду свою девичью праздную жизнь и сживусь с деревнею. Не хочу попадать в общую колею и скучать, да и не попаду... Вот так-то, через несколько лет я создам себе *женский*, серьезный мир и его буду любить еще больше, потому что тут будет муж, дети, которых больше любишь, чем родителей и братьев. А пока не установилась. Качаюсь между прожитым и настоящим с будущим. Муж меня слишком любит, чтоб уметь сразу дать направление, да и трудно, сама выработаюсь, а он тоже чувствует, что я не та. Вот терпение, я буду прежняя, но не дева, а женщина, опять проснусь, и он и я, мы будем довольны мной».

«Погода летняя, чудная, расположение духа летнее – грустное; какая-то пустота, одиночество. Лева озабочен делами, хозяйством, а я не озабочена ничем... На что я способна? А так прожить нельзя. Хотела бы я побольше дела. Настоящего только. Бывало всегда весною, в такое чудное время чего-то хочется, куда-то все нужно, Бог знает, о чем мечтаешь. А теперь ничего не нужно, нет этого глупого стремления куда-то, потому что чувствуешь невольно, что все нашел и искать больше нечего, а все-таки немного скучно иногда. Много счастья – мало дела. И от хорошего устаешь. Надо дельного для противоположности. Что прежде замещалось мечтаниями, жизнью воображения, то теперь должно заместиться делом каким-нибудь, жизнью настоящего, а не жизнью воображения. Все глупо – я злюсь».

«Занялась хозяйством. Лева серьезно, я покуда будто бы. Все это весело, хорошо, не мелко. Меня все сильно интересует и часто радует... Купили пчел, – меня радует; все это так интересно, а трудно хозяйство».

«Ужасно хочется и за пчелами ходить и за яблонями, и хозяйничать, деятельности хочется – и беспрестанно тяжесть, усталость, нечто вроде немогущности напоминает мне, что сиди, мол, смирно – береги свой живот. Досадно. И скучно, что Лева смотрит на эту немогущность как-то неприязненно – как будто я виновата, что беременна. Ни в чем я и помочь ему не могу».

Лев Николаевич действительно сердился на жену за ее бездействие. Его горячая натура не допускала ни минуты покоя ни для себя, ни для нее. В «Анне Карениной» он касается этого момента и, как чуткий художник, приводит оправдывающие объяснения.

«Ни интереса к своему делу, к хозяйству, к мужикам, ни к музыке, в которой она довольно сильна, ни к чтению. Она ничего не делает и совершенно удовлетворена». Левин в душе осуждал это и не понимал еще, что она готовилась к тому периоду деятельности,

который должен был наступить для нее, когда она будет в одно и то же время женой мужа, хозяйкой дома, будет носить, кормить и воспитывать детей. Он не понимал, что она чутьем знала это и, готовясь к этому страшному труду, не упрекала себя в минутах беззаботности и счастья любви, которыми они пользовались теперь, весело свивая свое будущее гнездо».

В приведенных документах Софья Андреевна ссылается на свою болезненную беременность. И, приступая теперь к описанию этой важной стороны семейной жизни Толстых, мы еще раз особенно сильно чувствуем основной недостаток нашего изложения. Выбирая каждый раз определенную тему, мы изолируем связанные с ней переживания от совокупности всех остальных, в то время, как в жизни все тесно переплетено, взаимно дополняет друг друга, одно служит невидимой причиной многих других, внешне ему чуждых явлений, и самая жизнь, в своей цельности, не допускает точного деления.

Софья Андреевна забеременела через месяц после свадьбы. Беременность протекала очень болезненно. Почти все, что описано выше, происходило в эти месяцы, и трудно, почти невозможно разграничить, что имело самостоятельное значение и что явилось следствием этого состояния, – следствием не только в отношении Софьи Андреевны, но также и Льва Николаевича. Его восприятие беременности жены, его настроение, связанное с этим, могло влиять и, конечно, влияло на весь его душевный строй.

Приступая с такой оговоркой к описанию этой стороны жизни, мы подчеркиваем, что остановимся лишь на моменте наиболее значительном – на том не всегда осознанном конфликте между мужем и женой, который вытекал из их природных различий.

Чтобы ближе подойти к теме, приведем полностью письмо Л. Н. Толстого к его сестрице Т. А. Кузминской, известное под названием «Сказки о фарфоровой кукле». В этой художественной шутке-импровизации есть скрытый глубокий смысл.

Рукою С. А. Толстой. «21 марта 1863 г... Что ты, Танька, приуныла?... – Совсем мне не пишешь, а я так люблю получать твои письма, и Левочке ответа еще нет на его сумасбродное послание. Я в нем ровно ничего не поняла».

Рукою Л. Н. Толстого: «23 марта. Я[сна]. Вот она начала писать и вдруг перестала, потому что не может. И знаешь ли отчего, милая Таня. С ней случилось странное, а со мной еще более странное приключение. – Ты знаешь сама, что она всегда была, как и все мы, сделана из плоти и крови и пользовалась всеми выгодами и невыгодами такого состояния: она дышала, была тепла, иногда горяча, дышала, сморкалась (еще как громко) и т. д.; главное же, владела всеми своими членами, которые, как то – руки и ноги, могли принимать различные положения; одним словом, она была телесная, как все мы. Вдруг 21 марта 1863 года в 10 часов пополудни с ней и со мной случилось это необыкновенное событие. Таня! я знаю, что ты всегда ее любила (теперь неизвестно уже, какое она возбудит в тебе чувство), – я знаю, что во мне ты принимала участие, я знаю твою рассудительность, твой верный взгляд на важные дела жизни и твою любовь к родителям (приготовь их и сообщи им), я пишу тебе все, как было.

В этот день я встал рано, много ходил и ездил. Мы вместе обедали, завтракали, читали (она еще могла читать). И я был спокоен и счастлив. В 10 часов я простился с тетенькой (она все была, как всегда, и обещала прийти) и лег один спать. Я слышал, как она отворила дверь, дышала, раздевалась, все сквозь сон... Я услышал, что она выходит из-за ширм и подходит к постеле. Я открыл глаза... и увидел Соню, но не ту Соню, которую мы с тобой знали, – ее, Соню – *фарфоровую*! Из того самого фарфора, о котором спорили твои родители. Знаешь ли ты эти фарфоровые куколки с открытыми холодными плечами, шеей и руками, сложенными спереди, но сделанными из одного куска с телом, с черными выкрашенными волосами, подделанными крупными волнами, и на которых черная краска стерлась на вершинах, и с выпуклыми фарфоровыми глазами, тоже выкрашенными черным на оконечно-

стях и слишком широко, и с складками рубашки крепкими и фарфоровыми из одного куска. Точно такая была Соня, я тронул ее за руку, – она была гладкая, приятная на ощупь, и холодная, фарфоровая. Я думал, что я сплю, встряхнулся, но она была все такая же и неподвижно стояла передо мной. Я сказал: ты фарфоровая? Она, не открывая рта (рот как был сложен уголками и вымазан ярким кармином, так и остался), отвечала: да, я фарфоровая. У меня пробежал по спине мороз⁷¹, я поглядел на ее ноги: они тоже были фарфоровые и стояли (можешь себе представить мой ужас) на фарфоровой, из одного куска с нею дощечке, изображающей землю и выкрашенной зеленой краской в виде травы. Около ее левой ноги немного выше колена и сзади был фарфоровый столбик, выкрашенный коричневой краской и изображающий, должно быть, пеня. И он был из одного куска с нею. Я понял, что без этого столбика она бы не могла держаться, и мне стало так грустно, как ты можешь себе вообразить, – ты, которая любила ее. Я все не верил себе, стал звать ее, она не могла двинуться без столбика с земли и раскачивалась только чуть-чуть совсем с землей, чтобы упасть ко мне. Я слышал, как доньшко фарфоровое постукивало об пол. Я стал трогать ее – вся гладкая, приятная и холодная фарфоровая. Я попробовал поднять ее руку – нельзя. Я попробовал пропустить палец, хоть ноготь между ее локтем и боком – нельзя. Там была преграда из одной фарфоровой массы, которую делают у Ауэрбаха и из которой делают соусники. Все было сделано только для наружного вида. Я стал рассматривать рубашку – снизу и сверху все было из одного куска с телом. Я ближе стал смотреть и заметил, что снизу один кусок складки рубашки отбит и видно коричневое. На макушке краска немного сошла, и белое стало. Краска с губ слезла в одном месте, и от плеча был отбит кусочек. Но все было так хорошо, натурально, что это была все та же наша Соня. И рубашка, та, которую я знал, с кружевцом, и черный пучок волос сзади, но фарфоровый, и тонкие милые руки, и глаза большие, и губы – все было похоже, на фарфоровое. И ямочка на подбородке, и косточки перед плечами. Я был в ужасном положении, я не знал, что сказать, что делать, что подумать, а она бы и рада была помочь мне, но что могло сделать фарфоровое существо. Глаза полузакрытые, и ресницы, и брови – все было как живое издалека. Она не смотрела на меня, а через меня на свою постель; ей, видно, хотелось лечь, и она все раскачивалась. Я совсем потерялся, схватил ее и хотел перенести на постель. Пальцы мои не вдавились в ее холодное фарфоровое тело, и, что еще больше поразило меня, она сделалась легкой, как стекляночка. И, вдруг она как будто вся исчезла и сделалась маленькою, меньше моей ладони, и все точно такую же. Я схватил подушку, поставил ее на угол, ударил кулаком в другой угол и положил ее туда, потом я взял ее чепчик ночной, сложил его вчетверо и покрыл ее до головы. Она лежала там все точно такую же. Я потушил свечку и уложил у себя под бородой. Вдруг я услышал ее голос из угла подушки: «Лева, отчего я стала фарфоровая?» Я не знал, что ответить. Она опять сказала: «Это ничего, что я фарфоровая?» Я не хотел огорчать ее и сказал, что ничего. Я опять ощупал ее в темноте, – она была такая же холодная и фарфоровая. И брюшко у ней было такое же, как у живой, конусом кверху, немножко ненатуральное для фарфоровой куклы. – Я испытал странное чувство. Мне вдруг стало приятно, что она такая, и я перестал удивляться, – мне все показалось натурально. Я ее вынимал, перекаладывал из одной руки в другую, клал под голову. Ей все было хорошо. Мы заснули. Утром я встал и ушел, не оглядываясь на нее. Мне так было страшно все вчерашнее. Когда я пришел к завтраку, она была опять такая же, как всегда. Я не напоминал ей об вчерашнем, боясь огорчить ее и тетеньку. Я никому, кроме тебя, еще не сообщал об этом. Я думал, что все прошло, но во все эти дни, всякий раз, как мы остаемся одни, повторяется то же самое. Она вдруг делается маленькою и фарфорового. Как при других, так все по-прежнему. Она не тяготится этим и я тоже. Признаться откровенно, как ни странно это, я рад этому, и, несмотря на то, что она фарфоровая, мы очень счастливы.

⁷¹ Слово «мороз» вписано рукою С. А. Толстой.

Пишу же я тебе обо всем этом, милая Таня, только затем, чтобы ты приготовила родителей к этому известию и узнала бы через папа у медиков: что означает этот случай, и не вредно ли это для будущего ребенка. Теперь мы одни, и она сидит у меня за галстуком, и я чувствую, как ее маленький острый носик врежется мне в шею. Вчера она осталась одна; я вошел в комнату и увидел, что Дора (собачка) затащила ее в угол, играет с ней и чуть не разбила ее. Я высек Дору и положил Соню в жилетный карман и унес в кабинет. Теперь, впрочем, я заказал, и нынче мне привезли из Тулы деревянную коробочку с застежкой, обитую снаружи сафьяном, а внутри малиновым бархатом с сделанным для нее местом, так что она ровно локтями, головой и спиной укладывается в него и не может уж разбиться. Сверху я еще прикрываю замшей.

Я писал это письмо, как вдруг случилось ужасное несчастье. Она стояла на столе, Н. П. толкнула, проходя, она упала и отбила ногу выше колена с пеньком. Алексей⁷² говорит, что можно заклеить белилами с яичным белком. Не знают ли рецепта в Москве. Пришли, пожалуйста».

Это загадочное письмо после его первой публикации⁷³ вызвало большой шум. Им заинтересовались представители психоаналитической школы, исследователи и биографы. В двух номерах Ленинградской газеты⁷⁴ тут же по опубликовании письма были помещены интервью с В. Г. Чертковым, В. И. Срезневским и Н. Н. Гусевым.

Н. Н. Гусев в редакционном примечании к тексту пишет, что «здесь под формою шутки скрывается изображение действительности, действительного душевного состояния, пережитого тогда Софьей Андреевной и больно отозвавшегося в душе Льва Николаевича». В интервью он более подробно высказывает свое мнение: «Это письмо – письменный след глубочайшего переживания Льва Николаевича в его взаимоотношениях с Софьей Андреевной в первый период его брака с ней. И это психологически вполне естественно. Каждому известно, что во взаимоотношениях между мужчиной и женщиной такой период, когда его спутница жизни представляется ему, хотя на время, неодушевленной, «фарфоровой», совсем не столь редкое явление. Каждый женатый переживал то же, что Л. Н. Толстой. Разница лишь в интенсивности переживания и ощущения отчужденности, потери или превращения в «фарфоровую» жены каждым. Ясно, у Льва Николаевича, как у гения художественных образов, это свойственное каждому мужчине в любви к женщине переживание вылилось в соответствующую по диапазону эпически-художественную форму».

Наоборот, В. Г. Чертков и В. И. Срезневский категорически утверждают, что это – только шутка, что не следует выводить отсюда какие-то глубокие заключения, что это смешно и не соответствует реальности, тем более, что Толстой не стал бы посвящать юного адресата в свою семейную «драму». В. И. Срезневский не соглашается с мнением Н. Н. Гусева, «усматривающего в письме Льва Николаевича зародыш будущей семейной драмы Толстого... Первый период брака Толстого не был омрачен ни одной тучкой, отношения молодых супругов были безоблачные, и такая шутка в письме к Т. А. Кузминской вполне вероятна».

Мы не можем согласиться ни с тем ни с другим мнением.

На первый взгляд, это шутка. Так письмо было воспринято семейными⁷⁵, и никому и в голову не приходило придавать ему глубокий смысл. Трудно, разумеется, найти в нем следы надвигавшейся семейной драмы, но сопоставление с некоторыми намеками, разбросанными

⁷² Алексей Степанович Орехов (ум. 1882), слуга Л. Н-ча. Был с ним на Кавказе и в Севастополе.

⁷³ «Толстой и о Толстом», 2, М., 1926. «Красная Нива», № 4, январь 1926 г. «Красная газета» (вечерний выпуск), № 21 от 23 января 1926 г.

⁷⁴ «Красная газета» (вечерний выпуск), Л., 25 и 26 января 1926 г., № 22 и 23.

⁷⁵ С. А-на написала сестре: «Он выдумал, что я фарфоровая, такой поганец! А что это значит – Бог знает. Что ты думаешь о его сумасшедшем письме? Очень любопытно бы знать поскорей» (письмо Т. А. Кузминской от 23 марта 1863 г.).

в документах, позволяет допустить, что это действительно не шутка, что здесь, быть может, бессознательно отразилась интимная сторона отношений.

С. А. Толстую можно отнести к категории тех женщин, которые в первые месяцы замужества очень болезненно воспринимают физические проявления любви.

В дневнике Л. Н. Толстого, в первой записи после женитьбы, мы читаем: «Торжество обряда. Она заплаканная. В карете. Она все знает и просто. В Бирюлеве⁷⁶. Ее напуганность. Болезненное что-то».

Через две недели Софья Андреевна заносит в дневник: «Так противны все физические проявления».

В месяцы беременности эта сторона отношений вызывает сильный протест, а свойственное большинству беременных женщин неуравновешенное душевное состояние заставляет с особой тревогой, подозрительностью, требовательностью относиться к настроениям мужа. – Софья Андреевна вся сосредоточена на их взаимных отношениях, она теряет объективность оценки, не замечает сложной, мучительной духовной работы мужа, коренной ломки его взглядов, – не то ей сейчас нужно. Не чувствует также она всей принципиальной разницы половых устремлений ее, женщины, и мужа. Точно так же и Лев Николаевич часто применяет мужской масштаб в отношении своей жены.

«Скучающий» дневник Софьи Андреевны раскрывает перед нами будничную сторону счастливой семейной жизни, душевное одиночество супругов в эти значительные дни.

«Лева все больше и больше от меня отвлекается. У него играет большую роль физическая сторона любви. Это ужасно; у меня никакой, напротив. Но нравственно он *прочен* – это главное».

«Всему виновата беременность, но мне невыносимо и физически и нравственно. Физически я постоянно чем-нибудь больна, нравственно страшная скука, пустота, просто тоска какая-то. Я для Лева не существую. Я чувствую, что я ему несносна – и теперь у меня одна цель, оставить его в покое и, сколько можно, вычеркнуться из его жизни. Ничего веселого я не могу ему приносить, потому что я беременна. Какая горькая истина, что тогда узнаешь, как любит муж, когда жена беременна. Он на пчельнике, я бы Бог знает что дала, чтоб идти туда, но не иду, потому что у меня сильнейшее сердцебиение, а там сидеть неловко, и гроза скоро, у меня голова болит, и мне скучно – плакать хочется, и я не хочу ему быть неприятна и скучна, тем более, что и он болен. Мне с ним большею частью неловко. Если он со мной минутно еще бывает хорош, то это больше по привычке, и он чувствует себя как будто обязанным поддержать, не любя, прежние отношения. Да и страшно, верно, ему было бы сознаться искренно, что когда-то он любил; и недавно еще, но что все это уж прошло. А если б он только знал, как он переменялся, если б он побывал в моей коже, он понял бы, каково жить так на свете. А помочь тут нельзя никак. Он проснется еще раз, когда я рожу. Ведь это всегда так бывает. Это та ужасная *общая колея*, по которой все проходят и которую мы прежде так боялись. А я еще, к несчастью, очень люблю его, больше, чем когда-либо. Когда-то я попаду в эту несчастную колею»⁷⁷.

«Любовь провераешь именно в такое время, как теперь. Воротится хорошая погода, воротится здоровье, порядок будет и радость в хозяйстве, будет ребенок, воротится и [2] – гадко. А он подумает, что любовь вернулась, а она не вернулась, а вспомнилась только. А

⁷⁶ В Бирюлеве Толстые ночевали по дороге из Москвы в Ясную Поляну.

⁷⁷ Дневник С. А. Т-ой, 8 мая 1863 г. Что отношения Толстых были очень неровны и что это вызывалось многими причинами, мы знаем. Но насколько неверно было восприятие С. А.-ной настроений мужа, можно судить по одной записи Л. Н.-ча того же времени: «Я ее все больше и больше люблю. Нынче 5-й месяц, и я испытываю давно не испытанное сначала чувство уничтожения перед ней. Она так невозможно чиста и хороша и цельна для меня. В эти минуты я чувствую, что я не владею ею, несмотря на то, что она вся отдается мне. Я не владею ею, потому что не смею, не чувствую себя достойным. Я нервно раздражен и потому не *вполне* счастлив. Что-то мучает меня. Ревность к тому человеку, который вполне стоил бы ее. Я не стою». (Дневник Л. Н. Т-го, 24 марта 1863 г.)

потом опять нездоровье, опять неудачи, а ко всему еще ненавистная жена, и как смеет она тут постоянно торчать на глазах, и опять скука. Вот она жизнь-то ему какая предстоит. А моей уж нет, только и было, что любила я его, да утешалась, что он меня любить будет. Дура я, поверила, – только мученье себе готовила. И все мне кажется таким скучным»⁷⁸.

Не случайно в одной какой-нибудь записи Софья Андреевна касается интимных отношений. Она, как женщина, инстинктивно протестует против них, но страстная мужская натура Толстого настаивает, и Софья Андреевна боится, что ее положение охладит мужа; в каждом его шаге она ищет тому доказательств.

Перечтите теперь «Сказку о фарфоровой кукле», и вы, быть может, почувствуете, что Толстой в замаскированной шутиливой форме отразил протест жены против физических проявлений любви. Письмо составлено в очень светлом, радужном тоне. Так вышло, вероятно, потому, что написано оно в один из наиболее радостных периодов – как раз в то время, когда Лев Николаевич занес в дневник только что цитированную в примечании запись, когда он испытывал «чувство уничтожения» перед женой, а Софья Андреевна писала сестре, что они «очень дружны. Изю всех сил»⁷⁹.

Можно было бы не затрагивать этой деликатной темы, если бы освещенные здесь отношения не имели влияния на дальнейшую судьбу семьи Толстых. Но в развитии семейной трагедии они играли видную роль, и в дальнейшем снова придется вернуться к ним.

Чтобы не усложнять изложения, не приводить снова использованного материала, опускаем личные документы Льва Николаевича, иллюстрирующие его состояние в эти месяцы⁸⁰. Вспомним только, как неровен он был в своем отношении к жене, переходя от переоценки к раздражению и обратно, как минутами возмущала его непонятная пассивность жены, ее нервное состояние; как по-своему, по-мужски, он требовал активности во внешней деятельности и в половой сфере. Вспомним также, как в то время, когда беспечное веселье первых дней сменилось тревожным состоянием беременности, мужская природа Толстого однажды испытала раздвоение: он наслаждался душевной близостью с больной женой (это хорошо описано в XIV главе «Дьявола»), и вдруг неожиданно проснулось в нем влечение к другой женщине. Все это так по-человечески – без прикрас.

Ожидание первенца дает еще новый оттенок внутренней жизни Толстого. На очередь встает вопрос о воспитании, и мысль об этом Лев Николаевич принимает очень серьезно, основательно. В отношениях супругов звучат искренние счастливые нотки. Он «начитался медицинских книг и имел намерение воспитывать ребенка по всем правилам науки», – говорит Толстой о герое повести «Дьявол».

Софья Андреевна в нескольких письмах вводит сестру в круг своих семейных интересов:

«Он [Л. Н-ч] постоянно свидетельствует мое брюшко... считаем мы, сколько времени до родов. Уж я, признаться, хотела бы поскорее. Так тяжело дюже»⁸¹.

⁷⁸ Дневник С. А. Т-ой, 22 мая 1863 г.

⁷⁹ Письмо Т. А. Кузминской, 23 марта 1863 г.

⁸⁰ Приводим только запись дневника Толстого от 8 января 1863 г., часть содержания которой в своем комментарии С. А-на объясняет, как следствие болезненных проявлений ее беременности: «С утра платье. Она вызвала меня на то, чтобы сказать против, я и был против, я сказал – слезы, пошлые объяснения... Мы замазали кое-как. Я всегда собой недоволен в этих случаях, особенно поцелуями, это – ложная замазка... За обедом замазка соскочила – слезы, истерика. Лучший признак, что я люблю ее, я не сердился, мне было тяжело, ужасно тяжело и грустно. Я уехал, чтобы забыть и развлечься... Дома мне с ней тяжело. Верно, незаметно много накопилось на душе. Я чувствую, что ей тяжело, но мне еще тяжелей, и я ничего не могу сказать ей – да и нечего... *Она меня разлюбит*. Я почти уверен в этом. Одно, что меня может спасти, ежели она не полюбит никого другого, и я не буду виноват в этом. Она говорит: я *добр*. Я не люблю этого слышать, она за это-то и разлюбит меня».

⁸¹ Письмо Т. А. Кузминской, 2 апреля 1863 г.

«Мы очень хорошо живем. Он все уверяет, что никогда в Москве он не мог меня так – в четверть – любить, как здесь. Отчего это, Татьяна? И вправду, как любит, ужас... А сегодня еще выдумал. Читал медицинскую книгу Бока, пришел, я думаю, – дело, а он говорит: «Ведь у него уж ногти есть». Я думаю, у кого? – а это у ребенка, в животе. Глуп человек. Я сегодня очень в духе, и он говорит – я хорошенькая... Лева пресерьезно целый день сегодня рассчитывал, когда кувырнется, и вообрази, – через десять дней. Мы совсем делаемся помещиками: скотину закупаем, птиц, поросят, телят. Приедешь, все покажу».

Сам Лев Николаевич пишет за границу сестре, Марии Николаевне: «Я великая свинья, милая Маша, за то, что не писал тебе давно. Счастливые люди эгоисты. Ты это прими во внимание и не пеняй на меня... Я счастливый человек, живу, прислушиваюсь к брыканью ребенка в утробе Сони, пишу романы и повести и приготавливаю к постройке винокуренного завода... Письмо твое первое мне с Соней и читали и перечитываем. Пиши нам, пожалуйста. Дети меня, я думаю, знать не хотят. Смотрите, каналы, не разлюбите меня. А мне так хочется теперь всех любить и всеми быть любимым».

Первые роды С. А. Толстой описаны в бессмертной художественной сцене родов Кити Левиной. Насколько автобиографично это описание, можно судить по дневнику Льва Николаевича, по неоконченной записи, которую он сделал через месяц после рождения сына Сергея.

«Я пишу теперь не для себя одного, как прежде, не для нас двух, как недавно, а для него. – 27 июня ночью мы оба были особенно взволнованы... У нее болел живот, она металась, мы думали только, что это – последствия ягод. Утром ей стало хуже, в 5 часов мы проснулись, еще с вечера решившись – мне ехать навстречу к нашим. Она была разгорячена, в халате и вскрикивала, потом проходило, и она улыбалась и говорила: «ничего». Я послал за Анной⁸² больше для того, чтобы сделать, что можно, но не верил. Я был взволнован и спокоен, занят мелочами, как бывает перед сражением или в минуты близкой смерти. Мне досадно было на себя, что я мало чувствую. Мне хотелось ехать в Тулу и все сделать поаккуратнее. Мы ехали с Таней и Сашей [Берс], нам было неестественно. Я был спокоен и не позволял себе этого. В Туле мне странно было, что Копылов хочет, как всегда, говорить о политике, аптекари запечатывают коробочки. Мы поехали с Марьей Ивановной (акушерка Сережи)⁸³. Дома подъехали, – никого нет, Тетенька, которая сначала не хотела, чтоб я ехал и боялась, вышла ко мне расстроенная, оживленная, испуганная, с добрыми глазами. «Ну что?» – «Как ты мил, mon cher⁸⁴, что приехал! Были схватки». Я пошел. Милая, как она была серьезно, честно, трогательно и сильно хороша. Она была в халате распахнутом, кофточка с прошивками, черные волосы спутаны, – разгоряченное шероховато-красное лицо, горящие большие глаза, она ходила, посмотрела на меня. «Привез?» – «Да. Что?» – «Ужасно сильные схватки». – «Анны Петровны нет, тут Аксинья». – Она просто спокойно поцеловала меня. Пока копошились, с ней сделалось еще. Она схватилась за меня, как и утром, я целовал ее, но она про меня не думала, и серьезное, строгое было в ней. Марья Ивановна ушла с ней в спальню и вышла. «Роды начались», – сказала она тихо, торжественно и с нескрываемой радостью, какая бывает у бенифицианта, когда занавес поднялся. Она все ходила, она хлопотала около шкапов, приготавливала себе, приседала, и глаза все горели спокойно и торжественно. Было еще несколько схваток, и всякий раз я держал ее и чувствовал, как тело ее дрожало, вытягивалось и ужималось; и впечатление ее тела на меня было совсем, совсем другое, чем прежде – и до и во время замужества. В промежутках я бегал, хлопотал уставлять диван, на котором я родился, в ее комнату и др., и во мне было все то же чувство равнодушия,

⁸² Повивальная бабка.

⁸³ М. И. Абрамович, акушерка из Тулы.

⁸⁴ Мой дорогой (*фр.*).

укоризны за него и раздражения. Все хотелось поскорей, побольше и получше обдумать и сделать. Ее положили, она сама придумывала»...

На этом обрывается описание родов.

V

Рождением первого ребенка закончился *подготовительный* период семейной жизни Толстых.

Оглядываясь на пройденный ими путь, мы не можем не заметить, что на этом пути не было ничего исключительного, — узколичная жизнь Толстого вполне отвечала житейским нормам, и нормы эти не только не мешали, но содействовали духовному развитию мыслителя и художника.

В дальнейшем мы ускорим изложение и коснемся лишь нескольких основных данных, из которых слагалась их семейная жизнь.

28 июля 1863 г. родился сын Сергей, 4 октября 1864 г. — дочь Татьяна и 22 мая 1866 г. — сын Илья.

Несмотря на свое намерение уделять детям большую часть внимания и забот, Толстой, как и подобает интеллектуально активному мужчине, на первых порах не испытывает к ним непосредственной любви. Сергею уже больше года, а Лев Николаевич признается в дневнике, что «сын очень мало близок» ему. Дети не представляют еще для него самостоятельной ценности, и детский мир интересует его лишь постольку, поскольку он связан с любимой женой.

Как-то с охоты он пишет Софье Андреевне, говорит о сыне, но холодно: «Выеду завтра утром и вечером почувствую твой арбуз⁸⁵ и увижу твое лицо милое. Прощай, голубчик, Сереже кланяйся и не вели капризничать, а атата, атата...»

В одном задушевном письме он уверяет жену, что любит сына; и действительно, любовь понемногу пробуждается в нем, он начинает больше любить не жену, а жену-мать, входит в интересы «детской».

Ряд выдержек из писем Толстого к Софье Андреевне раскрывает эту эволюцию. «Грустно, что о Сереже все ты не пишешь; что понос, прошел ли? Не говори и не думай, что я их не люблю. Одно из главных желаний моих, чтоб Сережа был совсем здоров. Больше я бы ничего не попросил у волшебницы. А я не люблю их в сравнении с тем, как я тебя люблю». «... Милая моя душенька Соня, кормящая за ширмами, какую я тебя всегда вижу». «... Целую тебя в детской, за ширмами, в сером капоте». «Как в житее нашем оказалось, что нам дома не надо, а достаточно одной детской». «Так Сережа к клеенке лицо прикладывает и агу кричит? Посмотрю я. Ты меня так удивила, объявив, что ты спишь на полу, но Любовь Александровна сказала, что и она так спала, и я понял. Я и люблю и не люблю, когда ты подражаешь ей. Я желал бы, чтобы ты была такая же существенно хорошая, как она; но хочется, чтобы ты была (как оно и есть) более тонкой работы и с большими умственными интересами. Оно так и есть. После послезавтра на клеенчатом полу в детской обойму тебя, тонкую, быструю, милую мою жену».

В начале 1865 года отношение Толстого к сыну вполне определилось. «Сережа очень болен, кашляет. Я его очень начинаю любить. Совсем новое чувство», — отмечает он в дневнике.

Опять характерный «мужской» штрих: он нежен к подрастающему сыну и равнодушен к трудной дочери, чем немало огорчает мать. Она пишет об этом сестре. Сережа «бегаёт, пляшет, начинает говорить. Левочка к нему стал очень нежен, и все с ним занимается. На

⁸⁵ Поздняя беременность С. А-ны — вторая.

Таню он даже никогда не глядит, мне и обидно и странно. А она такая милая и хорошенькая, покойная и здоровая девочка. Вот уже ей пять месяцев, скоро зубы, скоро ползать, говорить, ходить. И так она и вырастет незамеченная. Таня, заметь ее, пожалуйста, и люби».

Совсем по-другому раскрывался материнский инстинкт Софьи Андреевны. Она сразу растворилась в любви к детям, она любит сына не для мужа, – он с первых же дней представляет для нее самостоятельную ценность. Но любовь к мужу и сыну неразделимы, являясь как бы двумя ипостасями одного чувства.

После первой болезни Сережи – был сильный ложный круп – Софья Андреевна пишет вдогонку Льву Николаевичу уехавшему в Никольское по делам. В этом письме сказала вся сила ее любви и к сыну и к мужу.

«У нас все просветлело, и меня мучает, что ты едешь и ужасно беспокоишься о нас всех. Я тебе скоро все лично буду рассказывать, а пишу, чтоб время прошло скорее, и все-таки как будто говорю с тобой. Что это только было вчера, я вспомнить не могу! Совершенно неожиданно, сидим за чаем, вдруг Сережа закашлял, я встала, посмотрела, мне показалось, что ничего особенного. Потом все пошло сильнее; я писала и услышала опять кашель, пошла в детскую, и тут его начало душить. С первых минут я совсем растерялась, не помню даже ничего об окружающих. Он кашлял, как из бочки, и задыхался; но я скоро опомнилась, хотя все плакала. Одно знаю, что было очень серьезно и, верно, опасно... Если б ты только видел, как он был жалок! Плакал, задыхался, горчица его щипала; он сучил ножками и хватался все за мои волосы, серьги, воротник, – точно он в меня влезть хотел или просил, чтоб его спасли. Я все держала его на руках, и чем больше он мучился, тем живее мне представлялись его щелчки, его любовь ко мне, все его мины, и я думала, что он умрет. Вспоминала еще, что ты бы отнял его у меня и сердился бы на меня, а я бы отдала Бог знает что, чтоб ты все-таки был со мной. Думая о смерти Сережи, мне еще страшнее стало без тебя. Ты не можешь себе вообразить это чувство осиротелости, которое я испытываю без тебя, и испытала особенно вчера с больным Сережей... А ты мне ужасно нужен, я так измучилась, и отдохнуть не с кем... Как много я передумала в эту ночь! Как любила тебя, как я хорошо понимала и чувствовала, какой ты отличный и как я тебя люблю... Его [Сережина] нежность ко мне сводит меня совсем с ума. Мне все хочется плакать, да и нервы расстроены, может быть, оттого. Он похудел и стал еще больше похож на тебя. Тебя я не вижу, и мне все хочется в его личике увидеть твои черты, найти сходство.

Когда уехал доктор, я легла и спала часа 1½ в детской. Все мне представлялось в тумане: и ночь прошедшая, и природа вся, и люди, – ты знаешь, как после бессонной ночи; а когда я думала о тебе, то ужасная пустота, скука, и все кажется, как будто не для меня, что я умерла и что только здоровье Сережи и ты опять меня оживят.

Сереже делалось все лучше и лучше, тетенька спала. Таня бегала везде, и в сад, и еще куда-то, и я все у Сережи, и все с самыми радостными, но тревожными мыслями о тебе... Встретила Ивана Ивановича⁸⁶, Таню и Анатоля⁸⁷. Таня была блестяща просто. В бархатной курточке, в своей шляпке с пестрыми перышками, беленькая, свеженькая – прелесть! Немножко завидно было, и я подумала, что и ты ею поразишься, страшно немножко стало. А я дурная, с измятым лицом, жалкая, чересчур неэлегантная... Приедешь ли? Я не дождусь, кажется, тебя, а как хочется увидаться скорей с тобой!»

С рождением первого ребенка весь темп жизни Софьи Андреевны сразу изменился. Куда делись раздражавшие Льва Николаевича пассивность и неопределенность. Она забыла

⁸⁶ И. И. Орлов, учитель Яснополянской школы.

⁸⁷ Анатолий Львович Шостак, троюродный брат С. А-ны. Увлечение Татьяны Андреевны. Об этом в ее книге «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне», ч. II.

прежние тревоги – их сменили новые, и она действительно вступила в тот период деятельности, когда стала «в одно и то же время женой мужа, хозяйкой дома», начала «носить, кормить и воспитывать детей». Ее предсказание сбылось. Ее не смущает больше будничная работа, деревенское одиночество. Все делает она с увлечением и основательно. Она вся преобразилась, она вся в детях, в муже, в хозяйстве. Она «зарылась в болезнях детей, в пеленках, в поносах... в детской со своими беспокойными детьми. И на ночь и на день [ей] их оставить никак нельзя». «Свободных минут не очень много. То корми, а то держи на руках». Для первого ребенка Софья Андреевна, заболев, вынуждена взять кормилицу, других же кормит с большими мучениями, но все же «легко и радостно». А когда «отняла, наконец, свою Танюшу, [то сделала это] с большим горем и даже слезами, что очень глупо». Одним словом, она «погружена в сиски, соски и соски», – как писала о том сестре в 1866 году – «то отсасываюсь, то кормлю, то прижигаю, то промываю, а кроме того, дети, варенье, соленья, грибы, пастилы, переписыванье для Левы, а для beaux arts⁸⁸ еле-еле минутку выберешь, и то, если дождь идет».

Вместе с мужем она утверждает, что у них «какой-то совсем особенный мир в детской», и прекрасно сознает происшедшую в ней перемену. «Кто такая была Сонечка Берс в Кремле, уж осталось одно только предание, а ее уж и помину нет, – пишет она Льву Николаевичу. – Мне хочется теперь дойти до идеала моего хорошей хозяйки, главное, деятельной и способной на все, не говоря уже о заботах о детях».

И трогателен, жизнен минутный протест молодой женщины, только что вступившей в новую жизнь, протест беспечной любви и молодости против земного труда. В конце 1863 г. Софья Андреевна записывает в дневнике: «Он стар и слишком сосредоточен. А я нынче так чувствую свою молодость, и так мне нужно чего-нибудь сумасшедшего. Вместо того, чтобы ложиться спать, мне хотелось бы кувыркаться. А с кем?» «Что-то старое надо мной, вся окружающая обстановка стара. И стараешься подавить всякое молодое чувство, так оно здесь при этой рассудительной обстановке неуместно и странно... О Льве у меня составляется мало-помалу впечатление существа, которое меня только останавливает. Эта сдержанность, которая происходит от этого останавливания, сдерживает также всякий порыв любви. И как любить, когда все так спокойно, рассудительно, мирно».

Через год, однажды вечером, Софья Андреевна так пишет мужу в Москву: «Сиж у Тебя в кабинете, пишу и плачу. Плачу о своем счастье, о тебе, что тебя нет; вспоминаю все свое прошлое, плачу и потому, что Машенька заиграла что-то, и музыка, которую я так давно не слыхала, разом вывела меня из моей сферы детской, пеленок, детей, из которой я давно не выходила ни на один шаг, и перенесла куда-то далеко, где все другое. Мне даже страшно стало. Я в себе давно заглушила все эти струнки, которые болели и чувствовались при звуках музыки, при виде природы, и при всем, чего ты не видел во мне, за что иногда тебе было досадно. А в эту минуту я все чувствую, и мне больно и хорошо. Лучше не надо всего этого нам, матерям и хозяйкам. Если б ты видел, как я теперь плачу, ты бы удивился, потому что я сама не знаю, о чем. Я всегда раскаиваюсь, что мало во мне понимания всего хорошего, а теперь, в эту минуту, я желаю, чтобы никогда не пробуждалось во мне это чувство, которое тебе, поэту и писателю, нужно, а мне – матери и хозяйке – только больно, потому что отдаваться ему я не могу и не должна».

Левочка, когда увидимся, никогда не спрашивай меня, что со мной было и о чем я плакала; теперь я все тебе могу сказать, а тогда мне будет стыдно. Теперь я слушаю музыку, у меня все нервы подняты, я люблю тебя ужасно, я вижу, как заходит красиво солнце в твоих окнах. Шуберта мелодии, к которым я бывала так равнодушна, теперь переворачивают всю мою душу, и я не могу удержаться, чтобы не плакать самыми горькими слезами, хотя и

⁸⁸ Изобразительные (изящные) искусства (*фр.*).

хорошо. Левочка, милый, ты будешь надо мной смеяться, скажешь, что я с ума сошла. Сейчас зажгут свечи, меня позовут кормить, я увижу, как дурно марается Сережа, и все мое настроение пройдет разом, как будто ничего со мной не было. Машенька стоит в спальне у окна, я сейчас прошла мимо, и сморкается. Мне кажется, что и она плачет. Что с нами случилось? Я к ней не подошла, но мне показалось.

Оглядываю все твой кабинет и все припоминаю, как ты у оружейного шкапа собирался на охоту, как Дора прыгала и радовалась около тебя⁸⁹, как ты сидел и писал у стола, и я приду, со страхом отворю дверь, взгляну, не мешаю ли я тебе, и ты видишь, что я робею, и скажешь: «Войди!» А мне только этого и хотелось. Вспоминаю, как ты больной лежал на диване, вспоминаю тяжелые ночи, проведенные тобою после вывиха, и Агафью Михайловну⁹⁰ на полу, дремлющую в полусвете, – и так мне грустно, что и сказать тебе не могу. Не дай Бог еще раз расстаться. Еще почти неделю я не увижу тебя, мой милый голубчик».

Но сентиментальное настроение уже не в силах заглушить новых интересов, и Софья Андреевна продолжает в том же письме: «Теперь тебе кажется, что хорошо дома, в Ясной Поляне, а приедешь, поживешь, я опять тебе надоем; и поносы, и дети – все покажется скучно. Кстати, о Сереже скажу тебе, что понос все продолжается безо всяких перемен уже несколько дней...» – Далее следует подробное описание семейных тревог.

Временами, и среди новой любимой работы, Софью Андреевну охватывает мрачное настроение.

«Сережа болен. Вся я как во сне. Только впечатления. Лучше, хуже, это все, что я понимаю. Левочка молодой, бодрый, с силой воли, занимается и независимый. Чувствую, что он – жизнь, сила; а я только червяк, который ползает и точит его. Боюсь быть слабой. Нервы плохи после болезни и стыдно. С Левочкой последний *надрез* чувствуется сильно. Жду сама виновата, и боюсь ждать; ну как никогда не воротится его нежность ко мне. Во мне благоговение к нему но сама так низко упала, что сама чувствую, как иногда хочется придраться к его слабости. Мне так все странно весь вечер. Он пошел гулять, я одна, и тихо все было. Дети спали, лежанка топится, тут наверху так чисто, пусто и так некстати цветы нарядные, яркие, и сильный запах померанцевого дерева, и страшно звука собственных шагов и дыхания даже. Левочка пришел, и все на минуту стало весело и легко. От него запахло свежим воздухом, и сам он мне делает впечатление свежего воздуха»⁹¹.

«Все не в духе, все мне дурно. Вчера я Левочку так обидела, просто ни за что, что теперь вспоминать страшно. Потом мне все скучно, я ровно ничего не делаю. Такая скука, такая тоска, что что бы я ни вздумала для утешения своего, ничего не поможет. Таня, видишь, – пишет она сестре, – и с жиру люди бесятся, и я сама за это так упала в своих глазах, что стараюсь все забывать о себе. Мне мысль, что я могу попасть в категорию *Mme*⁹² Дьяковых и прочих скучающих в деревне дам, до того ненавистна, что пройдет еще два-три дня, и я выйду сама над собой победительницей и найду, что в деревне опять все так же хорошо и весело, как и находила это до сих пор. Это на меня только нашло. Вот ровно год, что я не была нигде решительно, ну и пришло в голову, что папа долго не видал детей, что вот пройдет жизнь, и так я ничего и никого не увижу... А сама в хорошие, настоящие минуты понимаю и говорю, что моя жизнь – настоящая, и все нам должны завидовать и любоваться нами. Левочка более чем когда-либо нравственно хорош, пишет; и такой он мудрец, никогда

⁸⁹ С. А-на вспоминает последнюю охоту, на которой Л. Н-ч вывихнул руку. Он уехал лечиться в Москву, куда и адресовано письмо.

⁹⁰ Горничная П. Н. Толстой, бабушки Л. Н-ча (1808–1896).

⁹¹ Дневник, 6 марта 1865 г.

⁹² Сокращенное с французского – мадам, госпожа, сударыня.

он ничего не желает, ничем не тяготится, всегда ровен, и так и чувствуешь, что он вся поддержка моя и что только с ним я и могу быть счастлива».

Софья Андреевна права. Эти годы -1864-1866 – были особенно радостны. Первые шероховатости сгладились, мучительная растерянность и неопределенность первого периода исканий кончилась, жизнь заполнена. Каждый нашел свою сферу деятельности, прошлое не волнует больше, интересы гармонически объединены. Ненадежный ураган любви сменился спокойным семейным счастьем.

«Скоро год, как я не писал в эту книгу. И год хороший, – отмечает Лев Николаевич в дневнике 16 сентября 1864 г. – Отношения наши с Соней утвердились, упрочились. Мы любим, то есть дороже друг для друга всех других людей на свете, и мы ясно смотрим друг на друга. Нет тайн, и ни за что не совестно».

«Нам все делается лучше и лучше жить на свете вместе», – заявляет Софья Андреевна в письме-дневнике.

Об отношениях Толстых можно судить также по их переписке. Приводим в выдержках.

Однажды Лев Николаевич с охоты из Чернского уезда пишет жене: «Нынче встал, – все спят, и вот достал тетрадь какую-то и пишу к Соне, без которой мне жить плохо... Ты говоришь, я забуду. Ни минуты, особенно с людьми. На охоте я забываю, помню об одном дупеле; но с людьми – при всяком столкновении, слове я вспоминаю о тебе, и все мне хочется сказать тебе то, что я никому, кроме тебя, не могу сказать».

Софья Андреевна ему отвечает: «Когда Сережа спит, я нигде себе места не нахожу, так и тянет все к тебе, и все я тебя жду, как будто ты только ушел ненадолго. Первую жертву я сыну сделала, что не поехала с тобой. Мне теперь весело думать о том, как бы мы с тобой вдвоем, совсем одни куда-нибудь поехали пожить, как молодые. Но теперь это уж кончено, никогда этого не будет».

«А я-то тебя как люблю! Голубчик милый, – пишет Лев Николаевич. – Всю дорогу ехал до Черни и думал: нет, непременно произойдет какая-нибудь путаница с письмами, и я не получу в Черни. Приезжаю, и бывший приказчик Томаса – какое милое лицо у этого приказчика – говорит: а вы не изволили получить письма? А я так проголодался, занялся супом, что еще не спросил. Какое письмо милое, и ты милая!.. В этот раз я чувствую, как ты мне много еще ближе стала».

Осенью 1864 года Л. Н. Толстой сломал на охоте руку. Ее плохо вправили, и рука неправильно срослась. Ему пришлось ехать в Москву, жена осталась с детьми в Ясной. Переписывались они почти каждый день. Приведем из этих писем еще несколько цитат.

Софья Андреевна пишет Льву Николаевичу на другой день после его отъезда: «Вчерашний вечер, и наше с тобой прощанье, – твой отъезд, все это мне представляется теперь как сон, такая я сама-то была сонная, и в неестественном, напряженном состоянии. А как нам хорошо было последнее время, так счастливо, так дружно! Надо же было такое горе: грустно без тебя ужасно, и все приходит в голову: его нет, так к чему все это? Зачем надо все так же обедать, зачем так же печи топятся, и все суетятся, и такое же солнце яркое, и та же тетенька и Зефироты⁹³ и все».

В Москве Льву Николаевичу сделали операцию вновь вправленной руки, после чего он не мог писать и диктовал письма свояченице.

⁹³ «Так называл Л. Н.-ч своих племянниц Варю и Лизу, дочерей М. Н. Толстой, по следующему поводу: в Ясную Поляну изредка приезжала монахиня тульского монастыря, Марья Герасимовна, крестная мать Марии Николаевны (сестра Л. Н.-ча). Раз, приехавши из Тулы, она рассказала, что в газетах напечатано, что прилетели огромные – не то птицы, не то драконы, зовут их Зефироты. Сначала Л. Н. говорил про меня (С. А.-ну) и сестру Таню: «Жили, жили с тетенькой покойно и прилетели к нам эти Зефироты». Потом он перенес это название и на племянниц. (Комментарий С. А. Толстой к «Письмам Л. Н. Толстого к жене», с. 11.)

В одном из них: «Соня, моя милая, совсем я без тебя расстроился, ни спокойствия, ни решительности, ни деятельности – никаких, а все оттого, что без тебя я теряю *equilibre*⁹⁴, все равно, как все время на одной ноге стоишь».

Едва рука поджила, как он старается лично приписать несколько нежных слов:

«Прощай, моя милая, душечка, голубчик. Не могу диктовать всего. Я тебя так сильно всеми Любовями люблю все это время. Милый мой друг. И чем больше люблю, тем больше боюсь».

Она отвечает: «Вот счастье-то было читать твои каракульки, написанные больной рукой. *Всеми Любовями*... Я то уж не знаю, какими я тебя Любовями люблю, да всегда придерживаюсь говорить о них, потому что ты когда-то сказал: «Зачем говорить; об этом не говорят».

Из другого письма Софьи Андреевны: «Хоть мне и весело писать тебе, милый мой Левочка, а все-таки я желала бы, чтоб этого уж не нужно было. Тянешь, тянешь день за день, и все делаешься нетерпеливее, и все больше и больше хочется тебя видеть, милый мой друг... Всякий раз, как подумаю о том, что, может быть, ты скоро приедешь, со мной делается радостное содрогание, а жизнь впереди представляется такой счастливой, радостной.

Нынче у меня руки отнимаются писать с гори, что нет от тебя письма. Верно, что-нибудь на почте не так, я уверена, что ты пишешь всякий день. То приходит мне в голову, что это письмо я пишу напрасно, а что ты теперь с болью в руке, в тяжелой шубе едешь домой. Если б ты видел, как Сережа мил. Ползает по полу, дует на бумажку и ползает за ней; опять дует, опять догоняет. Девочка спит, а я все горюю о своем одиночестве, мечтаю о будущем, люблю тебя ужасно, и так грустно, Левочка, на душе, так хотелось бы быть с тобой, мой милый друг».

«Прощай, милый мой друг, – приписывает Лев Николаевич больной рукой в другом письме. – Как я тебя люблю и как целую. Все будет хорошо, и нет для нас несчастья, коли ты меня будешь любить, как я тебя люблю».

Трогательные отношения, взаимная уверенность рассеяли страхи и сомнения и позволили с особенной бережливостью относиться друг к другу, заглушить природную ревность. Софья Андреевна боится, что мужу будет скучно в Москве, и она его спрашивает: «Хорошо ли тебе? Ты обо мне не думай, ты все делай, чтоб тебе весело, и в клуб езд, и к знакомым, к кому хочешь; я теперь насчет всего так покойна, так счастлива тобой и так в тебе уверена, что ничего в мире не боюсь. Это я тебе говорю искренно, и самой приятно в себе это чувствовать».

Через несколько дней она снова убеждает его: «Что ты все дома сидишь; ты бы съездил кое к кому, все бы рассеялся. Я так боюсь, что ты, пожалуй, думаешь, что мне неприятно, а мне, право, ничего, хоть даже к самой А. О.[боленской]».

И Толстой платит жене тем же. Он не позволяет себе ничего, что могло бы хоть немного быть неприятно Софье Андреевне. Работая в Москве над материалами к роману, он узнал, «что у графа Уварова есть переписка его дяди, командовавшего корпусом в 1805 году; поехал к нему, но не застал дома. Предмет же мой прежний, – сообщает он жене, – мне сказали, что принимает, но я, разумеется, не пошел, потому что мне скучно бы было и тебе, может быть, неприятно».

Эти письма 1864 года. А 10 апреля 1865-го Лев Николаевич отмечает в дневнике: «Соню очень люблю, и нам так хорошо!»

26 сентября: «Мы очень хорошо вернулись с Соней домой. Мы так счастливы вдвоем, как, верно, счастлив один из миллиона людей».

Подтверждают эту запись несколько выдержек из переписки того времени.

⁹⁴ Равновесие (*фр.*).

Лев Николаевич пишет жене с охоты: «Я рад, что в этот день меня развлекли, а то дорогой мне уже становилось за тебя страшно и грустно. Смешно сказать: как выехал, так почувствовал, как страшно тебя оставлять... Никогда мы перед разлукой не были так равнодушны, как этот раз, и потому мне все о тебе щемит. Прощай, душенька. Пиши все днем-никогда подробнее, хоть по приезде прочту».

«Из чего ты взял, что мы были равнодушны друг к другу перед разлукой, – отвечает ему Софья Андреевна. – Я не была равнодушна; мне было грустно, что ты едешь, а, главное, едешь больной. А твое равнодушие я считала за желчное, нездоровое расположение, в котором ничто не мило и ничто не трогает».

Из другого письма Льва Николаевича: «Я не жалею, что я поехал, и не нарадуюсь. Особенно, когда приеду и увижу тебя и детей, – тебя с твоей улыбкой, и тебя, здоровую, счастливую и спокойную. Только чтоб с тобой ничего не случилось во все это время... Прощай, душенька, Христос с тобой».

Уезжая в Тулу, Лев Николаевич оставляет жене записку: «Я тебя не стал будить; авось, сном ты избавишься от боли. Я уезжаю в 11, стало быть, раньше 6 не приеду. Ежели же что-нибудь интересное, – что очень сомнительно, – задержит, то останусь и вечер. И я паинька, и ты будь паинька, и Сережа будь паинька, не будет...

Я все медлю, хотелось бы тебя поцеловать перед отъездом».

Весеннее письмо Софьи Андреевны к сестре говорит о настроении Толстых в следующем, 1866 году:

«Как у нас теперь в Ясной хорошо, Таня. Просто чудо! Соловьи в эту минуту со всех концов свистят и щелкают. Дождь нынче шел, но тепло, тихо, прелесть. Везде молодая зелень, и так все растет, такая благодатная весна. Сад наш вычистили, и на кругу и на первой дорожке новые лавочки поделали, а то ты бы рассердилась, что все погнило, и сидеть бы негде было. Детки мои, с кабриолетиком, тележками, разными ребятами, целый день по дорожкам бегают, а уж особенная *partie de plaisir*⁹⁵ – это ходить в лес. Они очень поправились и развились. А я страшная такая стала, худая, а спереди целая гора. Смотреть страшно. На тягу я хожу с Левою почти каждый раз, и мы таки бивали в начале весны довольно много вальдшнепов. Очень было хорошо».

Приводим два отрывка из переписки между Ясной и Москвой, куда Лев Николаевич осенью уехал по делам «Войны и мира».

«После обеда еще получил твое первое письмо. И мы оба с мама так принялись хвалить тебя, что самим стало совестно. Как грустна о Машеньке. А Таню маленькую я так и вижу, и сияю при мысли о ней. Прочти им: «*Сережа милый, и Таня милая, и Илюша милый, я их люблю. Сережа теперь большой, он будет писать папаше*». – И вели ему написать и Тане, то есть нарисовать что-нибудь мне».

Так писал Лев Николаевич. Софья Андреевна ответила: «Знаю, милый, и уверена, что ты думаешь о нас всех; а я-то как и думаю и мучаюсь о тебе и как люблю тебя. Нынче всю ночь, решительно, не спала и все мучилась, что письма не было вчера. Если б ты знал, какая была длинная, мучительная и страшная для меня ночь. Надеюсь, что ты мне напишешь, в какой день намерен воротиться домой. То-то я ждать тебя буду!»

Из ее дневника: «Я так радостно вспоминаю 17 сентября с музыкой, которая меня так удивила и обрадовала, за обедом, и при этом милое, любящее выражение Левы, и этот вечер на террасе при свете фонарей и огарочков, и оживленные, молодые фигуры барышень в кисейных белых платьях, маленький добродушный Колокольцев⁹⁶, а, главное, везде и надо всем оживленное, любимое лицо Левочки, который так старался и достигал того, что нам

⁹⁵ Увеселительная прогулка (фр.)

⁹⁶ Григорий Аполлонович Колокольцев, знакомый семьи Берс; был офицером полка, стоявшего близ Тулы.

всем было так весело. Я сама удивлялась, что я, солидная, серьезная, танцевала с таким увлечением. Погода была такая чудная, и всем нам было так хорошо... Мы ужасно счастливы во всем. И в наших отношениях, и в детях, и в жизни».

Спешим оговориться, что в этом, 1866 году минутами уже ясно звучали мотивы нового настроения Толстого. Проскальзывали они и раньше, не изменяя общего радостного состояния. Но мы не остановимся пока на этом явлении – ниже посвятим ему особую главу.

А то, что прошло перед нами, – трогательно и поучительно. Молодая женщина поглощена детьми и своею любовью к мужу. Автор «Войны и мира» рисует бессмертные художественные образы, создает новую философскую систему, черпая в любимой семье силы к творчеству. «Мне только то весело, что я делаю, и знаю, что ежели бы ты была, ты бы со мною делала и одобряла. Я не вспоминаю тебя, а сознание тебя всегда при мне. Это не фраза, а это именно так», – пишет Толстой жене из Москвы, куда он уехал работать над материалами к роману.

Интеллектуально Софья Андреевна стоит неизмеримо ниже своего мужа, она не может, разумеется, помогать ему в его умственной работе, но она с семьей создает ту обстановку жизни, которая вдохновляет Толстого к творчеству.

Софья Андреевна не идет дальше технической помощи – переписыванья – и сама признается, что тут «думать не надо, а следишь и пользуешься разными мыслями другого, близкого человека, и оттого хорошо». Но она чутьем угадывает настроение автора, ревниво оберегает его интересы.

«Какая ты умница, что пишешь, чтоб я никому не давал читать моего романа; ежели бы даже это было не так умно, я бы исполнил потому, что ты хочешь»⁹⁷. «Как ты мила, что поняла мое чувство, отдавая рукописи». (Письмо жене, 7 декабря 1864 г.)

Софья Андреевна вся в муже, которого любит, вся в детях, которых они оба любят⁹⁸. В первые месяцы замужества она боялась, что духовное богатство мужа может дать ему силы жить без ее любви. Но теперь она видит, что его творчество созвучно семейной жизни, и радостно принимает его. На роман она в первую очередь смотрит глазами жены-матери.

«До обеда сидела в бане, окруженная всеми частицами тебя, т. е. детьми и писаньем твоим, которое переписывала. Только такая жизнь мне и возможна без тебя», – пишет Софья Андреевна в 1865 году от М. Н. Толстой, отпустив мужа на охоту.

«Левочка, я больше ни о чем не могу тебе писать, – письмо 1866 года, – потому что вся моя жизнь теперь в англичанке⁹⁹, и все старания употреблены на то, чтобы приучить к ней детей как можно скорее... Что-то ты в Москве, как живешь? Как решился с нашей святыней – твоим романом? Я теперь стала чувствовать, что это твое, стало быть, и мое детище, и, отпуская эту пачку листиков твоего романа в Москву, я точно отпустила ребенка и боюсь, чтобы ему не причинили какой-нибудь вред».

По существу, Софья Андреевна, как женщина, интересуется в произведении больше «миром», чем «войной». Ей более понятен круг интересов, нежели общие вопросы, занимавшие мужа¹⁰⁰. Она говорит с ним об этом. Он ее хвалит. «А я так и не сказал, за что ты умница. Ты, как хорошая жена, думала о муже, как о самой себе, а я помню, как ты мне сказала, что мое все военное и историческое, о котором я так стараюсь, выйдет плохо, а хорошо

⁹⁷ Письмо жене, 27 ноября 1864 г.

⁹⁸ «Что за сильное чувство матери, а как мне кажется не странно, а естественно, что я мать. Левочкин ребенок, оттого и люблю его». – «Я люблю детей своих до страсти, до боли. Всякое малейшее страдание приводит меня в отчаяние, всякая улыбочка, всякий взгляд радует до слез» (из дневника С. А-ны от 14 июля 1863 г. и 27 августа 1866 г.).

⁹⁹ Толстые только что взяли гувернантку, англичанку Ханну Терсей, прожившую в их доме около шести лет. Все письмо полно описаний ее работы в семье Толстых. Так характерны эти переходы от детей к роману.

¹⁰⁰ «Лева читает военные сцены в романе; я не люблю этого места в романе», – отмечает С. А-на в дневнике 16 июля 1865 г.

будет другое – семейное, характеры, психологическое. Это так правда, как нельзя больше, и я помню, как ты мне сказала это, и всю тебя помню. И, как Таня, мне хочется закричать: «Мама, я хочу в Ясную, я хочу Соню!» Начал писать тебе не в духе, а кончаю совсем другим человеком. Душа моя милая! Только ты меня люби, как я тебя, и все мне нипочем, и все прекрасно»¹⁰¹.

«Мир» создан изумительно. Полнота личного счастья породила единственную в мировой литературе семейную хронику. Справедливо отметил критик Н. Н. Страхов, что «никогда еще не было на свете подобного описания супружеской жизни... Любовь между мужем и женою в полном расцвете их сил, чистая, нежная, твердая, незыблемо-глубокая, – в первый раз изображена нам во всей ее высокой силе и без единой прикрасы».

Удовлетворенный семьей Толстой нежными красками описал семейную жизнь своих предков и родственников. Не 50-ти лет, как обещал¹⁰², а теперь же дал светлый образ свояченицы и жены.

По поводу Наташи Ростовской Л. Н. Толстому приписываются слова: «Я взял Таню, перетолкал ее с Соней, и вышла Наташа». Редактор мемуаров прототипа «Наташи» М. А. Цявловский полагает, что образ целиком списан с сестры Софьи Андреевны – Т. А. Кузминской. Это не верно.

Мы познакомились с настроением и укладом жизни Толстых в первые годы. Кто не узнает в Софье Андреевне Наташу Ростову после замужества? Сестра Софьи Андреевны вышла замуж в 1867 году, и Лев Николаевич при писании романа не имел возможности наблюдать Татьяну Андреевну в новой ее обстановке. Но жену свою он знал хорошо: ее быструю перемену, когда пошли дети, ее ревность ко всему, что не относилось к семье, ее сочувствие к работе мужа, пока она была тоже в семье, наконец, ее поглощение детской, этот корябящий постороннего зритель восторг перед желтым, а не зеленым пятном на детской пеленке, – все это узнал Толстой в своей жене и перенес в роман. Толстой оценил Наташу и признал ее жизнь единственно правильной жизнью женщины¹⁰³.

«Война и мир» создана в семье, она вышла из нее. Семья ничем, казалось бы, не способствовала творчеству, а вместе с тем именно она порождала его. Эта полоса духовной деятельности была необходимой для перехода в следующую полосу, и здесь семья помогла Толстому. Нельзя говорить о неудачном соединении жизни обыденной женщины с жизнью гениального Толстого, – мы видели как благотворно влияла эта «обыденность» на его творчество. И разгадку влияния надо искать не в личных достоинствах или недостатках, а в таинственной сущности любви, – отношений между *мужчиной* и *женщиной*, тех самых, которые заставили Толстого опровергнуть прежние увлечения, остановить выбор на Софье Андреевне, получить от близости с ней полное удовлетворение и, вопреки логике, черпать из этой любви силы к творчеству. Разгадка эта – в таинственной сущности тех отношений, которые, породив плодотворное счастье, потом разбили его и привели к семейной трагедии.

¹⁰¹ Письмо жене, 7 декабря 1864 г. Из дневника С. А-ны от 12 ноября 1866 г.: «Мы часто с ним говорим о романе, и он почему-то (что составляет мою гордость) очень верит и слушает мои суждения».

¹⁰² Из письма С. А-ны к сестрам: «Девы, скажу вам по секрету, прошу не говорить, – Левочка, может быть, нас опишет, когда ему будет 50 лет» (11 ноября 1862 г.).

¹⁰³ Большая часть писем С. А-ны полна описаний прозы семейной жизни. Некоторые из них просятся на страницы «Эпилога». «Спроси хоть папа или еще кого-нибудь о Сереже. Я почти уверена, что у него лишаи... А уж о поносе и говорить нечего. Сейчас слышу самые неприятные для меня звуки и запахи. Трудно мне достается этот мальчик (далее о родных С. А-ны и затем). Не знаю, что испортило Сережу (я все на одно съезжаю) – оспа или тетенька. Вообрази, у него понос, а она без моего ведома послала ему котлетку, да еще с горошком» (мужу, 28 ноября 1864 г.). – «Главное-то я и не пишу тебе, что у Сережи понос прошел совершенно, жару тоже почти нет, и вообще ему гораздо лучше... Похвастала было, что у Сережи понос прекратился, а к вечеру ему стало опять хуже» (ему же, 30 ноября 1864 г.). – «У Сережи с Таней страшный понос. Кто бы мог подумать, что мое несчастье будет от поносов» (Т. А. Кузминской, 19 марта 1865 г.). Разве здесь не чувствуется вся Наташа – жена – мать?

Сторонники «несчастливого» брака могут обвинить нас в тенденциозном подборе материала. Как можно, – скажут они, – обойти очевидную разницу характеров мужа и жены; ясно, что Лев Николаевич из опасения нарушить семейный строй, скрепя сердце, отказался от многого, чему прежде служил. В дневнике Софья Андреевна сама признается, что ненавидит народ за то, что он отвлекает от нее внимание Толстого, и мы как будто не придали этому значения. Почему, доведя описание до 1866 года, мы не привели записи Льва Николаевича, сделанной им еще в 1863 году; – в ней он подписывает смертный приговор своему «семейному счастью»! По ней одной очевидно, что в действительности было далеко не так благополучно, как представлено в нашей книге. Вот эта запись.

«Где я, – тот я, которого я сам любил и знал, который выйдет иногда наружу весь и меня самого радует и пугает? Я маленький и ничтожный. И я такой с тех пор, как женился на женщине, которую люблю. Все писанное в этой книжке почти вранье – фальшь. Мысль, что она и тут читает из-за плеча, уменьшает и портит мою правду. Нынче ее видимое удовольствие болтать и обратить на себя внимание Эрленвейна¹⁰⁴ и безумная ночь вдруг подняли меня на старую высоту правды и силы. Стоит это прочесть и сказать: «да, знаю – ревность» и еще успокоить и еще что-нибудь сделать, чтобы успокоить меня, чтобы скинуть меня опять во всю с юности ненавистную пошлость жизни. А я живу в ней вот 9 месяцев. Ужасно. Я игрок и пьяница. Я в запое хозяйства погубил невозвратимые 9 месяцев, которые могли бы быть лучшими и которые я сделал чуть ли не из худших в жизни. Чего мне надо? Жить счастливо, то есть быть любимым ею и собою, а я ненавижу себя за это время. Сколько раз я писал: нынче кончено. Теперь не пишу. Боже мой, помоги мне. Дай мне жить всегда в этом сознании Тебя и своей силы. Безумная ночь. Я Тебя ищу, чем бы обидеть невольно. Это скверно и пройдет, но не сердись, я не могу не любить Тебя.

Должен приписать для нее – она будет читать – для нее я пишу не то, что неправду, но, выбирая из многого то, что для себя одного я не стал бы писать. То, что ей может другой человек – и самый ничтожный – быть приятен, понятно мне и не должно казаться несправедливым для меня, как ни невыносимо, потому что я за эти 9 месяцев самый ничтожный, слабый, бессмысленный и пошлый человек.

Нынче луна подняла меня кверху, но как, этого никто не знает. Недаром я думал нынче, что такой же закон тяготения, как материи к земле, существует для того, что мы называем духом, к духовному солнцу...

Опять в третий раз сажусь писать. Ужасно, страшно, бессмысленно связать свое счастье с материальными условиями – жена, дети, здоровье, богатство. Юродивый прав. Могут быть жена, дети, здоровье и др., но не в том. Господи, помилуй и помоги мне».

Этой выдержки мы не приводили сознательно, чтобы теперь, на общем фоне, рельефнее выделить ее и осмыслить ее содержание.

Здесь можно различить два момента: ревность (Лев Николаевич был очень ревнив)¹⁰⁵ и угнетенное состояние духа переходного времени. На этом, последнем, вопросе мы останавливались выше и знаем, как временами тяжело было Толстому, пока не определился твердо его новый путь. В 1863 году такое состояние могло быть вызвано еще тем, что внешние

¹⁰⁴ А. А. Эрленвейн, учитель Яснополянской школы и школы в д. Бабурино, близ Я. П.-ны.

¹⁰⁵ Рассказывают, что еще в детстве, в пылу ревности, Л. Н-ч столкнул с балкона мать своей будущей жены Л. А. Берс. Будучи женихом, он ревновал С. А. – ну к окружающим ее молодым людям (см. Воспоминания Т. А. Кузминской). В день объяснения он почувствовал «ревность к ее прошедшему» (дневник, 20–24 сентября 1862 г.). Это состояние снова проснулось в первый приезд молодых в Москву. 3 января 1863 г. Толстой записал в дневнике: «Она говорит о ревности: уважать надо. – Уверенность и т. д., и это – фразы, а все боишься и боишься... Присутствие П. неприятно мне; надо его перенести наилучше. Мы одиноки в Москве. Надо сделать авансы, а вдруг будет горе и хуже, а теперь так хорошо!» Ревность проявлялась и в дальнейшем, о чем ниже. Об этом случае с Эрленвейном см. у Кузминской. «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне», ч. II, с. 121. Цитированная выдержка из дневника С. А.-ны «о народе» также может свидетельствовать об исключительно ревливой натуре С. Аны, а не об ее низких душевных качествах.

формы нового образа жизни уже давно обозначились (довольство состоятельной дворянской семьи, интересы хозяйства и дома), а внутреннее содержание (интенсивная интеллектуальная деятельность художника-философа) еще не определилось, и внешний голый остов временами корбил совесть Толстого.

На этот раз угнетенное состояние было довольно продолжительно. Еще 2 июня 1863 г. он писал в дневнике о «тяжелом [для него] времени физического и – оттого ли или самого собой – нравственного тяжелого и безнадежного сна». И это настроение под влиянием порыва ревности вызвало такую исключительную запись.

Говоря о спокойной жизни Толстых в первые годы, нельзя, разумеется, представить ее, как безболезненную быструю смену состояний. Одно отходило, другое по инерции оставалось дольше, но не имело прежнего значения. Школа закрыта была вскоре, и, хотя педагогические вопросы продолжали интересовать Толстого, он уже не увлекался этой работой и смотрел на нее, как на *долг*.

Отрешившись от общественной деятельности, Лев Николаевич не мог все же равнодушно проходить мимо жизни и реагировал на ее явления. Он защищал на суде отданного под расстрел солдата Шибунина, тяжело переживал надвигавшийся в 1865 году голод¹⁰⁶. Но это было далеко от того, что было раньше, когда Толстой инстинктивно порывался к деятельности, растворяясь в ней, и от того, что будет через несколько лет, когда, вырабатывая цельное мировоззрение, он войдет в новую жизнь.

В это переходное время Лев Николаевич сузил свой масштаб до обычных житейских рамок, и в нем не было протеста против них, так как по результатам они оказались далеко не бесценными. Сам Толстой в те годы признавал за этим периодом своей жизни большое содержание; он не только не жалел о перемене, но дорожил новым как единственно важным. Он не тяготился им, а с удовлетворением брал из него то, что в этот переходный момент ему было нужно.

Приведенная выдержка из дневника отражает временное состояние, а общий итог, конечная оценка этого периода дана в нескольких письмах к А. А. Толстой. В них подчеркнута полная удовлетворенность Льва Николаевича его душевным настроением, отмечавшим гармоническое объединение интересов семьи и интеллектуального творчества.

Письма 1865 года: «Я как-то раз вам писал, что люди ошибаются, ожидая какого-то такого счастья, при котором нет ни трудов, ни обманов, ни горя, а все идет ровно и счастливо. Я тогда ошибался: такое счастье есть, и я в нем живу 3-й год, и с каждым днем оно делается ровнее и глубже. И материалы, из которых построено это счастье, самые некрасивые – дети, которые (виноват) мараются и кричат, жена, которая кормит одного, водит другого и всякую минуту упрекает меня, что я не вижу, что они оба на краю гроба, и бумага и чернила, посредством [которых] я описываю события и чувства людей, которых никогда не было... Я страшно переменялся с тех пор, как женился, и многое из того, что я не признавал, стало мне понятно и наоборот».

По поводу женитьбы Аксакова¹⁰⁷ Лев Николаевич сказал ему: «Женитесь. Не в обиду вам будь сказано, я опытом убедился, что человек неженатый до конца дней мальчишка. Новый свет открывается женатому».

¹⁰⁶ «Засуха не выходит у меня из головы» (письмо жене). «Последнее время я своими делами доволен, но общий ход дел, т. е. предстоящее народное бедствие голода, с каждым днем мучает меня больше и больше. Так странно и даже хорошо и страшно. У нас за столом редиска розовая, желтое масло, поджаренный мягкий хлеб на чистой скатерти, в саду зелень, молодые наши дамы в кисейных платьях, рады, что жарко и тень, а там этот злой черт голод, делает уже свое дело, покрывает поля лебедой, разводит трещины по высохнувшей земле и обдирает мозольные пятки мужиков и баб и трескает копыта у скотины и всех проберет и расшевелит, пожалуй, так, что и нам под тенистыми липами, в кисейных платьях и с желтым сливочным маслом на расписном блюде – достанется. Право, страшная у нас погода, хлеба и луга» (письмо Фету, 16 мая 1865 г.).

¹⁰⁷ Ив. Серг. Аксаков (1823–1886). Женат с 12 января 1866 г. на Анне Фед. Тютчевой (1829–1889), дочери Фед. Ив.

«А как переменяешься от женатой жизни, я никогда бы не поверил. Я чувствую себя яблоней, которая росла с сучками от земли и во все стороны, которую теперь жизнь подрезала, подстригла, подвязала и подперла, чтобы она другим не мешала и сама бы укоренялась и росла в один ствол. Так я и расту; не знаю, будет ли плод и хорош ли, или вовсе засохну, но знаю, что расту правильно».

«Я и всегда был понятен, а теперь еще более, – теперь, как я вошел в ту колею семейной жизни, которая, несмотря на какую бы то ни было гордость и потребность самобытности, ведет по одной битой дороге умеренности, долга и нравственного спокойствия. И прекрасно делает! – Никогда я так сильно не чувствовал всего себя, свою душу, как теперь, когда порывы и страсти знают свой предел. Я теперь уже знаю, что у меня есть и душа и бессмертная (по крайней мере, часто я думаю знать это), и знаю, что есть Бог».

Прибавить к этому нечего.

VI

Описывая в предыдущих главах первые годы счастливой семейной жизни Толстых, мы неоднократно подчеркивали, что в этот период ничто не нарушало согласия, жизнь была очень бодрой и удовлетворенной. Недоразумения носили случайный характер, и не было тех роковых разногласий, которые существенно изменяли бы радостный строй.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.